ISSN 2307-5775

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

2017 № 4

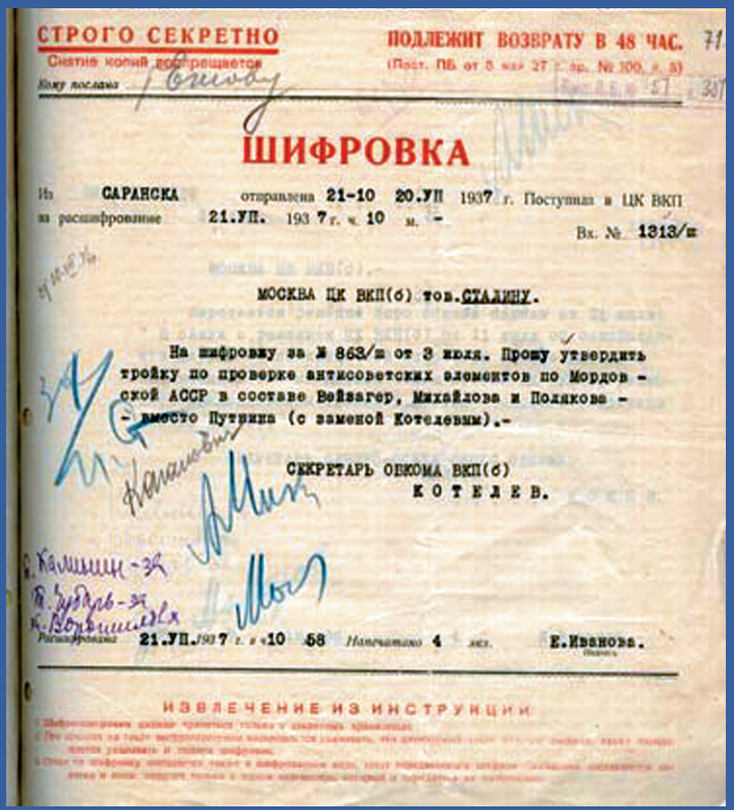
ПОЛКОВНИК Н. В. КРАСОВСКИЙ – ПАЛАЧ, ЖЕРТВА ИЛИ ГЕРОЙ?

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ АРХИТЕКТОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛМЫЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ

«ПРОВИНЦИИ НУЖЕН ПОРЯДОК...»

http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1006137



СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий запрещается
Кому послана Ежову
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
(Пост. ПБ от 5 мая 37 г. вопр. № 100, п. 5)

ШИФРОВКА

Из САРАНСКА отправлена 21-10 20.УП 1937 г. Поступила в ЦК ВКП
на расшифрование 21.УП. 1937 г. ч. 10 м. -
Вх. № 1313/ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов.СТАЛИНУ.

На шифровку за № 863/ш от 3 июля. Прошу утвердить тройку по проверке антисоветских элементов по Мордовской АССР в составе Вейзагер, Михайлова и Полякова - вместо Путнина (с заменой Котелевым).-

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА ВКП(б)
К О Т Е Л Е В.

Расшифровала 21.УП.1937 г. ч.10 58 Напечатано 4 экз. Е.Иванова.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ

Ответ на сталинский план по уничтожению народа в соответствии с реализацией приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»

Из Саранска — И. В. Сталину
20.07.1937

ШИФРОВКА

Кому послана: т. Ежову Прот. ПБ № 51. п. 351

[23 июля 1937 г.]

Из САРАНСКА отправлена 20 июля 1937 г. 21 ч. 10 м. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование 21 июля 10 ч. 00 м. Вх. № 1313/ш.
Расшифрована 10 ч. 58 м. Напечатано 4 экз.

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

На шифровку за 863/ш от 3 июля. Прошу утвердить тройку по проверке антисоветских элементов по Мордовской АССР в составе Вейзагер, Михайлова и Полякова — вместо Путнина (с заменой Котелевым).

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА ВКП(б) КОТЕЛЕВ

Резолюции: «За. И. Ст.», «Каганович», «А. Мик.», «Мол.» — автографы; «т. Калинин — за, т. Чубарь — за, т. Ворошилов — за» — секретарская запись опроса по телефону.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 576. Л. 71. Подлинник. Машинописный текст на бланке.

Научно-публицистический журнал
Института российской истории
Российской академии наук
и Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
«Центр и периферия»
№ 4, 2017

Р е д к о л л е г и я:
главный редактор —
В. А. Юрчёнков, доктор исторических наук, профессор
заместитель главного редактора —
Г. А. Куршева, доктор исторических наук, профессор
ответственный секретарь —
Т. И. Кильдюшкина, кандидат исторических наук

Е. Н. Бикейкин, кандидат философских наук, доцент (Саранск)
Н. И. Воронина, доктор философских наук, профессор (Саранск)
В. С. Григорьев, доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
Т. М. Гусева, доктор исторических наук (Саранск)
А. Е. Загребин, доктор исторических наук, доцент (Ижевск)
И. В. Зубов, кандидат философских наук, доцент (Саранск)
П. С. Кабытов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза)
А. А. Кузнецов, доктор исторических наук, доцент (Нижний Новгород)
И. В. Лаптева, доктор философских наук, доцент (Саранск)
Л. И. Никонова, доктор исторических наук, профессор (Саранск)
А. Н. Сахаров, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Москва)
А. С. Сенявский, доктор исторических наук (Москва)
В. В. Ставицкий, доктор исторических наук, доцент (Пенза)
Л. А. Таймасов, доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
А. Б. Танасейчук, доктор культурологии, доцент (Саранск)
А. Ю. Тихонова, доктор культурологии, доцент (Ульяновск)
Н. В. Тищенко, доктор культурологии, доцент (Саратов)
А. В. Чернов, кандидат филологических наук, доцент (Саранск)
А. Ю. Яковлева, кандидат искусствоведения (Казань)

Выходит при поддержке Регионального отделения Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Республике Мордовия

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 156-03/2013 от 27 марта 2013 г.)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-54370 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 29 мая 2013 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 07.00.00 — Исторические науки и археология; 24.00.00 — Культурология

Адрес издателя: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Адрес редакции: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Подписано в печать 11.12.2017 г. Дата выхода в свет 28.12.2017 г.
Тираж 300 экз. Заказ № 1580
Адрес типографии: ООО «РТ Красный Октябрь».
430035 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Центр и периферия», допускается только
по согласованию с редакцией

*На первой — четвертой сторонах обложки —
На площади у Большого театра. Москва, 1937 г.*

Памяти главного редактора 4

НАШЕ ПРОШЛОЕ

В. И. Лаптун
«Так кто же такой Николай Красовский — палач, жертва или герой?» 10

Е. В. Сартикова
Роль партийной организации Калмыкии в развитии народного образования (1920 — 1930) 22

К. Н. Максимов
Репрессии народа дискреционной властью советского государства:
сквозь призму документов ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР 30

АРХИВ

Д. В. Фролов
Ветеран трех войн
Дмитрий Кузьмич Шеянов 38

В. Б. Махаев
Главному управлению лагерей требуются архитекторы 43

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Б. А. Борисов
Проблемы формирования системы советской юстиции в трудах канадского политолога и историка П. Соломона 52

А. М. Каторова
Отображение национальной истории в мордовской литературе 56

ИЗМЕНЯЯ ИМПЕРСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

С. В. Белоусов
«Большой кубанский погром» в Пензенском и Саранском уездах
Восстановление хронологии событий по документам канцелярии саранского ландрата Льва Аристова 61

Л. М. Артамонова
Участие крестьян Поволжья в сборе первых этнографических и фольклорных материалов для Русского географического общества 68

О. И. Васильева, В. С. Воронцов
«...Провинции нужен порядок и стройная организация продовольствия»
Деятельность Глазовской городской думы в 1917 году 72

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ МИР

С. В. Пивкина, Е. М. Пыреськина
Типоформирующие факторы региональных средств массовой информации: аудитория, тема, целевое назначение
На примере радиопрограммы «Вайгель» («Голос») 82

Д. Ю. Топалова
Издательская деятельность Калмыцкой эмиграции в 1920 — 1930-е гг. 86

Б. Х. Борлыкова
Семантические признаки, определяющие «семейный статус» персонажей калмыцкой волшебной сказки 96

ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

С. Г. Батырева, К. П. Батырева
Этническая идентичность творческой личности: к постановке проблемы исследования (на материале калмыцкого искусства начала XXI в.) 100

Р. М. Ханинова
Лирика Михаила Хонинова 1937 — 1938 гг. 105

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

Е. Н. Бикейкин
Поколение созидателей
Григорий Яковлевич Меркушкин 115

И. В. Зубов
От «Спасения жизни» — к «Масторабе»
К юбилею Г. Я. Меркушкина 119

Сведения об авторах, аннотации и ключевые слова к статьям 111

Материалы, опубликованные в журнале «Центр и периферия» в 2017 г. 123

ПАМЯТИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Ф. ТГ-17

Для заметок адресата

ПАО "Ростелеком" Филиал в Республике Мордовия

04 ОКТ 2017

Участок документальной связи 430030, г.Саранск, ул.Коммунистическая, 34

Прием: 4 го 13 час 33 мин.

Бланк № 362

Принял:

МОСКВА 265/2/3701 92 4/10 1331=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ САРАНСК РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ УЛ Л ТОЛСТОГО 3
КОЛЛЕКТИВУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ=

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ
ПРОШУ ПРИНЯТЬ СЛОВА СОЧУВСТВИЯ И ПОДДЕРЖКИ В СВЯЗИ С УХОДОМ ИЗ
ЖИЗНИ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДИРЕКТОРА
НИИГН ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ МОЕГО ДРУГА
ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧ БЫЛ И ОСТАЕТСЯ ВЫДАЮЩИМСЯ УЧЕНЫМ ПРИНЕСШИМ
КОЛОССАЛЬНЫЙ ВКЛАД В ПОЗНАНИЕ ИСТОРИИ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА
УХОД ИЗ ЖИЗНИ НАСТОЛЬКО ЯРКОГО УМНОГО И УНИКАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА-ЭТО
ПОИСТИНЕ НЕВОСПОЛНИМАЯ УТРАТА
РАЗДЕЛЯЮ ВАШУ БОЛЬ И ГЛУБОКО СКОРБЛЮ ВМЕСТЕ С ВАМИ С
УВАЖЕНИЕМ=ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПРОФЕССОР РАН А Е ЗАГРЕБИН-
НННН 1333 04.10 019

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Для заметок адресата

ПАО "Ростелеком" Филиал в Республике Мордовия

03 ОКТ 2017

Участок документальной связи

-ЛЬСТВЕННАЯ САРАНСК РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ УЛ Л ТОЛСТОГО Д 3
-ЧНО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ=

ПРИМИТЕ ИСКРЕННИЕ ГЛУБОКИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ И СЛОВА ПОДДЕРЖКИ В
СВЯЗИ С БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНОЙ ЮРЧЕНКОВА ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА АВТОРА МНОГОЧИСЛЕННЫХ ТРУДОВ
ПО ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И КУЛЬТУРЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА ИЗВЕСТНОГО
ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ МЫ ЗНАЛИ ЕГО КАК УНИКАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА
ПОСВЯТИВШЕГО СВОЮ ЖИЗНЬ ПОИСКАМ ИСТОКОВ ЧЕСТНОГО И ПОРЯДОЧНОГО
УЧЕНОГО ПРОФЕССИОНАЛА ДЛЯ НАС ЭТО ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ УТРАТА РАЗДЕЛЯЮ С
ВАМИ БОЛЬ И ВЫРАЖАЮ ГЛУБОКИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ
ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА СВЕТЛАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ=ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ С В ЧИНДЯСКИН-
НННН 1229 03.10 014

БОЛЬНО. СКОРБИМ...

Потрясены известием о безвременной кончине Валерия Анатольевича Юрчёнкова — коллеги, товарища и друга.

Для всех нас его уход в расцвете лет и творческих сил — невосполнимая утрата.

Блестящий ученый и организатор науки, талантливый литератор и педагог, патриот России и его родной Мордовии, он столько успел во многих областях своей деятельности, что даже не верилось, что на такое способен один человек.

Но ему этого было мало. Щедро одаренный разносторонними дарованиями, обладавший широчайшей эрудицией, труженик и подвижник науки, Валерий Анатольевич смело шел ко все новым высотам в своей профессии.

Еще недавно он был полон творческих замыслов, организационных планов, делясь ими со своими коллегами и близкими друзьями. Сколько он мог бы сделать еще, но не успел...

Мы знали его не только как профессионала во всех делах, за которые он брался. Валерий Анатольевич, Валера умел быть настоящим товарищем и другом — открытым, отзывчивым, надежным, на помощь и поддержку которого всегда можно было рассчитывать. Он был Человеком с большой буквы.

Мы будем помнить его всегда — с теплым чувством и благодарностью, что судьба подарила возможность с ним общаться, сотрудничать, дружить.

Глубоко скорбим вместе с Вами и выражаем соболезнование родным и близким, друзьям и коллегам.

Светлая память Валерию Анатольевичу Юрчёнкову — настоящему, хорошему ЧЕЛОВЕКУ!

А. С. Сенявский, Л. П. Колодникова (Москва)
академик РАН В. В. Алексеев (Екатеринбург)
А. А. Кулаков, С. В. Устинкин,
А. А. Гордин (Нижний Новгород)
С. Л. Логинов, О. Н. Леконцев (Глазов)
О. М. Кузьмина (Ржев)
В. М. Марасанова, И. В. Созинов (Ярославль)

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

Преподаватели и сотрудники исторического факультета Самарского национального исследовательского университета глубоко опечалены известием о смерти Валерия Анатольевича Юрчёнкова. Выражаем искреннее сочувствие Вашему коллективу, лишившемуся выдающегося ученого, деятельного и чуткого руководителя. Знания, компетентность и преданность науке снискали ему подлинное уважение всех, кто его знал и с ним сотрудничал. Результаты ученых и административных трудов Валерия Анатольевича хорошо известны далеко за пределами Республики Мордовия. Российская историческая и гуманитарная наука понесла с его уходом невосполнимую потерю. Соболезнуем родным и близким, потерявшим прекрасного и большой души человека.

Декан исторического факультета,
профессор Ю. Н. Смирнов

Ассамблея народов России

От имени Совета и Ассамблеи народов России и от себя лично приношу глубокие соболезнования родным и близким безвременно ушедшего Валерия Анатольевича Юрчёнкова, членам регионального отделения Ассамблеи и всем жителям Мордовии по поводу его кончины. Сегодня мы разделяем вашу скорбь и обращаемся к вам со словами поддержки и утешения.

Смерть родного человека — большое горе и испытание. Ушел прекрасный человек, профессионал. Учёный с большой буквы. Ассамблею народов России и Валерия Анатольевича связывала совместная работа во имя единства российской нации. Он многое сделал для укрепления межнационального согласия в республике, для реализации государственной национальной политики.

Теплая, светлая память о Валерии Анатольевиче Юрчёнкове будет жить в наших сердцах.

Председатель Совета Ассамблеи народов России,
доктор политических наук С. К. Смирнова

Руководство и весь личный состав МВД по Республике Мордовия выражает искренние соболезнования в связи с кончиной выдающегося деятеля науки, руководителя Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия Юрчёнкова Валерия Анатольевича.

Всем сердцем разделяем боль и горечь утраты и скорбим вместе с вами.

Министр внутренних дел по Республике Мордовия генерал-майор полиции Ю. В. Арсентьев

Самарский государственный институт культуры

Дорогие друзья и коллеги!

До глубины души потрясены печальной новостью и скорбим из-за тяжелой утраты, которую понес Ваш институт, Республика Мордовия, вся российская историческая наука после безвременного ухода от нас Валерия Анатольевича Юрчёнкова. Воспринимаем это горестное событие как потерю доброго друга и мудрого коллеги, к которому всегда можно было обратиться за содействием в научных и организационных делах. Его богатые таланты, в том числе литературные, не оставались лежать втуне, он щедро делился своим душевным богатством с окружающими, являя собой пример высочайшей культуры, профессионализма, гражданственности. Наше самое глубокое сочувствие семье, родным и близким Валерия Анатольевича. Память о нем навсегда останется в сердцах всех тех, кому довелось узнать его как ученого, общественного деятеля, светлого и замечательного человека.

Заведующий кафедрой истории Отечества,
профессор Л. М. Артамонова

Российская Федерация
Общественная организация «Региональная мордовская национально-культурная автономия Пензенской области»

г. Пенза, ул. Петровская, 86.
Тел: 54–82–10
Факс: 36-02-14
E-mail: mordvapnz@mail.ru

Р/с 40703810948000110897
Отделение №8624 Сбербанка России
г. Пенза, К/с 30101810000000000635
БИК 045655635
ИНН 5837021118 КПП 583701001

Дорогие коллеги!

Глубоко скорбим о безвременной, невосполнимой утрате ученого и наставника, коллеги, ЧЕЛОВЕКА с большой буквы, ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ЮРЧЕНКОВА. Трудно поверить, что оборвалась жизнь энергичного, полного надежд и оптимизма человека, таким запомнился нам Валерий Анатольевич. Навсегда сохраним в сердцах память о замечательном человеке, талантливом ученом, прекрасном организаторе.

Просим передать наши соболезнования родным и близким Валерия Анатольевича.

Председатель РМНКА
Пензенской области, профессор В.И. Первушкин

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Глубокоуважаемые коллеги!

Коллектив института филологии Сибирского отделения Российской академии наук глубоко скорбит о безвременной кончине директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Мордовия Валерия Анатольевича Юрчёнкова и выражает искренние соболезнования родным, близким и коллегам замечательного руководителя, выдающегося ученого, открытого и доброго человека.

В Институте филологии СО РАН ведутся фундаментальные исследования фольклора коренных и переселенческих народов Сибири. Валерий Анатольевич Юрчёнков, оказывая помощь и поддержку в изучении культуры мордовского народа, способствовал исследованию сибирских эрзя-мордовских фольклорных коллекций, позволив работать с ними в архиве НИИ гуманитарных наук Республики Мордовия.

В перспективных планах Валерия Анатольевича было тесное сотрудничество наших институтов в реализации совместных научных проектов. Надеемся, что его задуманные дела буду продолжены и реализованы.

Директор ИФЛ СО РАН, доктор филологических наук, профессор И. В. Силантьев

Ученый секретарь ИФЛ СО РАН, кандидат искусствоведения П. С. Шахов

Уважаемые коллеги!

Историки и коллеги Марийского государственного университета глубоко скорбят по подводу безвременной кончины видного российского историка, истинного сына мордовского народа Юрчёнкова Валерия Анатольевича. Выражаем слова соболезнования и поддержки всем нашим мордовским коллегам, близким и родственникам Валерия Анатольевича.

Профессора А. Г. Иванов, А. А. Иванов, С. В. Стариков, К. Н. Сануков, Г. Н. Айплатов, преподаватели и студенты, сотрудники Марийского государственного университета

НИИ экономики, истории и культуры Ульяновской области имени Н. М. Карамзина

Уважаемые коллеги!

Коллектив НИИ экономики, истории и культуры Ульяновской области имени Н. М. Карамзина выражает соболезнование в связи со смертью директора НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия Валерия Анатольевича Юрчёнкова.

За годы сотрудничества мы узнали Валерия Анатольевича не только как талантливого, масштабно мыслящего ученого-историка, историографа, краеведа, умелого организатора науки, но и как замечательного товарища. Он оказал неоценимую помощь в период формирования нашего НИИ, щедро делился советами относительно направлений и принципов работы, оказывал поддержку в наших начинаниях.

Валерий Анатольевич был ярким, энергичным человеком, бескомпромиссно определяющим честный и ответственный стиль научной работы ученого-исследователя. Его жизненный путь был наполнен деятельным стремлением принести пользу своему родному краю, внести вклад в развитие российской науки. Преждевременный уход Валерия Анатольевича Юрчёнкова — большая потеря для научного мира и многочисленных друзей.

Зам. директора С. А. Прокопенко

Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан

Коллектив Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан выражает соболезнование семье Юрченкова Валерия Анатольевича и коллективу НИИ в связи со скоропостижной кончиной известного ученого-историка, организатора науки Республики Мордовия и нашего замечательного друга. Мы всегда были благодарны ему за его искреннюю заинтересованность в успехе разработки и издания многотомной «Татарской энциклопедии» и готовность оказывать всяческую помощь в поиске необходимых для нее материалов.

Искренне скорбим вместе с вами по поводу этой невосполнимой утраты.

Заведующий Центром энциклопедистики ИТЭР АН РТ, доктор исторических наук, профессор Р. В. Шайдуллин

Ответственный редактор ИТЭР АН РТ, кандидат исторических наук, доцент Г. С. Сабирзянов

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. М. В. Васильева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. М. В. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл выражает глубокое соболезнование родным и близким, коллегам директора Мордовского научно-исследовательского института гуманитарных наук, профессора Валерия Анатольевича Юрчёнкова.

В истории новой России имя Валерия Анатольевича прочно ассоциируется с ведущим ученым России и Республики Мордовия. Его смелые взгляды, строго основанные на источниках, позволили по-новому взглянуть на многие проблемные вопросы истории России.

На протяжении истории Марийский НИИ сотрудничает с родственным Мордовским НИИ. На особую ступень поднялось наше сотрудничество в годы руководства Валерия Анатольевича. Мы признаем и уважаем авторитет одного из самых успешных менеджеров подобных институтов и во многом равняемся на его деятельность.

Преждевременный уход из жизни авторитетного ученого и ведущего руководителя — это тяжелая утрата для всего мира России в целом и финно-угорского сообщества в частности. Но имя и дела Валерия Анатольевича Юрчёнкова будут живы вечно...

От имени коллектива
Директор Е. П. Кузьмин

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Уважаемые коллеги, друзья!

От себя лично и от всего коллектива Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук выражаю глубокие искренние соболезнования в связи с уходом из жизни выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Мордовия, сопредседателя Общественной палаты Республики Мордовия, директора НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия Валерия Анатольевича Юрчёнкова.

Врио директора института И. Л. Жеребцов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Ученые БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» глубоко скорбят и выражают глубокое соболезнование близким и коллегам в связи со скоропостижной кончиной

Юрчёнкова Валерия Анатольевича

крупного советского и российского историка, видного историографа, неутомимого краеведа, виднейшего организатора науки, великолепного педагога, доктора исторических наук, профессора, академика Академии политических наук Российской Федерации, академика Международной академии наук педагогического образования, председателя Мордовского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов, члена Общественной палаты России (2010 — 2012) и сопредседателя Общественной палаты Республики Мордовия, председателя Мордовского регионального отделения Ассамблеи народов России (2009 — 2013), члена Президиума Совета Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации по науке и финно-угорским исследованиям, члена Общественного совета Приволжского федерального округа по развитию институтов гражданского общества, заслуженного деятеля науки Республики Мордовия, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, видного общественного деятеля, признанного российского ученого, директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Его заслуги в науке и в образовании известны также во всем финно-угорском мире. Творческий путь был непосредственно связан с обширнейшим репертуаром в области истории мордовского края. На интереснейшем историографическом материале детально проанализирован процесс накопления основных этапов истории народа и региона. Своеобразный итог его научно-педагогического, учебно-методического и общественно-политического творчества — многочисленные правительственные награды. Он — лауреат Государственной премии Республики Мордовия (2005, 2015), лауреат премии Главы Республики Мордовия (2013), лауреат еженедельника «Литературная Россия» (2004), награжден также орденами Славы II и III степени.

Светлая память об этом замечательном Ученом и Педагоге Всея российского масштаба навсегда сохранится в наших сердцах.

Дирекция института

Уважаемые коллеги!

Примите искренние соболезнования в связи с уходом из жизни Валерия Анатольевича Юрчёнкова.

Каждый, кто встречался с Валерием Анатольевичем, отмечал его высокую квалификацию и глубокие знания. Он относился к тому редкому типу интеллектуалов, которые в наш скоростной и сложный век стоят на страже гуманитарной науки и её лучших образцов, сохраняют веру в ее силу и задают планку деятельности научным коллективам и корпорации в их истинном значении значении. Он не просто хорошо писал, он не просто много знал, он делился этим знанием. Возможно, кого-то именно он убедил, в непростые 1990-е и 2000-е остаться в научном поле, помогал советами, рассказами и своими текстами понять глубинный сущностный смысл научного знания и возможности его применения в жизни. Это было одинаково актуальным и для вступающих на тропу науки студентов и аспирантов и уже «остепенившихся» исследователей.

Отношение к человеку складывается из каких-то едва уловимых, но значимых для каждого «мелочей». Меня жизненная тропа несколько раз приводила к Валерию Анатольевичу. Изначально он был «тот профессор», который привозил своих аспирантов и студентов на «Платоновские чтения» в Самару и создавал вокруг себя мощное энергетическое поле, превращая обычные беседы в интеллектуальный клуб. Те, кто оказывались вокруг него, позднее, защитив диссертации и повзрослев, общаясь между собой уже как коллеги, до сих пор сохраняют ощущение важности процесса неформального научного общения. Потом оказался среди тех, кого защищающему аспиранту забыть просто нельзя, поскольку сохраняется благодарность на всю жизнь — квалифицированный отзыв на автореферат, да еще и без предварительной «рыбы».

Позднее жизнь вновь привела к Валерию Анатольевичу: к нему обращалась за помощью и консультацией по организации работы нового НИИ в Ульяновске, куда я пришла работать; и уже как участник проекта «Крестьянство и казачество в 1917 году», в котором он был руководителем.

Это был удивительно порядочный, энергичный человек, настоящий профессионал, и его уход — большая утрата для всех, кто его знал.

Н. В. Липатова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ экономики, истории и культуры Ульяновской области им. Н. М. Карамзина (Ульяновск)

Уважаемые коллеги

Выражаю искреннее соболезнование в связи с невосполнимой утратой — уходом из жизни выдающегося историка, директора НИИГН Валерия Анатольевича Юрчёнкова.

Светлая память.

Будем помнить.

А. К. Салмин, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Ушел прекрасный человек, выдающийся ученый, профессионал, Учитель с большой буквы.

Приношу искренние соболезнования родным и близким безвременно ушедшего Валерия Анатольевича. Смерть родного человека — большое горе и испытание.

Сегодня я разделяю нашу скорбь и обращаюсь к вам со словами поддержки и утешения.

Н. Н. Абдуганиев, Заместитель Председателя Совета — председатель исполкома Ассамблеи народов России (Москва)

Дорогие коллеги, земляки! В это невозможно поверить: Россия вместе с Вами потеряла подлинного интеллигента, выдающегося ученого европейского уровня, человека колоссальных энциклопедических знаний и высочайшей научной культуры, так много сделавший для российской исторической науки.

Прощай, дорогой Валерий Анатольевич, пока мы живы, ты всегда в нашем сердце и памяти.

А. И. Лушин, доктор исторических наук, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, Заслуженный работник высшей школы РМ (Санкт-Петербург)

Ушел из жизни. Остался в памяти

Как гром с ясного неба поразило нас газетное сообщение от 3 октября 2017 г. «Ушел из жизни Валерий Юрчёнков». Не верилось, что нет больше человека, память о котором опосредованно (родился он 23 сентября 1960 г.) сохранялась с 1953 г.

В один из майских жарких дней группа семиклассников Русско-Маскинской школы (в том числе и автор этих строк) собралась идти в Краснослободск — вступать в комсомол. Путь не близкий, семь километров. Разувшись и повесив связанную шнурками обувь через плечо, пошли вдоль Мокши босиком. Подходя к большому для нас городу, обулись, умылись, поднялись в центр, где размещались административные учреждения, вошли в коридор райкома комсомола. Вызывали по одному. До 14 лет мне не хватало трех месяцев. Но решили: коль уж пришла — пропустить. В кабинете за столом сидели несколько человек. По-моему, причина нашего желания быть в комсомоле была одинаковой: встать в первые ряды строителей коммунизма. Когда же меня спросили, кто является первым секретарем ЦК ВЛКСМ, я, не задумываясь, выпалила: «Юрчёнков!» люди за столом заулыбались: «Ну что ж, недаром говорят, что устами младенца глаголет истина. Поздравляем Анатолий Иванович: большому кораблю — большое плаванье!». Кто в ЦК был главным, меня не интересовало в тот момент: главным был тот, кто принял меня в комсомол, — Анатолий Иванович Юрчёнков.

В большое плаванье (только в науку по изучению родного края с древнейших времен до наших дней, историографии, организации исследовательских процессов на стыке наук, роли гуманитарных наук в социально-экономическом развитии Мордовии, современных изысканий в области отечественного финно-угроведения и т. д.) отправился сын Анатолия Ивановича Юрчёнкова Валерий. Он вошел в когорту ученых мирового уровня новой формации. Немалый интерес представляют и его собственные художественные произведения, «оживившие» отдельные реальные события и героев на разных этапах исторического развития социально-культурных слоев общества Мордовии в составе многонациональной России.

Для меня было почетно работать под его руководством в НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. Как редактор и автор я участвовала в издании двухтомной энциклопедии «Мордовия» (2002 — 2004), книги «Красная Слобода» (2008), научного сборника «Литературный процесс и современность» (2010).

При подготовке книги «Красная Слобода» Валерий Анатольевич просил обратить внимание на развитие культуры в его родном городе Краснослободске. По-особому тронуло то, что в главе «Примокшанье мое» рядом со своей он поставил и мою подпись. Значит, думаю, неплохо отредактировала.

С ним было легко общаться и решать, казалось бы, неразрешимые (по крайней мере, для меня) вопросы. Когда же я осмелилась и заговорила о рукописи книги «Красная Подгора» (о своем родном селе) Валерий Анатольевич сказал: «А Вы приносите, посмотрим...». В другой раз, тоже на ходу (он всегда куда-нибудь спешил!), я осведомилась: «Ну и как Вам мой «симбиоз»?». От его короткого «Будем давать» едва не лишилась дара речи, а он добавил: «Рукопись в редакционно-издательском отделе. Дальше контактируйте с ними и с Галиной Александровной...». В 2013 г. «Красная Подгора: летопись, истоки духовности» увидела свет.

За всеми добрыми, светлыми делами коллектива института видится роль его щедрого душой и сердцем руководителя В. А. Юрчёнкова. Разве ж такое забудешь?.. 10 октября звонил, например, потомственный математик из с. Старое Зубарёво из династии Бочкарёвых — Пётр Михайлович. Он хорошо знал Валерия Анатольевича и его семью. «Сокрушаюсь, скорблю о большой потере в науке, культуре, общественно-политической и экономической жизни Мордовии, России... Словами не выразить всех чувств от осознания того, что его больше нет среди нас».

Он ушел из нашей жизни, но остался в памяти родных и близких, друзей, целой армады ученых, которых готовит НИИ, студентов и школьников, а также учителей, для которых он написал учебники, методические пособия и разработки, вдохнул «Живое тепло» в исторические факты и образы на вечные времена.

Член Союза журналистов СССР и России,
кандидат филологических наук
А. Е. Мирошкина

УДК 94(47).084.6:94(47).084.8

Владимир Иванович Лаптун

«ТАК КТО ЖЕ ТАКОЙ НИКОЛАЙ КРАСОВСКИЙ – ПАЛАЧ, ЖЕРТВА ИЛИ ГЕРОЙ?»

Н. В. Красовский

«Не судите, да не судимы будете» (Матф., 7: 1)
«Прощайте, и прощены будете» (Лука, 6: 37)

Восемьдесят лет назад руководство СССР во главе с И. В. Сталиным инициировало беспрецедентную репрессивную кампанию в отношении граждан собственной страны. В современной историографии трагические события конца 30-х гг. XX столетия получили название «Большой террор 1937 — 1938 гг.». И это неслучайно, ибо их масштабность поражает воображение: в тот период было арестовано около 1,6 млн советских граждан, из них около 700 тыс. приговорено к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу, и до сих пор не установлено, какое число людей погибло во время следствия в застенках НКВД[1].

Сегодня, благодаря доступу к основному массиву ранее засекреченных документов, несмотря на различие подходов и оценку событий того времени отечественными и зарубежными исследователями, в значительной степени удалось воссоздать более или менее объективную картину причин, динамики и масштабности массового террора в СССР в 1937 — 1938 гг. Тем не менее еще долгое время мы не сможем считать эту тему полностью закрытой.

Во-первых, многие документы бесследно исчезли из архивов после прихода к власти в 1953 г. Н. С. Хрущёва. Как известно, будучи 1-м секретарем Московского обкома ВКП(б), он являлся активным сторонником массовых репрессий и выступал за увеличение лимитов. Кроме того, многие члены Политбюро ЦК ВКП(б), подписывавшие «расстрельные списки», благополучно дожили до глубокой старости, оставаясь на высоких государственных постах.

Во-вторых, достаточно большой пласт архивных документов, по-прежнему остается засекреченным.

В-третьих, отдельные исследователи тенденциозно и безответственно подходят к освещению проблемы «Большого террора» и умышленно фальсифицируют факты, что приводит к искажению исторической действительности и объективной оценки тех трагических событий, особенно у молодежи. Есть таковые и в Мордовии.

Так, в мае 2017 г. в одном из номеров газеты «Столица С» был опубликован материал, посвященный жертвам массовых политических репрессий. В нем представители общественности и известные в Мордовии ученые подвергли резкой критике отдельных исследователей, в том числе доктора исторических наук, профессора Мордовского университета В. К. Абрамова. По словам доктора исторических наук, профессора В. А. Юрчёнкова, В. К. Абрамов относится к числу исследователей, отображающих историю весьма тенденциозно: «К примеру, если брать количество репрессированных на территории МАССР, то, как считает Абрамов, эта цифра в 1937 году приближалась к 20 тысячам человек. Но вместе с тем были опубликованы данные по численности арестованных в тот период. Их, оказывается, было всего 3,5 тысячи человек. А за все время репрессий на территории Мордовии жертвами сталинизма стали 4,5 тысячи. К тому же было немало случаев, когда жертва и палач оказывались в одном лице! Например, Николай Красовский… Это был человек Ежова и Берии. Но в годы Великой Отечественной являлся командиром, стал настоящим героем войны! Так кто же такой Николай Красовский — палач, жертва или герой?»[2].

© Лаптун В. И., 2017

Ответить на вопрос, поставленный профессором В. А. Юрчёнковым, достаточно сложно. Ведь имя бывшего наркома внутренних дел Мордовской АССР Н. В. Красовского вот уже 80 лет в республике устойчиво ассоциируется с такими понятиями, как «палач мордовского народа», «организатор массовых репрессий», «фальсификатор следственных материалов» и т. п. Но так ли все на самом деле? На наш взгляд, это не так. Поэтому попытаемся без эмоций, нетенденциозно, а объективно во всем разобраться.

Для того чтобы понять, кем был Николай Красовский, следует начать с его биографии. К сожалению, доступные источники, главным образом Интернет, дают лишь скупые биографические данные, основанные на послужном списке бывшего руководителя НКВД Мордовии, опубликованном в 1999 г. в известном справочнике «Кто руководил НКВД. 1934 — 1941» Н. В. Петровым и К. В. Скоркиным[3]. Кроме того, краткие сведения о нем, опять же на базе послужного списка, даны в книге «От ВЧК до ФСБ: История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия»[4].

Наиболее интересные факты из жизни наркома нам удалось обнаружить в республиканской газете «Красная Мордовия»[5]. В ней была напечатана официальная биография Н. В. Красовского как кандидата в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Саранскому избирательному округу. Несмотря на то, что жизнеописание будущего депутата подано в несколько беллетризованной форме, многие факты, изложенные в газете, соответствуют действительности и не вызывают у нас сомнений.

А теперь, используя имеющиеся источники, попытаемся восстановить биографию Н. В. Красовского до назначения его в ноябре 1937 г. на пост наркома внутренних дел Мордовской АССР.

Итак, Николай Викторович Красовский родился в 1904 г. в пос. Гассан-Кули, Закаспийской (впоследствии Красноводской) области Туркменской ССР, в семье дворянина, капитана царской армии. Русский. По сведениям Н. В. Петрова и К. В. Скоркина, его отец в 1918 — 1919 гг. служил в Белой армии, а затем на командных должностях в РККА. Позднее он работал инспектором рыбных промыслов. Здесь же составители справочника делают уточнение, касающееся официальной биографии Красовского, в которой он указал, что родился в семье штурмана[6].

Действительно, в газете «Красная Мордовия», где были опубликованы «штрихи к биографии» кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Н. В. Красовского, сообщалось, что «отец его был штурманом дальнего плавания, а мать — учительница с трудовым стажем 50 лет»[7].

До Октябрьской революции, с 1912 по 1917 г., Красовский обучался в мужской гимназии в Ашхабаде, а затем в Единой трудовой школе II ступени. В 16-летнем возрасте, в марте 1920 г. он вступил добровольцем в ряды Красной армии и полтора года служил рядовым в 185-м стрелковом полку 11-й армии. Принимал участие в боевых походах по освобождению Дагестана и Азербайджана от белогвардейцев и интервентов.

В конце 1921 г. Красовский вернулся в Ашхабад, где занимался профсоюзной и комсомольской работой: был ответственным секретарем Туркменского областного отделения Союза советских работников; работал инструктором дорожного профсоюза Среднеазиатских железных дорог; избирался секретарем комсомольской ячейки и членом Ашхабадского горкома ЛКСМ.

В 1923 г. обком комсомола направил Красовского на работу в ОГПУ, а с февраля 1924 г. он начал службу в пограничных частях ОГПУ в Средней Азии. Именно тогда там активизировалось басмаческое движение, возникшее после революции 1917 г. Банды головорезов переходили границы молодого, еще неокрепшего Советского государства и нападали на мирные города, кишлаки и аулы, убивали партийных работников, грабили дехкан. Поэтому правительство на пограничные отряды возложило сложную и ответственную задачу по ликвидации басмаческих банд. Таким образом, фактически с первых дней службы молодой пограничник Николай Красовский стал активным участником борьбы с басмачеством в Туркменистане.

Начав службу контролером 46-го Ашхабадского пограничного отряда ОГПУ, он стал быстро подниматься по карьерной лестнице. Уже через год его перевели на оперативную работу и назначали уполномоченным комендатуры 46-го отряда ОГПУ. Тогда Красовскому не раз приходилось участвовать в боевых операциях против банд Джунаид-хана[8], Ишик-хана[9] и некоторых других известных курбаши. При этом молодой командир неоднократно проявлял личное мужество и героизм. Так, в мае 1927 г. на Иранской границе Красовский во главе небольшого отряда пограничников более 60 км по сыпучим пескам преследовал банду басмачей. Во время завязавшегося боя он был тяжело ранен. В июле того же года Красовский вступил в ряды ВКП(б).

С мая 1928 г. по ноябрь 1932 г. он служил на афганской границе, сначала в должности уполномоченного комендатуры 45-го Мервского пограничного отряда ОГПУ, а затем помощника коменданта. Здесь Красовскому также не раз приходилось проявлять героизм и осуществлять умелое руководство боевым подразделением. В качестве примера приведем следующий факт.

В 1931 г. на территорию СССР из Афганистана проникла большая банда басмачей во главе с курбаши Анакули. Чтобы не дать им возможности

прорваться обратно за границу, Красовский с небольшой группой пограничников скрытно обошел басмачей и заблокировал единственный проход в горах. В течение суток они отражали атаки во много раз превосходивших сил противника, пока не подошло подкрепление. За ликвидацию этой банды правительство Туркменистана наградило Красовского орденом Трудового Красного Знамени Туркменской ССР[10].

Когда с басмачеством в основном было покончено, Николай Красовский до августа 1935 г. продолжал служить на различных командных должностях в пограничных войсках в Средней Азии. Он был помощником начальника 67-го Кизил-Атрекского пограничного отряда ОГПУ по секретно-оперативной части, инспектором УПВО УНКВД по Средней Азии, инспектором УПВО НКВД Туркменской ССР, начальником 45-го Серахского пограничного отряда НКВД[11].

В августе 1935 г. Красовского перевели на Финляндскую границу начальником штаба 5-го Сестрорецкого пограничного отряда НКВД, охранявшего подступы к Ленинграду. В феврале 1936 г. в ознаменование 15-летней годовщины пограничной охраны НКВД СССР, а также «за выдающиеся заслуги по охране границ социалистической родины, бдительность, беспощадную борьбу с классовым врагом и героические поступки» Красовский был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Такой же награды удостоился и 5-й Сестрорецкий пограничный отряд, ставший Краснознаменным. В марте того же года Красовскому было присвоено воинское звание «майор», а ровно через год, в марте 1937 г., он возглавил Краснознаменный 5-й Сестрорецкий пограничный отряд НКВД[12]. Казалось бы, человек на своем месте, прекрасно справляется с возложенными на него обязанностями, имеет хорошие перспективы для дальнейшего роста по службе, но...

Орден Трудового Красного Знамени Туркменской ССР

В ноябре 1937 г. в судьбе пограничника Красовского произошли кардинальные изменения. Приказом НКВД СССР № 230 от 22 ноября 1937 г. он был назначен наркомом внутренних дел Мордовской АССР[13]. Следует отметить, что случаи назначений представителей пограничных войск НКВД СССР на такие должности были крайне редкими. Руководителями региональных управлений и наркоматов внутренних дел, как правило, становились сотрудники госбезопасности.

Невольно возникает вопрос: почему именно пограничник, а не сотрудник госбезопасности был назначен на должность наркома МАССР? Ответить на него непросто. Можно лишь с определенной долей уверенности утверждать, что Красовский не был человеком Ежова, хотя формально, конечно, все сотрудники НКВД СССР, включая пограничные войска, на тот период являлись его «вассалами». Вероятнее всего, он был «креатурой» первого заместителя наркома внутренних дел и руководителя Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР М. П. Фриновского, который с апреля 1933 г. по октябрь 1936 г. возглавлял Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР (с сентября 1938 г. — Главное управление пограничных и внутренних войск НКВД СССР).

Вне всякого сомнения, Фриновский был хорошо осведомлен о безупречной службе и боевых заслугах пограничника-орденоносца. Вероятно, что именно по его инициативе в 1935 г. Красовский был переведен из Средней Азии под Ленинград, охранять подступы к колыбели трех революций. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что бывший начальник ГУПВО НКВД СССР ему доверял и продвигал по службе, причем небезосновательно. Напомним, что в феврале 1936 г. за «выдающиеся заслуги по охране границ социалистической родины» Красовский был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Можно долго рассуждать о том, почему именно кандидатура пограничника Красовского была предложена на пост главы НКВД Мордовии, но это будут лишь версии, так как о реальных мотивах его назначения, в силу объективных причин, мы вряд ли когда-либо узнаем. Как бы там ни было, приказ о назначении полковника[14] Н. В. Красовского наркомом внутренних дел Мордовской АССР состоялся, и 22 ноября 1937 г. он официально вступил в должность[15].

Что же касается его предшественника капитана госбезопасности С. М. Вейзагера, возглавлявшего НКВД Мордовии с января 1937 г. (приказ НКВД СССР № 33 от 11 января 1937 г.)[16], то 21 ноября он был арестован в Москве сотрудниками госбезопасности. Что послужило поводом для его ареста, доподлинно неизвестно. Возможно, был какой-то донос, а возможно, на него кто-то дал показания. Так, по одной из версий, озвученной В. Хаустовым и Л. Самуэльсоном, нарком внутренних дел Мордовской АССР С. М. Вейзагер не проявлял никакой активности в выполнении операции по «антисоветским элементам». «Как сообщал сменивший его новый нарком (Н. В. Кра-

совский. — *В. Л.*), — отмечают исследователи, — на большинство арестованных не были оформлены материалы для передачи дел „тройке“. Вдобавок Вейзагер распространял среди оперативного состава „вредные идеи“ о том, что иностранным шпионам в Мордовии делать нечего»[17].

Позволим себе с ними не согласиться в том, что Вейзагер «не проявлял никакой активности». Возможно, и даже, скорее всего, в работе Вейзагера имелись недостатки, но не это явилось основной причиной его ареста. Все оказалось гораздо серьезнее: нарком обвинялся по статье 58–1(б) УК РСФСР[18]. Поэтому 20 ноября 1937 г. состоялось решение Политбюро ЦК ВКП (б) о снятии Вейзагера с работы и назначении на пост наркома внутренних дел МАССР Н. В. Красовского. Можно предположить, что арест наркома внутренних дел МАССР был связан с его деятельностью в качестве генерального консула СССР в Мазари-Шарифе (Афганистан), где Вейзагер работал с августа 1928 г. по декабрь 1929 г.[19] Но это лишь предположение.

В дальнейшем С. М. Вейзагер был признан виновным в шпионаже в пользу германской и английской разведок и Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение на полигоне «Коммунарка» 9 мая 1938 г.[20]

Но вернемся к Красовскому.

Вряд ли надо сомневаться в том, что перед отъездом в Мордовию новоиспеченный нарком получил соответствующие инструкции от руководства НКВД СССР, возможно лично от Ежова. Гипотетически они могли быть следующими: во-первых, активизировать работу по выявлению «врагов народа»; во-вторых, завершить начатую Вейзагером работу по репрессированию «антисоветских элементов» в республике. Возможно, были и другие, более конкретные указания.

С. М. Вейзагер

А теперь о том, какое «наследство» Красовскому оставил его предшественник. Как известно, массовый характер политические репрессии в Мордовии, как и в целом по стране, приняли с августа по ноябрь 1937 г., в свете исполнения секретного оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.[21]

Справедливости ради отметим, что первые аресты «антисоветских элементов» в Мордовии начались еще весной 1937 г., так сказать с опережением графика. В мае сотрудники НКВД республики «разоблачили» «правотроцкистскую буржуазно-националистическую террористическую организацию». Операцией руководил лично С. М. Вейзагер.

Не заставили себя долго ждать и результаты выполнения оперативного приказа № 00447 по Мордовской АССР. За первые десять дней после начала операции, т. е. к 15 августа, в республике были арестованы 288 человек, из которых 110 приговорили к расстрелу[22].

По сводке от 30 сентября 1937 г. общее число арестованных в Мордовии выросло до 761 человека, из которых 629 были осуждены, в том числе 355 человек — к высшей мере наказания[23].

Надо сказать, что Сталин не только очень внимательно следил за ходом операции, но и принимал в ней, если так можно выразиться, непосредственное участие, направляя и контролируя деятельность карательных органов. В частности, об этом свидетельствуют многочисленные пометы и резолюции, которые вождь оставлял на протоколах допросов и на различных докладных записках НКВД. Был он хорошо осведомлен и о положении дел в национальных республиках РСФСР, в том числе в Мордовии. Судя по резолюциям на некоторых документах, Сталин был крайне недоволен деятельностью и, особенно, высказываниями местных номенклатурных работников о событиях, происходивших в стране. Вождю об этом регулярно докладывали. В качестве примера можно привести его резолюцию, наложенную на телеграмме начальника УНКВД по Свердловской области от 10 сентября 1937 г.: «Т. Ежову. Очень важно. Нужно пройтись по Удмуртской, Марийской, Чувашской, *Мордовской* (курсив наш. — *В. Л.*) республикам, пройтись метлой»[24].

Другими словами, руководителям НКВД вышеперечисленных республик, по сути, была дана команда — «Фас!». Тогда же в сентябре был арестован бывший 1-й секретарь Мордовского обкома ВКП(б) М. Д. Прусаков, конечно, «небезосновательно». В частности, партийному активу Мордовии сообщили, что он «разваливал колхозы, срывал хлебозаготовки. В Саранске по его указанию пеньковый комбинат построили в яме, а котонинную фабрику и Саранскую ТЭЦ-1 — вблизи республиканской больницы, чтобы осложнять лечение больных... ставленники Прусакова в Сарлегпромстрое вредительски вели строительство. На котонинной фабрике они создали террористическую группу, которая совершила 27 поджогов сырья»[25].

Из Саранска — И.В. Сталину

09.07.1937

ШИФРОВКА

Кому послана: т. Ежову Прот. ПБ № 51. п. 206 [10 июля 1937 г.]

Из САРАНСКА отправлена 9 июля 1937 г. 23 ч. 50 м. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование 10 июля 10 ч. 00 м. Вх. № 1197/ш.

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Сообщаю результаты выполнения телеграммы ЦК ВКП(б) об учете и переписи кулаков и уголовников по Мордовской АССР ранее высланных, заключенных в лагерях, подлежавших высылке, но скрывавшихся в течение 3—5 лет и возвратившихся теперь на родину. Среди них много активных церковников сектантов, неоднократно сидевших в лагерях и находившихся в ссылке, продолжающих сейчас активную враждебную работу. В результате проведенной аппаратом НКВД специальной проверки учтены и предварительно негласно переписаны 930 наиболее враждебных кулаков и 320 этой же категории уголовников. А всего подлежащих расстрелу 1250. Кулаков менее активных, но ведущих враждебную работу учтено из колхозов и предварительно негласно переписано 1883, уголовников этой же категории 380. А всего подлежащих высылке 2263. Всего по обоим категориям кулаков и уголовников 3513.

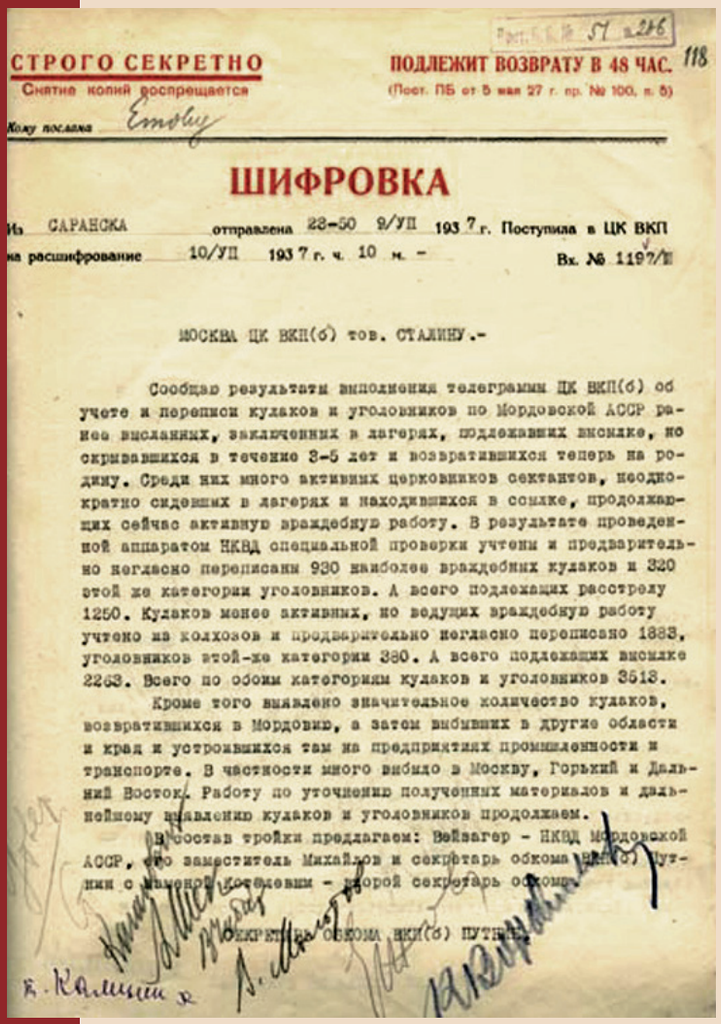
Кроме того выявлено значительное количество кулаков, возвратившихся в Мордовию, а затем выбывших в другие области и края и устроившихся там на предприятиях промышленности и транспорте. В частности много выбыло в Москву, Горький и Дальний Восток. Работу по уточнению полученных материалов и дальнейшему выявлению кулаков и уголовников продолжаем.

В состав тройки предлагаем: Вейзагер — НКВД Мордовской АССР, его заместитель Михайлов и секретарь обкома ВКП(б) Путнин с заменой Котелевым — второй секретарь обкома.

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА ВКП(б) ПУТНИН

Резолюции: «Утвер. Ст.», «Каганович», «А. Мик.», «В. Чубарь», «В. Молотов», «Ежов», «К. Ворошилов» — автографы; «т. Калинин — за» — секретарская запись опроса по телефону.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 118. Подлинник. Машинописный текст на бланке.



СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
(Пост. ПБ от 5 мая 37 г. пр. № 100, п. 5)

Кому послана Ежову

ШИФРОВКА

Из САРАНСКА отправлена 23-50 9/УП 1937 г. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование 10/УП 1937 г. ч. 10 м. - Вх. № 1197/Ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ.-

Сообщаю результаты выполнения телеграммы ЦК ВКП(б) об учете и переписи кулаков и уголовников по Мордовской АССР ранее высланных, заключенных в лагерях, подлежавших высылке, но скрывавшихся в течение 3-5 лет и возвратившихся теперь на родину. Среди них много активных церковников сектантов, неоднократно сидевших в лагерях и находившихся в ссылке, продолжающих сейчас активную враждебную работу. В результате проведенной аппаратом НКВД специальной проверки учтены и предварительно негласно переписаны 930 наиболее враждебных кулаков и 320 этой же категории уголовников. А всего подлежащих расстрелу 1250. Кулаков менее активных, но ведущих враждебную работу учтено из колхозов и предварительно негласно переписано 1883, уголовников этой-же категории 380. А всего подлежащих высылке 2263. Всего по обоим категориям кулаков и уголовников 3513.

Кроме того выявлено значительное количество кулаков, возвратившихся в Мордовию, а затем выбывших в другие области и краев и устроившихся там на предприятиях промышленности и транспорте. В частности много выбыло в Москву, Горький и Дальний Восток. Работу по уточнению полученных материалов и дальнейшему выявлению кулаков и уголовников продолжаем.

В состав тройки предлагаем: Вейзагер - НКВД Мордовской АССР, его заместитель Михайлов и секретарь обкома ВКП(б) Путнин с заменой Котелевым - второй секретарь обкома.

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА ВКП(б) ПУТНИН

Ответ на сталинский план по уничтожению народа в соответствии с реализацией приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»

Следует заметить, что Прусаков был снят с должности еще в июне 1937 г., так сказать, в «первую волну». В июле был освобожден от занимаемой должности, а затем арестован В. М. Путнин, а в сентябре та же участь постигла исполняющего обязанности 1-го секретаря обкома А. А. Полякова. По словам О. В. Хлевнюка, «к июлю 1937 года из 58 первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов были сняты с должности (как правило, арестованы, а затем расстреляны) 24. В июле — еще одиннадцать, а до конца года — практически все. Аресты секретарей вызывали цепную реакцию чисток в их окружении»[26].

Неудивительно, что вслед за М. Д. Прусаковым и А. А. Поляковым были арестованы председатель ЦИК МАССР П. Г. Сурдин, Председатель СНК МАССР А. Я. Козиков, 2-й секретарь обкома С. Г. Котелев и другие работники партийного и государственного аппарата[27].

С осени 1937 г. в республике практиковались показательные судебные процессы. Поводом для этого стала телеграмма СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 сентября 1937 г., направленная во все регионы Советского Союза. Она обязывала местные органы власти «устроить по области, краю от двух до трех показательных судов над вредителями по хранению зерна, приговорить виновных к расстрелу, расстрелять их и опубликовать об этом в местной печати»[28].

http://vechorka.ru/article/

Пролетарский суд

Первый подобный процесс прошел в г. Саранске в октябре 1937 г. На выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР было рассмотрено дело рузаевских «террористов и вредителей». Как установило следствие, в ночь на 22 сентября 1937 г. в г. Рузаевке Мордовской АССР во время собрания первичной парторганизации базы Маслопрома, на котором обсуждались конкретные факты «вредительства и хищничества» на базе, группой лиц был совершен террористический акт. Двумя выстрелами через окно были убиты парторг, он же директор маслобазы Мокроусов и директор заготовительной конторы Зайцев. В состав группы «террористов», по данным следствия, входили бывшие работники базы: И. Н. Светличный, С. Я. Невлюдов, С. Я. Мусалов и З. И. Еремкин, которые были «озлоблены против Зайцева и Мокроусова»[29].

Всех четверых Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к высшей мере наказания. Следует отметить, что в ходе процесса особо подчеркивалась связь подсудимых с партийным и советским руководством района и республики[30]. Действительно, как выяснилось, в ходе расследования дела о «терроре» на базе Маслопрома арестованы были не только «террористы». В течение нескольких дней «зачистили» фактически все руководство Рузаевского района. 24 сентября 1937 г. исполнявший обязанности 1-го секретаря Мордовского обкома ВКП(б) И. А. Кузнецов сообщал в шифровке в ЦК ВКП(б): «В этом же Рузаевском районе за

Здание НКВД, где проводились допросы арестованных. Саранск, 1930-е гг.

последние дни разоблачены как враги народа и арестованы бывший секретарь райкома Строкин и бывший предРИКа Тараскин»[31].

Это был далеко не единственный показательный процесс. Так, в конце 1937 г. прошла еще серия судебных дел по районам республики. Наиболее известным стал показательный процесс над группой «вредителей» из Атяшевской конторы «Заготзерно»[32].

Подводя итоги деятельности С. М. Вейзагера, можно констатировать, что в период его руководства аппаратом НКВД в республике была проделана, действительно, «большая работа» в плане разоблачения «антисоветских элементов», борьбы с «терроризмом» и расхитителями социалистической собственности. По подсчетам исследователей, в 1937 г., с учетом декабря, когда новым наркомом стал Н. В. Красовский, на территории Мордовской АССР были арестованы 3 434 человека, из них репрессированы во внесудебном порядке — 2 488, в том числе 930 приговорены к высшей мере наказания (расстрелу)[33].

Несмотря на это, С. М. Вейзагер оставил новому наркому много неоконченных дел, которые требовали завершения.

Можно предположить, что первое время нарком не проявлял активных действий: присматривался и знакомился с оперативной обстановкой. Кроме того, Красовский был выдвинут, а точнее, назначен кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Саранскому избирательному округу вместо не оправдавшего доверия избирателей Вейзагера. Поэтому он был обязан встречаться с избирателями и убеждать их в правильности «выбора».

Мы не знаем, сколько всего было предвыборных встреч Красовского с избирателями, но доподлинно известно, что одна из них состоялась 30 ноября 1937 г. в здании Саранской школы № 12. На митинге присутствовало около 500 человек[34]. Наверняка у многих из них уже были арестованы, а у кого-то и осуждены родственники. Поэтому люди собрались в надежде услышать от нового наркома какие-то разъяснения по поводу событий, происходивших в стране, а, может быть, даже обратиться с личной просьбой.

Однако Красовский сразу расставил все точки на i: «Я обещаю ваше доверие оправдать также, как оправдывал доверие партии и правительства, охраняя границы великой родины от шпионов и диверсантов.

Наша страна добилась огромных успехов на всех фронтах социалистического строительства. Об этом хорошо знают наши зарубежные соседи. Они пытаются как можно больше засылать в нашу страну шпионов и диверсантов, спровоцировать нас на войну. Трудящиеся СССР не позволят нападать на свою родину. Мы, пограничники, даем им чувствовать, что наши границы не преступны. Те, кто пытается переходить наши границы, извлекают урок, что „совать свиное рыло в советский огород“ очень трудно.

Сейчас мне партия доверила ответственный участок работы по выкорчевыванию врагов народа. Я заявляю перед лицом избирателей, что эту почетную задачу выполню. Гнусные враги — предатели мордовского народа ставили своей целью отнять у нас радостную и счастливую жизнь. Это им не удалось и не удастся никогда»[35].

Таким образом, на встрече с избирателями Красовский сразу обозначил жесткую позицию по отношению к «врагам народа»: пощады не будет! Но об этом еще не знали дожидавшиеся своей участи арестанты, многие из которых первоначально восприняли назначение нового наркома как «высшую справедливость». Они надеялись, что он во всем разберется и все встанет на свои места.

«О приезде нового наркома, — вспоминал много лет спустя И. С. Сибиряк (Поздяев)[36], — мы узнали случайно из газетного лоскутка, в который была завернута передача кому-то из арестантов. В тюрьме Вейзагер слыл бесчеловечным деспотом, хотя при нем избиения, пытки и истязания не носили массовый характер. Во всяком случае, криков в коридорах тюрьмы не было слышно (периодически избивать до приезда Красовского начали с появлением нового заместителя наркома Михайлова) <…> Как обрадовались арестанты: приехала справедливость! Многие из нас стали писать жалобы на зверства следователей. Написал такую жалобу и я»[37].

На жалобу Сибиряка сотрудники НКВД отреагировали своеобразно. Под предлогом вызова на беседу с наркомом, его завели в какой-то кабинет и зверски избили. «Таков был финал моей попытки пожаловаться на существующие порядки новому наркому внутренних дел, — вспоминал И. С. Сибиряк. — Не остались без внимания и другие жалобщики. Их, большей частью, как и меня, избили»[38].

Точно не известно, чья это была инициатива: самих сотрудников, или же они исполняли указание Красовского. Не исключено, что жалоба до него даже не дошла. Тем не менее меры физического воздействия на арестованных на допросах при Красовском стали использоваться более активно, нежели при предыдущем наркоме. И он не мог об этом не знать.

12 декабря 1937 г. Красовский, как и следовало ожидать, был избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР первого созыва. Не откладывая дело в долгий ящик, он приступил к выполнению предвыборных обещаний: начал «выкорчевывать врагов народа». К тому же буквально накануне выборов, 11 декабря, поступила директива НКВД СССР о продлении всех массовых операций («кулацкой» и «национальных»)

до 1 января 1938 г.[39] Забегая вперед, отметим, что это было не последнее «продление» массовых операций, хотя в соответствии с приказом № 00447 ее планировалось завершить за четыре месяца. На самом деле, Политбюро продолжало выделять «лимиты» вплоть до сентября 1938 г.[40]

Прежде всего, Красовский решил довести до логического завершения дело, касавшееся участников право-троцкистской буржуазно-националистической террористической организации, которая была «вскрыта» Вейзагером еще в мае — июне 1937 г. Тогда было арестовано несколько десятков человек, среди них представители местной интеллигенции: преподаватели вуза, журналисты, писатели, а также руководящие работники партийного и государственного аппарата. Постепенно круг участников организации стал расширяться. Многие из арестованных находились в следственном изоляторе НКВД уже более полугода и терпеливо ждали своей участи. Следует отметить, что до приезда в Мордовию Красовского мало кто из них признался в том, что ему инкриминировалось. Вероятно, именно по этой причине, к арестованным стали применяться более «эффективные» методы допроса.

«В отличие от вейзагеровских софизмов и сочинительств, — вспоминал И. С. Сибиряк, — приезд Красовского характерен переходом к массовым избиениям и пыткам <...> Постоянными избиениями доводили арестованного до состояния прострации и аффекта, заставляли заниматься самооговором. Если же он впадал в умопомрачение, то мог оговорить и других. Следователи подсовывали ему листы „протокола допроса“, где фигурировали фамилии новых намечаемых жертв, для арестов и репрессий»[41].

Приведем в качестве примера небольшую выдержку из протокола

Н. И. Ежов

допроса бывшего директора Мордовского пединститута А. Ф. Антонова, который находился в следственном изоляторе НКВД с 20 июня 1937 г. В нем фигурирует имя ныне всемирно известного ученого, философа и литературоведа Михаила Михайловича Бахтина[42]. Протокол допроса датирован 28 декабря 1937 г.*:

«Вопрос: Кроме вербовки новых участников в организацию, какую контрреволюционную работу вы проводили в институте?

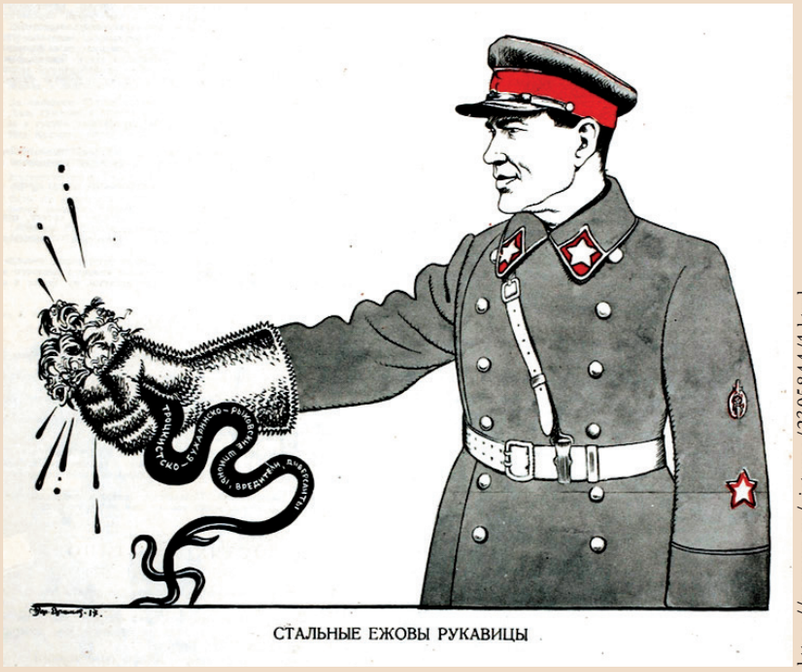
Ответ: Кроме вербовки, передо мной ставилась задача вообще подбирать кадры враждебно-настроенные против партии и советской власти с целью того, чтобы при случае можно было бы использовать, как „третью“ силу.

Вопрос: Что конкретно в этой части сделано?

Ответ: В этой части поставленная передо мной задача также была выполнена, но не мной одним, а остальными участниками организации. Например: Петров порекомендовал мне пригласить в качестве преподавателя из Актюбинска известного ему участника антисоветской организации Бахтина М. М. Причем Петров охарактеризовал его так, что Бахтин недавно вернулся из тюрьмы, был осужден на пять лет за антисоветскую деятельность, человек для нас подходящий»[43].

На наш взгляд, это яркая иллюстрация того, что «новые методы» ведения допросов стали давать результаты. Они с легкостью, за редким исключением, позволяли «ломать» людей, которые были готовы подписать любой протокол. Судя по содержанию фрагмента

Б. Ефимов. Стальные ежовы рукавицы. 1937 г.



https://regnum.ru/pictures/2305844/1.html

* Здесь и далее в документах сохранены орфография и пунктуация оригиналов.

протокола, физическое и психическое состояние Антонова оставляло желать много лучшего. Во-первых, директор института перепутал город, из которого пригласил на работу Бахтина, назвав Актюбинск вместо Кустаная; во-вторых, инициатором его приглашения был не Петров, а известный ленинградский литературовед П. Н. Медведев; в-третьих, Бахтин никогда не сидел в тюрьме, в Казахстане он отбывал ссылку.

Приведенный фрагмент подтверждает, что подобные показания можно было дать только под сильным физическим и психологическим воздействием. И это, к сожалению, был далеко не единичный случай.

Можно предположить, что пик активного применения пыток к арестованным пришелся на конец зимы — начало весны 1938 г. На наш взгляд, к этому привела критика Ежова в адрес оперативного состава управлений НКВД по итогам проведения «кулацкой» операции. Впервые она прозвучала в выступлении наркома на совещании сотрудников НКВД Украины в феврале 1938 г., а затем нашла выражение в проекте директивы для оперативных подразделений НКВД СССР. По мнению Ежова, в регионах «процветала погоня за количественными показателями», но при этом, как отмечал нарком, «так и не был нанесен удар по руководящим националистическим, белогвардейским и шпионским кадрам»[44].

И самое главное, Ежов критиковал оперативный состав за крайне низкий процент арестованных, давших признательные показания, что приводило к репрессированию не сознавшихся. «Это было характерно для всех регионов СССР, — отмечают В. Хаустов и Л. Самуэльсон. — Так, в Мордовской АССР 96 % прошедших через тройку советских граждан, не признались в своей „вредительской“ деятельности»[45].

Знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ. XV лет»

Подобная критика явилась для большинства региональных руководителей НКВД указанием к более жестким действиям по отношению к арестованным с целью «выколачивания» из них (в прямом смысле этого слова) признательных показаний. Не стал исключением и НКВД Мордовской АССР. Вероятно, перед его сотрудниками была поставлена задача во что бы то ни стало повысить процент «сознавшихся» во «вредительской» деятельности. При этом акцент был сделан на участниках «мордовской правотроцкистской организации».

Дело «мордовских троцкистов» раскручивалось в унисон с делом об «Антисоветском правотроцкистском блоке», открытый политический процесс по которому проходил в Москве со 2 по 13 марта. Среди обвиняемых значились: Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский, Г. Х. Раковский, А. И. Икрамов, Г. Г. Ягода и др. Они обвинялись в убийстве С. М. Кирова, отравлении В. В. Куйбышева и М. Горького, заговоре против В. И. Ленина и И. В. Сталина, в организации промышленного шпионажа, диверсий, заговоре с целью расчленения СССР и т. д. Семнадцати обвиняемым был вынесен смертный приговор, который был приведен в исполнение 15 марта[46].

Своеобразный полугодовой «отчет» о проделанной работе полковника Красовского на посту наркома внутренних дел МАССР состоялся 23 — 24 мая 1938 г., когда в Саранске проходил процесс по делу «Мордовской правотроцкистской буржуазно-националистической террористической организации». Следует отметить, что незадолго до этого приказом народного комиссара внутренних дел СССР от 9 мая 1938 г. Н. В. Красовский был награжден знаком «Почетный работник ВЧК—ОГПУ»[47].

Итак, начатое год назад Вейзагером дело о разгроме «троцкистской правой и буржуазно-националистической агентуры в Мордовии» все-таки было доведено до суда. Выездная военная Коллегия Верховного Суда СССР под председательством дивизионного военного юриста А. Д. Горячева, а также членов коллегии — дивизионного военного юриста Б. В. Миляновского и бригадного военного юриста А. И. Микляева при секретаре военном юристе 1-го ранга И. П. Кондратьеве в закрытом судебном заседании, проходившем в кабинете наркома внутренних дел Мордовии Н. В. Красовского, рассмотрела обвинительные дела участников организации.

В течение двух дней работы коллегии были осуждены 95 «членов организации», из которых 70 человек приговорены к высшей мере наказания (расстрелу), а 25 человек к тюремному заключению на срок от 10 до 15 лет с поражением в политических правах. Приговоры к высшей мере наказания были приведены в исполнение в день оглашения[48]. Основную массу осужденных составили руководители партийного и государственного аппарата, представители научной и творческой интеллигенции.

О том, как работала выездная военная Коллегия Верховного Суда СССР в мемуарах подробно рассказал И. С. Сибиряк[49]. Мы же в качестве примера приведем фрагмент смертного приговора бывшему директору Мордовского пединститута А. Ф. Антонову, который обвинялся по статьям 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР: «Предварительным и судебным следствием установлено, что Антонов с 1936 г. являлся участником контрреволюционной националистической, повстанческо-террористической организации, ставившей целью вооруженное свержение Советской власти и восстановление капитализма в Мордовии.

Будучи начальником политотдела свиносовхоза „Красноармеец“ Антонов проводил там вредительскую работу, направленную на срыв строительства жилых домов и строительства помещений для хранения сельхозинвентаря.

Работая в 1936 г. Директором пединститута Антонов завербовал в контрреволюционную организацию четверых представителей и умышленно засорял институт враждебными элементами. Был в курсе террористической деятельности организации, подготовлявшей теракт против руководителей ВКП(б) и советского правительства и лично разделял терроризм как средство борьбы с партией и советским правительством...»[50]. Результат: высшая мера уголовного наказания — расстрел с конфискацией всего лично принадлежавшего Антонову имущества.

Приговор, в принципе, понятен: предъявленные обвинения, безусловно, тянут на «высшую меру». Вопрос в другом: Имели ли эти обвинения под собой хоть какое-то достоверное основание? С трудом верится в то, что дело о «троцкистах-террористах» в Мордовии возникло на ровном месте. Ведь кто-то же поджег «бикфордов шнур»?! А остальное, как говорится, было «делом техники», которой к тому времени, даже малограмотные сотрудники НКВД овладели в совершенстве. Мы, видимо, никогда не узнаем ответ на поставленный вопрос, ибо исследователям доступ к следственным делам, особенно в последние годы, фактически закрыт. Ознакомиться с ними в рамках процесса реабилитации имели возможность лишь те, кто ранее был незаконно репрессирован.

«Мы, друзья-сидельцы Саранской тюрьмы, — вспоминал И. С. Сибиряк, — читали наши так называемые „дела“, удивлялись и задавали друг другу вопросы: „Ты так говорил?“, „А ты это говорил?“. Потом поняли, что все это бессмысленно. Пришли к общему выводу: говорил, не говорил — все равно это не имеет никакого значения: там и не таких „бобров“ кололи. Решили не разбираться, кто что говорил...»[51].

Конечно, сейчас практически невозможно разобраться в том, какие показания сочиняли следователи, а какие из них реально, как правило, под давлением, давали хорошо знакомые и даже близкие тебе люди. В данном случае Сибиряк и его «друзья-сидельцы» решили не заострять на этом внимание и все забыть. А ведь многие верили в эти показания и, скорее всего, до сих пор родственники расстрелянных не могут простить оговор. Уж слишком велика была его цена!

По подсчетам исследователей, к началу июля 1938 г. по делу «Мордовской правотроцкистской буржуазно-националистической организации» органы НКВД МАССР в общей сложности арестовали 179 человек, в том числе: председателей ЦИК, СНК и заместителей председателя СНК — 4, наркомов и заместителей наркомов — 12, секретарей обкома ВКП(б) — 5, руководящих работников ЦИК, СНК и обкома ВКП(б) — 27, секретарей РК ВКП(б) — 34, председателей райисполкомов — 10, прочих — 37[52]. Кроме того, по постановлениям Особого совещания при НКВД МАССР в течение 1938 г. были репрессированы жены 51 участника организации.

Столь массовые репрессии не могли продолжаться долго, ибо со временем стали отчетливо проявляться их негативные последствия. «Аресты хозяйственных руководителей, — отмечает О. В. Хлевнюк, — породили хаос в экономике. Падала трудовая дисциплина. Инженеры избегали инициативы, которая в любой момент могла быть объявлена „вредительством“. В общем, террор сыграл свою роль в заметном снижении темпов роста экономики»[53]. Кроме того, ощущался рост социальной напряженности и массового недовольства среди населения. Сталин понимал, что продолжение репрессий может привести к необратимым последствиям. Поэтому к осени 1938 г. он принял решение о завершении террора и постепенном переходе к нормализации обстановки в стране. Начал издалека. 22 августа первым заместителем Н. И. Ежова вместо М. П. Фриновского был назначен секретарь ЦК КП Грузии Л. П. Берия. Это назначение стало первым сигналом для наркома внутренних дел СССР, который все понял и понял правильно, но повлиять на сложившуюся ситуацию уже не мог. Дальнейшие события развивались следующим образом.

Уже 29 сентября 1938 г. Л. П. Берия возглавил ГУГБ и стал полностью независимым от наркома.

В октябре начала работать комиссия Политбюро ВКП(б) по подготовке постановления ЦК, СНК и НКВД «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В ее состав не было включено ни одного человека наркома Ежова.

14 ноября в бюро горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий была направлена Директива ЦК ВКП(б) об учете и проверке в пар-

тийных органах ответственных сотрудников НКВД СССР. В ней говорилось, что «в результате этой проверки органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманным путем проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия»[54]. Вскоре после этого последовали аресты высшего руководства НКВД.

17 ноября 1938 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором отмечались успехи органов НКВД «в разгроме врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров» и осуждались «крупнейшие недостатки и извращения в работе органов НКВД и Прокуратуры»[55]. По мнению О. В. Хлевнюка, «это был насквозь лицемерный и лживый документ. Ежова и НКВД фактически обвиняли в том, что они выполняли указания Сталина»[56].

Согласно постановлению органы НКВД лишались права самостоятельно проводить аресты. Теперь для этого нужно было постановление суда или санкция прокурора. Чрезвычайные судебные органы — «тройки» и «двойки» — ликвидировались. Началась проверка обоснованности совершенных репрессий и арестов, что привело к многочисленным арестам сотрудников НКВД во всех регионах страны.

Не стал исключением и НКВД Мордовской АССР. В ходе проверки деятельности его сотрудников были выявлены серьезные недостатки в оперативной и следственной работе. В конце марта — начале апреля 1939 г. были арестованы и привлечены к уголовной ответственности 17 сотрудников НКВД МАССР.

Они обвинялись в том, что «с конца 1937 года и до второй половины 1938 года под руководством бывшего Наркома НКВД МАССР КРАСОВСКОГО и его ближайшего помощника ПРОНИНА (оба арестованы) и при прямом участии группы бывших работников аппарата НКВД МАССР создавались провокационные дела, проводились массовые незаконные аресты, применялись противозаконные извращенные методы следствия и фальсифицировалось следствие по делам, находившимся в производстве Наркомата <…> В результате вымогательства и фальсификации протоколов допроса, последние без дополнительных материалов и проверки служили основанием к проведению массовых арестов новых групп и лиц, на аресты которых по существу материалов не было»[57].

В итоге по приговору Военного трибунала войск НКВД Московского военного округа от 8 — 11 сентября 1939 г. 14 бывших сотрудников НКВД МАССР были осуждены по ст. 193—17 п. «а» УК РСФСР[58] на различные сроки лишения свободы — от 2 до 10 лет, а три человека — Г. А. Свечин, В. Л. Дмитриенко и С. А. Барбашин, на основании ст. 193—17 п. «б» УК РСФСР[59] были подвергнуты высшей мере уголовного наказания (расстрелу) без конфискации имущества[60].

Что же касается наркома внутренних дел МАССР полковника Н. В. Красовского, то он был арестован раньше своих сотрудников — 22 января 1939 г.[61] По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 15 февраля 1940 г. на основании ст. 193—17 п. «а» УК РСФСР[62] он был приговорен к 10 годам заключения в ИТЛ с лишением воинского звания «полковник».

Поступила 30.09.2017

(Окончание в № 1, 2018)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ, ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

[1] См., например: **Хлевнюк О. В.** Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 214.

[2] «Профессор Абрамов туфту гонит!» // Столица С. 2017. 23 мая.

[3] См.: **Петров Н. В., Скоркин К. В.** Кто руководил НКВД. 1934—1941 : справ. [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/nkvd/kto/index.htm (дата обращения — 18.07.2017).

[4] См.: От ВЧК до ФСБ: История и современность Управления ФСБ по Республике Мордовия. Саранск, 2003.

[5] См.: Николай Викторович Красовский. Штрихи из биографии // Красная Мордовия. 1937. 4 дек.

[6] См.: **Петров Н. В., Скоркин К. В.** Указ. соч.

[7] См.: Николай Викторович Красовский. Штрихи из биографии.

[8] Джунаид-хан (настоящее имя Мухаммед-Курбан Сердар) (1857 — 1938) — один из руководителей басмаческого движения в Хорезме и Туркмении.

[9] Ишик-хан — сын Джунаид-хана. Активный участник басмаческого движения, отличавшийся «безумной храбростью» и беспощадностью.

[10] См.: Николай Викторович Красовский. Штрихи из биографии.

[11] См.: **Петров Н. В., Скоркин К. В.** Указ. соч.

[12] См.: Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 — 1991 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.knowbysight.info/KKK/10182.asp (дата обращения — 18.07.2017).

[13] См.: **Тязин Е. Н.** Правоохранительные органы Мордовской АССР в механизме массовых политических репрессий 1937 — 1938 годов // Фундаментальные исследования. Юридические науки. 2014. № 12. С. 1598.

[14] Незадолго до отъезда Н. В. Красовского в Мордовию, 17 ноября 1937 г. ему было присвоено воинское звание «полковник». Вероятно, этого требовал статус нового назначения. Как правило, руководители областных и республиканских НКВД имели звание не ниже специального звания «капитан государственной безопасности» (три «шпалы» в петлицах образца 1937 — 1943 гг.). До 1940 г. оно условно соответствовало воинскому званию полковника РККА.

[15] См.: **Тязин Е. Н.** Указ. соч. С. 1598.

[16] См.: Приказы НКВД СССР за январь 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: http://nkvd.memo.ru/index.php/Документ: Приказ _ НКВД _ СССР _ № _ 33 _ от _ 11.01.1937 (дата обращения — 22.08.2017).

[17] **Хаустов В., Самуэльсон Л.** Сталин, НКВД и репрессии 1936 — 1938 гг. М., 2010. С. 239.

[18] «Измена Родине, т. е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества» [20 июля 1934 г. (СУ № 30, ст. 173)].

[19] См.: **Колпакиди А. И., Дегтярев К.** Внешняя разведка СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1015568 (дата обращения — 10.10.2017).

[20] См.: Вейзагер, Сигизмунд Михайлович [Электронный ресурс]. URL: https: //ru.wikipedia.org/wiki/Вейзагер, Сигизмунд _ Михайлович (дата обращения — 21.08.2017). 14 декабря 1994 г. С. М. Вейзагер был реабилитирован.

[21] См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 — 1939 : док. и материалы : в 5 т. Т. 5. 1937 — 1939, кн. 1. 1937. М., 2004. С. 330 — 337.

[22] Там же. С. 345.

[23] Там же. С. 57.

[24] **Хлевнюк О. В.** Указ. соч. С. 220.

[25] Цит. по: Мордовия в 1917 — 1953 годах. Курс истории : учеб. пособие / Т. Д. Надькин, А. П. Солдаткин, Ю. И. Сальников [и др.]. Саранск, 2005. С. 73.

[26] **Хлевнюк О. В.** Указ. соч. С. 219.

[27] См.: **Тязин Е. Н.** Указ. соч. С. 1598.

[28] «Большой террор»: 1937 — 1938. Краткая хроника [Электронный ресурс] / сост.: Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. URL: http://www.memo.ru /history/y1937/hronika1936 _ 1939/xronika.html (дата обращения — 08.07.2017).

[29] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина : док. высших органов парт. и гос. власти. 1937 — 1938. М., 2004. С. 378.

[30] См.: Мордовия в 1917 — 1953 годах. С. 74.

[31] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 378.

[32] См.: Мордовия в 1917 — 1953 годах. С. 75.

[33] См.: **Тязин Е. Н.** Указ. соч. С. 1599.

[34] См.: Встреча тов. Н. В. Красовского со своими избирателями // Красная Мордовия. 1937. 2 дек.

[35] Из речи кандидата в депутаты Совета Национальностей тов. Н. В. Красовского // Красная Мордовия. 1937. 2 дек.

[36] Сибиряк (псевдоним; настоящая фамилия Поздяев) Илларион Сергеевич (1902 — 1984). Советский партийный работник, историк, фольклорист. В 1937 г. был репрессирован по ложному обвинению в троцкизме, приговорен к 10 годам заключения в ИТЛ. В 1955 г. реабилитирован.

[37] Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздяева), директора научно-исследовательского института мордовской культуры [Электронный ресурс]. URL: http:// zubova-poliana.narod.ru/repression-sibryak94.html (дата обращения — 12.07.2017).

[38] Там же.

[39] См.: «Большой террор»: 1937 — 1938.

[40] См.: **Хаустов В., Самуэльсон Л.** Указ. соч. С. 285.

[41] Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздяева)…

[42] Подробнее об этом см.: **Лаптун В. И.** М. М. Бахтин в Саранске: 1936 — 1937 гг. // Лаптун В. И. М. М. Бахтин: черты универсаналdocumentа. Материалы, исследования, переводы. К стодесятилетию со дня рождения М. М. Бахтина (Проблемы бахтинологии. Вып. III) / ред. К. Г. Исупов ; отв. за вып. М. В. Бахтин. СПб. ; М., 2011. С. 4 — 14.

[43] Архив НКВД—КГБ—ФСБ Республики Мордовия. Следственное дело № 2943 по обвинению Смирнова М. Д. ЛЛ. 78 — 80. Материал предоставлен В. Н. Куклиным.

[44] **Хаустов В., Самуэльсон Л.** Указ. соч. С. 285.

[45] Там же. С. 286.

[46] См.: «Большой террор»: 1937 — 1938.

[47] См.: Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935 — 1939 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://nkvd.memo.ru/index.php/Красовский, _ Николай _ Викторович (дата обращения — 15.09.2017).

[48] См.: **Тязин Е. Н.** Указ. соч. С. 1598.

[49] См.: Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздяева)…

[50] Цит. по: **Крисанова Н. А.** Высшая школа Мордовии 1931 — 1956 гг. (Формирование научно-педагогических кадров). Саранск, 2002.

[51] См.: Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздяева)…

[52] Там же. Уже после смерти И. В. Сталина дополнительной проверкой этого дела будет установлено, что следственные материалы были сфальсифицированы руководящими работниками НКВД МАССР С. М. Вейзагером, Н. В. Красовским, Д. И. Прониным. Все осужденные по указанному делу были полностью реабилитированы.

[53] **Хлевнюк О. В.** Указ. соч. С. 215.

[54] «Большой террор»: 1937 — 1938.

[55] Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.istmat.info/node/33206 (дата обращения — 08.07.2017).

[56] **Хлевнюк О. В.** Указ. соч. С. 217.

[57] Память: жертвы политических репрессий. Саранск, 2000. С. 799.

[58] «Злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, если деяния эти совершались систематически, либо из корыстных соображений или иной личной заинтересованности, а равно если они имели своим последствием дезорганизацию вверенных ему сил, либо порученного ему дела, или разглашение военных тайн или иные тяжелые последствия, или хотя бы и не имели означенных последствий, но заведомо могли их иметь, или были совершены в военное время, либо в боевой обстановке, влекут за собою — лишение свободы, на срок не ниже шести месяцев» (Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1950. С. 130).

[59] «Те же деяния, при наличии особо отягчающих обстоятельств, влекут за собою — высшую меру социальной защиты» (Там же. С. 130 — 131).

[60] См.: Память: жертвы политических репрессий. С. 804.

[61] Во всех других доступных нам источниках временем ареста Н. В. Красовского называется просто февраль 1939 г. Между тем доподлинно известно, что приказ о его увольнении из органов НКВД состоялся 1 февраля 1939 г. (см.: Приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 203 от 1 февраля 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: http://nkvd.memo.ru/index.php (дата обращения — 10.10.2017).

[62] См.: **Тязин Е. Н.** Указ. соч. С. 1601. В других источниках сообщается: «Приговорен ВКВС СССР 15.02.40 по ст. 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы» (см., например: Руководители территориальных органов НКВД СССР. 10 июля 1934 г. — 26 февраля 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/nkvd/kto/index.htm (дата обращения — 15.09.2017)).

УДК 93/94

Евгения Викторовна Сартикова

РОЛЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАЛМЫКИИ В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1920 – 1930)

Большая часть отечественной истории XX в. в той или иной форме связана с историей правящей коммунистической партии, прошедшей путь от маленькой нелегальной группы до двадцатимиллионного колосса, в одночасье распавшегося в августе 1991 г. Все победы и поражения за семидесятилетний советский период с полным основанием можно отнести и на счет компартии. Однако долгие годы история партии находилась в зависимости от складывавшейся политической конъюктуры, что нашло отражение и в пресловутый сталинский период, и во время хрущевской «оттепели», и в так называемую эпоху застоя.

«Перестройка» вызвала широкий общественный интерес к ранее замалчиваемым событиям, что сказалось и на массовой публикации материалов, в том числе архивных, по истории КПСС. Однако очень скоро научный диалог сменился резкой критикой деятельности компартии: запрет КПСС в 1991 г. вообще заставил ряд историков сменить поле деятельности. Тем не менее исторический опыт организации и деятельности КПСС востребован и сегодня с точки зрения партиестроительства в условиях формирования плюральной политической системы в России, а открытие ряда засекреченных архивов дает профессиональному историку широкое поле для деятельности. Мы ставим своей целью показать роль партийной организации Калмыкии в развитии народного образования на фоне различных историко-политических условий.

История и деятельность Калмыцкой областной партийной организации получили освещение в крупном коллективном труде обобщающего характера — «Очерках истории Калмыцкой организации КПСС»[1], а также в разное время привлекала внимание исследователей[2].

В литературе советского периода в основном освещается деятельность областной партийной организации по решению сложнейших вопросов, обусловленных местными особенностями: перевод кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни, строительство населенных пунктов, ликвидация неграмотности взрослого населения, подготовка национальных кадров[3]. Ценность исследований заключается в том, что авторы обобщили опыт работы областной партийной организации, осмыслили деятельность областного комитета партии по руководству хозяйственным развитием области. Вместе с тем им не удалось достаточно глубоко осветить роль партийной организации Калмыкии в развитии народного образования.

Современная литература по данной теме, к сожалению, также рассматривает только деятельность областной партийной организации по руководству экономической сферой[4]. Отчасти этот пробел восполняется в нашей монографии, где использовались только неопубликованные источники областного отдела народного образования[5].

Основными источниками для нас послужили документы, отложившиеся в партийном фонде Национального архива Республики Калмыкия (ф. П-1) — протоколы заседаний Калмыцкого обкома РКП(б), пленумов и президиумов обкома партии, переписка ЦК РКП(б) с Калмыцким обкомом, информационные отчеты, доклады, протоколы областных партийных конференций, сводки обкома РКП(б) о деятельности Калмыцкого обкома. Данные материалы сообщают много

© Сартикова Е. В., 2017

ценных сведений о деятельности региональной компартии по руководству народным образованием.

Великая российская революция 1917 г. открыла новый этап в истории Калмыкии. Ее закономерным результатом явилось установление в 1918 г. советской власти в Калмыцкой степи. Однако к осени 1918 г. положение здесь серьезно осложнилось в связи с начавшейся Гражданской войной. В годы Гражданской войны на долю калмыцкого народа выпали тяжелые испытания. Как пишет У. Б. Очиров, «беспрерывные военные действия, постоянные реквизиции, грабежи и изъятия имущества и скота то „красными“, то „белыми“, многочисленные мобилизации значительно сократили численность мужского работоспособного калмыцкого населения, из-за чего большая часть калмыцких хозяйств находилась весьма в тяжелом положении, близком к катастрофическому»[6]. К марту 1920 г. в Калмыцкой степи завершились военные действия и была восстановлена советская власть. В июле 1920 г. в с. Чилгир прошел I Общекалмыцкий съезд Советов, на котором было провозглашено объединение всех разрозненных частей калмыцкого народа в автономную область в составе РСФСР.

Советская власть ставила цель не только ликвидировать безграмотность, но и воспитывать образованных строителей нового общества, обеспечить доступ к знаниям трудящимся страны. Эта задача возлагалась на государственную систему образования, которая начала складываться в Калмыкии в 1920 г. Развитие народного образования проходило под руководством областной партийной организации, созданной в феврале 1921 г.

Начало организационному оформлению Калмыцкой партийной организации положила I областная учредительная партийная конференция, которая проходила 18 — 20 февраля 1921 г. в пос. Калмыцкий Базар. В ней участвовали делегаты от местных партийных ячеек, представлявшие около 300 коммунистов (40 с решающим и 60 с совещательным голосом)[7].

А. Ч. Чапчаев — ответственный секретарь Калмыцкого обкома РКП(б)

Конференция выбрала областной комитет партии в составе 11 членов (А. Г. Мещеряков, А. Ч. Чапчаев, Б. С. Акугинова, А. М. Амур-Санан, А. Г. Маслов, У. Л. Лавгаев, Г. М. Манкиров, Х. О. Отхонов, Кононенко, Сухов и Филинов) и 3 кандидатов в члены обкома (В. В. Толкунов, Б. М. Кожиев и Э. А. Кекеев). В контрольную комиссию избрали В. В. Толкунова, Э. А. Кекеева и А. Балванович, кандидатом Б. Мукаева. В ревизионную комиссию вошли Е. Сайков, Б. М. Кожиев, Н. Х. Завертяев и кандидатом С.-Г. Манджиев[8]. Из 14 членов и кандидатов в члены обкома партии 9 человек (63 %) являлись членами Калмыцкого ЦИК, избранного I Общекалмыцким съездом Советов. Несмотря на малочисленность партийной организации, Калмыцкий обком партии по статусу был приравнен к областным с непосредственным подчинением ЦК РКП(б) на принципах демократического централизма и введен в структуру партийного управления[9].

Принципиальные основы коренной реформы народного образования были заложены в Программе РСДРП еще до революции 1905 г. и уточнены, конкретизированы в Программе РКП(б) 1919 г. Практическая перестройка школы началась, что называется, с места в карьер, сразу после захвата власти большевиками. Установки новой системы образования имели четкий характер:

- идеологический приоритет — народное образование рассматривалось как одно из важнейших средств формирования «нового» человека — гражданина социалистического общества;
- классовый подход — цель состояла в том, чтобы основной фигурой в учебных заведениях стал «рабочий от станка» и «крестьянин от сохи». Им предоставлялись привилегии при поступлении в учебные заведения всех уровней. Вовлеченные таким образом в общеобразовательную школу «широкие слои» были слабо подготовленными учащимися. Все это влекло за собой снижение требований, предъявлявшихся им не только при приеме, но и в ходе учебного процесса;
- «директивное» планирование и административно-командный способ проведения преобразований — подмена инвестиций «политическими призывами» вынуждали «исполнителей» заниматься приписками в отчетах о результатах сменявших друг друга «кампаний» по максимально быстрой ликвидации неграмотности.

Однако в Калмыкии развернуть сразу все звенья советской системы народного образования не представлялось возможным. Этому препятствовали отсутствие инфраструктуры И неподготовленность представителей коренного населения к регулярным занятиям в стационарных учебных заведениях. На данном этапе главной задачей партийных и советских органов Калмыцкой автономной области стало создание низовых звеньев

обучения — начальной общеобразовательной школы и некоторых видов среднего профессионального образования. Для широкого развития высшего образования требовались экономические, социальные и общекультурные условия. Обучение в начальной общеобразовательной школе, как обоснованно считали большевики, должно было стать обязательным для всех детей. Но достичь этого в 20-е гг. XX в. не удалось, и лишь с 1930 г. стала неуклонно проводиться работа по обязательному образованию подрастающего поколения.

Партийные и советские органы в первые годы после революции приступили к созданию новой системы народного образования. В программе партии, принятой в марте 1919 г. VIII съездом РКП(б), были определены требования к органам народного образования: «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколений, способного окончательно установить коммунизм»[10].

Программа предусматривала введение бесплатного обязательного общего и политехнического образования в единых светских школах, обеспечивавших преподавание на родном языке, совместное обучение детей обоего пола, связь обучения с производством, широкое развитие профессионального образования. Подчеркивалась и актуальность подготовки «новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма»[11].

Основные направления перестройки советской школы были намечены в «Положении о единой трудовой школе РСФСР» от 30 сентября 1918 г.[12] и «Декларации о единой трудовой школе» от 16 октября 1918 г.[13] Согласно этим документам упразднялось деление школ на начальные, гимназии и реальные училища и вводилась единая трудовая школа с разделением на две ступени.

Об особой роли, которую партия отводила делу просвещения трудящихся, свидетельствует резолюция, принятая X съездом РКП(б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии»[14]. В ней говорилось о необходимости помочь малым народам развить широкую сеть курсов и общеобразовательных школ. Среди этих народов были названы калмыки, башкиры, марийцы, татары и чуваши. X съезд партии наметил в национальных республиках создать действующие на родном языке органы власти и управления хозяйством, учреждения культуры, прессу, школы, театры, организовать подготовку национальных кадров и т. д. На основе решений X съезда РКП(б) и первой партийной конференции областной комитет усилил организаторскую и политическую работу среди населения.

Как только закончились военные действия на территории Калмыцкой степи, отдел народного образования под руководством партийных органов приступил к восстановлению разоренных и разрушенных школ, снабжению их книгами и пособиями, осуществлению разработанного на 1919/20 учебный год проекта расширения существующей школьной сети. Предполагалось в дополнение к 33 школам открыть еще 40 школ, из которых 20 должны были открыться уже в 1919 г.[15] Но этот план не был осуществлен. Более того, количество школ в 1919/20 учебном году не увеличилось, а наоборот, уменьшилось. Их осталось всего 11. Тем не менее в таких неблагоприятных условиях школьные учреждения продолжали работать.

Катастрофическое финансовое положение, в котором оказались учреждения народного образования, вынуждало искать пути спасения хотя бы имевшихся школ и культурно-просветительных учреждений. Центр предлагал для выхода из создавшейся ситуации увеличить сбор местных налогов либо передать школы на содержание профессиональным союзам, хозяйственным органам и учреждениям, либо ввести самообложение населения в пользу школ и учителей[16]. Участники III Общекалмыцкого съезда Советов (1922 г.) решили, что сохранить школьную сеть в этот период могла только общественность. Самообложение в пользу школ про-

В калмыцкой школе. 1920 г.

водилось по инициативе работников Калмыцкого облоно как «Неделя школьника»[17].

В 1922/23 учебном году в Калмыцкой автономной области единой системы школьного образования еще не было, действовали школы первой ступени с трех- или четырехлетним сроком обучения в зависимости от решения местных Советов и школьных коллективов. В марте 1923 г. IV сессия Калмыцкого облисполкома приняла решение установить в Калмыкии единую, как по всей стране, систему: школы первой ступени с четырехлетним сроком обучения, второй ступени — с трехлетним. Окончившие семилетнюю школу имели право поступать в средние учебные заведения и на рабфаки[18].

Кочевой и полукочевой образ жизни населения Калмыкии обусловливал функционирование таких типов школьных учреждений, как школы-интернаты, детские дома и школьные колонии. Не меньшее значение имели школьные колонии, которые для Калмыкии были новой формой учебно-воспитательных учреждений. Организуя школьные колонии планомерно и продуманно, областной комитет партии и отдел народного образования решали несколько задач. Во-первых, они подготавливали почву для перехода народа к оседлости, а во-вторых, являлись (в применении к местным условиям) лучшим разрешением вопроса о единой трудовой школе.

В. П. Порох — первый заведующий отделом образования Калмыцкого облисполкома

И если в 1920/21 учебном году школ в области имелось 93, то в 1926/27 учебном году функционировали уже 135 школ.

В 1928 — 1932 гг. осуществлялся первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Перед страной встали новые исторические задачи. Первый пятилетний план включал большой объем работы в области культуры: всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профессиональное образование, а также подготовка квалифицированных специалистов. Что касается развития системы образования в 1933 — 1937 гг., как отмечалось в постановлении бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) «Об основных установках к составлению плана второй пятилетки Калмыцкой автономной области», то целью в тот период стали «полный охват всеобщим обучением с 1932/1933 года и 7-летним обучением с 1935 г., открытие в Элисте национального пединститута и дополнительно двух педтехникумов, зооинститута и медтехникума»[19]. Несмотря на многие трудности, удалось сохранить почти всю сеть учреждений.

В постановлении бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) о пятилетнем плане культурно-хозяйственного развития Калмыцкой области от 4 января 1929 г. указывалось: «Основные

Динамика роста численности учреждений образования и культуры в 1917 — 1930 гг.*

Показатель	1917	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Учреждения	18	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Школы	33	11	93	102	85	101	117	114	135	155	173	187	220

* Составлена по: Отчет Президиума Облисполкома калмыцкого трудового народа о своей деятельности за время с 1.11.1928 по 1.01.1930. Элиста, 1930. С. 14, 22, 34; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 25. Л. 70; Оп. 2. Д. 389. Л. 215.

Количество школ в годы второй и за четыре года третьей пятилеток*

Показатель	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941
Начальные школы	194	195	200	204	190	198	209	219	224
Семилетние	23	22	23	30	36	35	42	47	50
Средние	—	—	3	3	4	6	12	19	29

* Составлено по: НА РК. Ф. Р-25. Оп. 3. Д. 24. Л. 135.

Церен Петькиев — заслуженный учитель школы РСФСР. 1940 г.

установки по линии повышения культурного уровня населения области, выражающиеся в темпе развертывания школьной сети, признать правильными; одновременно отметить, что установки в отношении охвата детей школьного возраста (75 % намеченные планом) и ликвидация неграмотности (54 %) должны быть на основании решений 1 краевого съезда Советов изменены в сторону их увеличения с расчетом охвата детей школьного возраста и ликвидации неграмотности среди взрослого населения на 90 %. Для полного осуществления намеченных мероприятий необходимо включить в план финансирования 600 000 руб. на расширение профессионально-технического образования, увеличение кадров учителей-националов и сохранение драмшколы»[20].

Успешное развитие школьной системы в Калмыкии тормозили не только сложное материальное положение области, но и малочисленность подготовленных педагогических кадров. Новой советской школе требовались образованные, идейно убежденные, методически грамотные учителя. Нелегко было решать эту сложную проблему. Однако партийные работники делали все, чтобы преодолеть трудности. Партийные органы Калмыкии совместно с отделом народного образования целенаправленно проводили работу по подготовке кадров, заботились об улучшении материального положения народного учителя. В 1921 г. в г. Астрахани был открыт Калмыцкий педагогический техникум. При областном отделе народного образования действовали краткосрочные курсы повышения квалификации учителей, особенно коренной национальности.

Численность учителей в 1917 — 1939 гг.[*], чел.

Год	Число учителей
1917/18	74
1919/20	16
1020/21	148
1921/22	223
1922/23	266
1923/24	260
1924/25	418
1925/26	296
1929/30	239
1930/31	281
1932	760
1936	897
1938	827
1939	1 400

[*] Составлена по: **Бройдо Г. И.** Первые итоги и задачи культтурма в Калмыцкой области. Саратов, 1932; Отчет Президиума Облисполкома... С. 22; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 25. Л. 70; Оп. 2. Д. 389. Л. 215.

Успехи народного образования прямо зависели от возможности партийных ячеек организовать учительство, направить его усилия на воспитание молодого поколения. К концу 1930-х гг. в школах республики работали уже 1 400 учителей, из них с высшим образованием — 86, с незаконченным высшим — 156, со средним педагогическим — 630, со средним общим — 227 и с незаконченным средним образованием — 302 человека[21]. Для защиты интересов работников в области просвещения и поднятия качества просветительной работы обком партии и отдел народного образования организовали профессиональный союз работников просвещения. Состоявшийся 30 июня — 9 июля 1921 г. I съезд работников просвещения Калмыцкой области избрал руководящий орган — правление[22].

Группа учителей с М. Калининым. 1938 г.

Динамика численности учащихся в 1917 — 1939 гг.[*], чел.

Учебный год	Число учащихся
1917/18	1 201
1919/20	388
1920/21	5 950
1921/22	7 372
1922/23	7 540
1923/24	5 999
1924/25	7 000
1925/26	8 153
1926/27	8 156
1927/28	8 633
1928/29	10 485
1929/30	12 186
1930/31	17 536
1933	18 378
1934	26 400
1935	27 200
1936	28 000
1937	30 000
1938	29 017
1939	35 164

[*] Составлена по: **Бройдо Г. И.** Указ. соч. С. 74; Отчет Президиума Облисполкома... С. 14, 22, 34; НА РК. Ф. Р-25. Оп. 3. Д. 24. Л. 135; Р-3. Оп. 1. Д. 25. Л. 70; Оп. 2. Д. 389. Л. 215 — 218.

Одной из насущных проблем для школ оставалась нехватка учебников и учебных пособий как на родном языке, так и на русском. В 1920 — 1921 гг. были подготовлены к печати «Первая книга после букваря» В. М. Мосина, «Наша степь» (пособие по родиноведению), «Калмыцкий букварь» Л. Н. Нормаева, «История калмыцкого народа» Н. Н. Пальмова[23]. Из-за слабой технической оснащенности типографии, которой располагал ЦИК Калмыцкой области, издать перечисленные выше пособия не удалось. Учитывая острую потребность в учебной литературе, партийные и советские органы, облоно в 1922 — 1923 гг. направили на издание в Государственный ученый совет (ГУС) еще несколько работ: «Практический курс методики арифметики» (для 4-годичной калмыцкой школы) В. М. Мосина, «Методику арифметики» (для 1-го года обучения в национальной калмыцкой школе), «Очерки калмыцкой литературы» Д. С. Усова, «Калмыцкий букварь» А. П. Межуева[24]. Только в 1926 — 1927 гг. впервые массовыми тиражами были изданы «Программа ГУСа для школ 1 ступени», «Рабочая книга школ 1 ступени для 4 года обучения», «Букварь» Л. Нормаева, «Букварь» Х. Косиева, «Калмыцкая грамматика», «Старый и новый быт», «Сборник стихов», «Сборник рассказов», «Бытовая пьеса в 3-х действиях» «Академический словарь»[25].

Проблема содержания образования, организации и методов обучения была одной из самых острых и сложных. Это объяснялось тем, что происходила коренная перестройка содержания образования в школе в соответствии с задачами новой эпохи. Совершался трудный переход от предметных программ к комплексным. Уже на первом этапе (1921 — 1923 гг.) идейная и методическая перестройка содержания образования в области общественно-гуманитарных дисциплин, носившая наиболее противоречивый характер, захватила все предметы школьного преподавания. Важным этапом борьбы за идейно-политические основы содержания школьного образования стало введение программ ГУСа (1923 — 1930 гг.)[26], в которых упор делался на трудовую деятельность.

Работа Калмыцкого облоно постоянно находилась в центре внимания Наркомпроса РСФСР. Благодаря решению коллегии Наркомпроса РСФСР в 1923/24 учебном году из субвенционного фонда на нужды народного образования Калмыкии было отпущено 13 500 руб. Ежегодно росли ассигнования на культурно-социальные нужды: в 1923/24 учебном году из местного бюджета было израсходовано 126 800 руб.; в 1924/25 году Наркомфин утвердил смету в сумме 584 909 руб.[27]; на 1926/27 учебный год облоно выделил на народное образование 934 908 руб.[28]

Динамика роста расходов на образование свидетельствовала о возраставшей потребности как самого населения в получении образования, так и о заботе партийных и советских органов об улучшении и развитии народного образования в Калмыцкой области. Бюджет автономной области пополнился большими дотациями. В 1928 — 1929 гг. дотация составила 2 162,4 тыс. руб.[29] Однако средств все равно не хватало. Они расходовались главным образом на выплату заработной платы и на содержание интернатов. Поэтому о качественном улучшении работы в культурной сфере говорить не приходилось. Школы по-прежнему испытывали острую нехватку учебного оборудования, наглядных учебных пособий и т. д.

Органы РКП(б), РЛКСМ старались всемерно помочь отделу народного образования. Отношение населения к школе, учителям было самое благожелательное. Учителям к заработной плате в 9 руб. 62 коп., выделяемой из местного бюджета по особым договорам население доплачивало 25 — 40 руб. в месяц (в большинстве случаев натуроплатой)[30].

Однако не только материальными затратами определялась забота Коммунистической партии и правительства о развитии народного образования. Партия и правительство с первых дней советской власти дали установку органам народного образования, ученым в кратчайший срок разработать письменность для каждой народности. Старокалмыцкая письменность находилась в употреблении до 1924 г. 8-я областная партконференция (1926 г.) отмечала: «Отсутствие удобной калмыцкой письменности служит большим тормозом для наискорейшего проведения коренизации». Конференция рекомендовала обкому партии серьезно заняться этим вопросом[31]. С начала 1926 г. в Калмыкии повсеместно был введен в употребление алфавит на основе русской графики. Калмыки

пользовались русским алфавитом до 1930 года, после чего был введен латинский алфавит. Прежде чем областной комитет партии и Калмыцкий облисполком утвердили новый алфавит, он был подвергнут всестороннему исследованию рядом научных и общественных организаций и получил соответствующее одобрение научного совета Всесоюзного Центрального комитета Ново-тюркского алфавита.

Строительство новой советской школы, переподготовка педагогических кадров, введение в школах программ ГУСа — все говорило о том, что под руководством партийной организации в области народного образования развернулась большая работа. Калмыцкий областной отдел народного образования начиная с 1924/25 учебного года приступил к постепенному переводу на родной язык преподавания школ первой ступени. К важнейшим мероприятиям в области национализации школы относились: «выработка плана национализации школ первой ступени; проведение шестимесячных курсов по подготовке учителей-калмыков; организация работы по составлению и переводу учебников на калмыцкий язык; разработка на калмыцком языке комплексных программ для обучения; составление и перевод на калмыцкий язык методического пособия для учителей»[32]. Благодаря этим мероприятиям 30 % школ Калмыцкой области, или 34 школы, в 1925/26 учебном году перешли на преподавание на родном языке. В 1927/28 учебном году в области действовало более 50 национальных школ. Параллельно готовились новые кадры учителей из числа калмыков, активно переводились и издавались учебники и учебные пособия на родном языке. Национальная жизнь и преподавание на родном языке получили в первые годы советской власти значительное развитие. Принимались решения по «реализации национальных языков» в делопроизводстве. Политика «коренизации» в национальных районах страны способствовала подъему культурно-образовательного уровня нацмен.

В 1930 г. изменилась структура партийных органов как в центре, так и на местах. Из агитпропотдела областного и улусных комитетов партии был выделен самостоятельный культпропотдел, на который возлагалось руководство сферой культуры. 5 — 6 августа 1930 г. обком ВКП(б) принял постановление о развертывании всеобуча в Калмыкии. Этим постановлением он обязал партийные, советские, комсомольские и профсоюзные организации оказывать шефскую помощь школам в их повседневной работе (ремонт школьных зданий, продовольственное снабжение учащихся и учителей и т. д.)[33].

Деятельность партийной организации в области культуры была нацелена прежде всего на выполнение поставленной XVII съездом ВКП(б) задачи — осуществление обязательного начального обучения и всеобщего обязательного политехнического обучения в объеме семилетки[34]. В 1934 г. обком партии трижды рассматривал вопросы о работе школ и потребовал своевременно закончить ремонт зданий, обеспечить школы топливом, учебниками и учебными принадлежностями. Обком партии обязал облоно охватить всех учителей, не имевших педагогической квалификации, заочным обучением.

Вопрос о подготовке школ к новому 1935/36 учебному году обсуждался на V Пленуме обкома ВКП(б) 16 — 17 августа 1935 г. Отмечалось, что из 419 школьных зданий, имевшихся в Калмыкии, к новому учебному году подготовлены только 360. Пленум обратил особое внимание на необходимость охвата всех детей школьного возраста начальным обучением[35].

Уже к концу 1936 г. областная парторганизация добилась осуществления всеобщего начального обучения детей. Из 23 229 детей школьного возраста было охвачено начальным обучением 22 586 чел. Одновременно с этим областной и улусные комитеты партии принимали меры для постепенного перехода к всеобщему семилетнему обучению[36].

С 1930 по 1932 г. областная партийная организация увеличилась с 1 774 до 2 546 чел. (на 43,5 %). К концу 1935 г. в областной партийной организации осталось 2 192 коммуниста. Представительство рабочих и крестьян в областной партийной организации возросло с 73,0 до 80,5 %[37].

Областную партийную организацию в разные годы возглавляли представители коренной национальности. Со времени организации ответственным секретарем обкома партии являлся А. Ч. Чапчаев. В ноябре 1927 г. на пост ответственного секретаря был избран Х. М. Джалыков, а с января 1934 г. по ноябрь 1935 г. первым секретарем был А. П. Пюрбеев.

Таким образом, партийные и советские органы Калмыкии, используя все рычаги идеологического воздействия, обладая всей полнотой власти, развернули активную работу по культурному возрождению области, развитию народного образования. На партийных конференциях и областных съездах Советов, пленумах, заседаниях президиума и секретариата областного комитета партии рассматривалась работа облоно по выполнению решений вышестоящих партийных и советских органов. Организационная работа облоно постоянно находилась в центре внимания и облисполкома. Так, в резолюции IX Общекалмыцкого съезда Советов (1930 г.) о деятельности облисполкома подчеркивалось о «форсировании дела народного образования»[38], необходимости усилить подготовку в первую очередь педагогических кадров из коренного населения, улучшить состояние низовых начальных школ как материально, так и с точки зрения обеспе-

чения лучшими кадрами преподавательского персонала, добиться необходимого ассигнования на школьное строительство, ввести всеобщее начальное обучение.

Процесс создания государственной системы образования проходил под руководством областной партийной организации, сопровождался возникновением препятствий как объективного, так и субъективного свойства: бедность материальной базы школ, плохое учебное оборудование, отсутствие учебников, неподготовленный педагогический персонал. Вместе с тем необходимо отметить, что именно 1920 — 1930-е гг. характеризуются расширением школьного строительства и развитием системы образования. Если в 1924 г. в Калмыцкой автономной области было 75 школ первой ступени и 4 школы второй ступени, то в 1940 г. функционировали 224 начальные, 50 семилетних, 29 средних школ, педагогическое училище, сельскохозяйственный техникум и медицинская школа. Вырабатывалась концепция национальной школы с учетом специфики коренного населения, издавались учебники, разворачивалась система подготовки педагогических кадров. Начало новому качественному этапу развития образования в области положило калмыцкое отделение при педагогическом факультете Саратовского государственного университета, открытое в 1929 г. В то же время началась подготовка высококвалифицированных специалистов во многих высших учебных заведениях страны.

Инициатором и вдохновителем всей этой грандиозной работы, проделанной в течение 1920 — 1930-х гг. в Калмыцкой области, была калмыцкая организация ВКП(б), выросшая количественно к XVII партконференции в марте 1940 г., до 4 222 членов и поддерживаемая в деятельности центральным комитетом партии и правительством.

Поступила 21.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста, 1980.

[2] См.: **Бадмаева Е. Н.** Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921 — 1933 гг.). Элиста, 2010; **Гладкова С. А.** Место и роль Калмыцкой областной организации РКП(б) в политической системе 1920-х гг. // Вестник КИГИ РАН. 2006. Вып. 20. С. 89 — 98; **Максимов К. Н.** Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII — XX вв.). М., 2002; **Очиров У. Б.** Калмыкия в период Гражданской войны (1917 — 1920 гг.) / отв. ред. А. С. Сенявский. Элиста, 2006 и др.

[3] См.: **Бадмаев Н. Х.** Партийное строительство в Калмыцкой автономной области (1921 — 1929 гг.). Элиста, 1969; **Киевская Т. Н.** Калмыцкая областная партийная организация в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства области на основе новой экономической политики (1921 — 1925 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1975; **Сангаева И. Э.** Образование Калмыцкой областной партийной организации (1918 — 1921) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. историко-партийная. Элиста, 1971. № 5. С. 25 — 69 и др.

[4] См.: **Бадмаева Е. Н.** Указ. соч.

[5] См.: **Сартикова Е. В.** Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста, 2008.

[6] **Очиров У. Б.** Социально-экономическое и политическое положение Калмыкии в 1920 г. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. Элиста, 2009. Т. 2. С. 285.

[7] Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8 (далее — НА РК).

[8] Там же. Л. 67.

[9] См.: **Максимов К. Н.** Указ. соч.

[10] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 — 1986). Т. 2. 1917–1922. 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. С. 48.

[11] Там же. С. 49.

[12] См.: Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. 1917 — 1973 : сб. док. М., 1985. С. 133 — 137.

[13] Там же. С. 137 — 145.

[14] См.: КПСС в резолюциях… Т. 2. С. 242.

[15] НА РК. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 4. Л. 11 об.

[16] Там же. Д. 181. Л. 51.

[17] НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 299. Л. 131 об.

[18] Там же.

[19] Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920 — июнь 1937 гг.) : сб. док. и материалов. Элиста, 1981. С. 259.

[20] Национально-государственное строительство… С. 181.

[21] НА РК. Ф. Р-25. Оп. 3. Д. 31. Л. 273.

[22] Там же. Л. 82 об., 83.

[23] НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 25. Л. 79.

[24] Там же. Д. 389. Л. 237.

[25] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 296. Оп. 1. Д. 424. Л. 6 об., 27, 28, 39, 40.

[26] См.: Народное образование в РСФСР / под ред. М. П. Калинина и Е. М. Чехарина. М., 1969.

[27] НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 725. Л. 129.

[28] Там же. Д. 971. Л. 72.

[29] См.: Очерки истории Калмыцкой организации КПСС… С. 117.

[30] НАРК. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 240. Л. 4.

[31] НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 204. Л. 323.

[32] НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 725. Л. 135.

[33] См.: Очерки истории Калмыцкой организации КПСС… С. 156.

[34] НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 55. Л. 62.

[35] Там же. Оп. 2. Д. 123. Л. 38.

[36] Там же. Оп. 3. Д. 55. Л. 60.

[37] См.: **Максимов К. Н.** Указ. соч. С. 319.

[38] Цит. по: Национально-государственное строительство… С. 205.

УДК 94(47).084

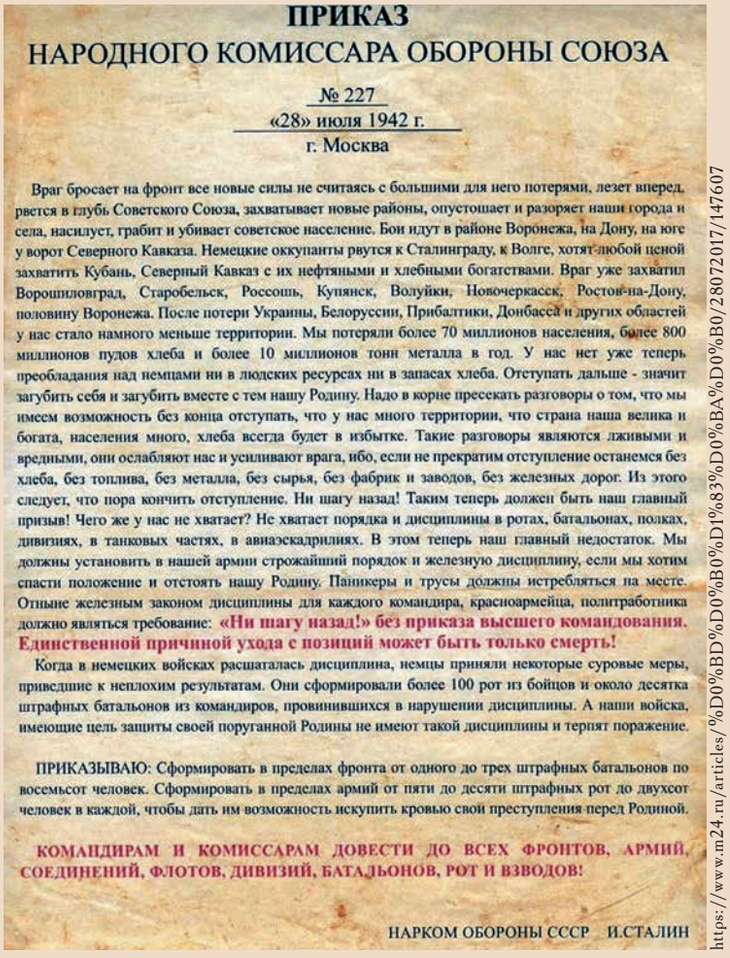
Константин Николаевич Максимов

РЕПРЕССИИ НАРОДА ДИСКРЕЦИОННОЙ ВЛАСТЬЮ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОКУМЕНТОВ ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР

Разгром фашистских войск под Сталинградом, успешные наступления Красной армии на Южном фронте, центральном участке, победа на Курской дуге и переход к стратегическому наступлению привели к середине 1943 г. к коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Стратегическая инициатива полностью перешла к советскому командованию.

К. М. Симонов, отмечая решительное изменение хода войны, писал: «...Все равно это не могло выбить из нашей памяти и поражений сорок первого года, и поражений лета сорок второго года. Сохранялось и сознание огромности территории, все еще остававшейся под пятой у немцев»[1]. Уже в 1943 г. военные 1941 — 1942 годы с катастрофическими последствиями ушли в историю. К осени 1942 г. немцы захватили территорию СССР, на которой проживало 41,9 % населения страны, производилась 1/3 всей ее промышленной продукции, 54 % сельскохозяйственной. На этой территории ранее производилось 56 % мяса, 57 — молока, 37 — шерсти, 60 % яиц и т. д.[2] Об этом предельно откровенно было сказано в приказе от 28 июля 1942 г. № 227 «Ни шагу назад!», подписанном народным комиссаром обороны СССР И. В. Сталиным.

За первые полтора года войны безвозвратные потери в Красной армии составили 6 395 889 человек



ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА

№ 227
«28» июля 1942 г.
г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге, хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Волуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских ресурсах ни в запасах хлеба. Отступать дальше - значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, что страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв! Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: **«Ни шагу назад!» без приказа высшего командования. Единственной причиной ухода с позиций может быть только смерть!**

Когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 рот из бойцов и около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины. А наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины не имеют такой дисциплины и терпят поражение.

ПРИКАЗЫВАЮ: Сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов по восемьсот человек. Сформировать в пределах армий от пяти до десяти штрафных рот до двухсот человек в каждой, чтобы дать им возможность искупить кровью свой преступления перед Родиной.

КОМАНДИРАМ И КОМИССАРАМ ДОВЕСТИ ДО ВСЕХ ФРОНТОВ, АРМИЙ, СОЕДИНЕНИЙ, ФЛОТОВ, ДИВИЗИЙ, БАТАЛЬОНОВ, РОТ И ВЗВОДОВ!

НАРКОМ ОБОРОНЫ СССР И.СТАЛИН

https://www.m24.ru/articles/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0/28072017/147607

© Максимов К. Н., 2017

(56,7 % всех потерь 1941 — 1945 гг.), из них попали в плен и пропали без вести 3 850 703 (86,4 % общей численности попавших в плен и пропавших без вести 1941 — 1945 гг.). Из попавших в плен в фашистских концлагерях выжили и были освобождены, взяты в сентябре 1945 г. на учет 1 985 224 военнопленных, из них репатриированы на родину 1 825 774 военнопленных, в том числе попавшие в плен в 1941 — 1942 гг. — 1 272 357 человек, или 69,7 % (в 1941 г. — 752 705, в 1942 г. — 519 652 человека)[3].

Разумеется, в советском обществе имелись противники советской власти, люди, не примирившиеся с ней. В результате насильственной коллективизации и предшествующих репрессий появились необоснованно пострадавшие, выросло число недовольных существующим режимом. Правящий режим их относил к потенциальным «врагам народа», готовым в случае войны сотрудничать с противником. Однако это ложное представление опровергла война. Только незначительная их часть, пострадавшая от действий правящего режима, перешла на сторону фашистов.

Одним из источников коллаборационизма стали разуверившиеся в победе Красной армии, а также преследовавшие корыстные цели, особенно в период успешных наступлений немцев в 1941 — 1942 гг., вынужденные под страхом смерти из числа граждан оккупированных территорий и военнопленных, оказавшихся в немецком плену не по своей вине, пойти на службу противнику.

Ныне рассекреченные документы и исследования историков показывают, что от 550 тыс. до 1,5 млн граждан СССР добровольно проходили службу в составе германских вооруженных сил. В годы войны, по данным О. В. Романько, в составе вермахта и СС воевали Русская освободительная армия и другие подразделения (около 310 тыс. человек), Украинская национальная армия и др. (около 250 тыс.), а также 15-й Казачий кавалерийский корпус, Казачий стан и др. (около 70 тыс.), формирования белорусские (около 19 тыс.), литовские (около 36,8 тыс.), латышские (около 88 тыс.), эстонские (около 69 тыс.), туркестанские (180 тыс.), северо-кавказские (28 — 30 тыс.), грузинские (около 20 тыс.), армянские (около 18 тыс.), азербайджанские (около 25 — 35 тыс.), поволжских татар (около 40 тыс.), крымских татар (15 — 20 тыс.)[4]. В ряду указанных формирований оказалось и калмыцкое кавалерийское подразделение батальонного звена, неоднородное по национальному составу, численность которого не превышала 2,5 тыс. человек.

Феномен бандитизма в СССР в годы войны, принесший немало беспокойства советскому тылу, прежде всего освобожденным от немецкой оккупации районам, представляет особый интерес. Бандитские группы объединяли дезертиров, уголовных элементов, предателей, не успевших бежать с отступавшим врагом и скрывавшихся от возмездия. За 3,5 года (1941 — 1944) войны на территории Советского Союза, по данным Отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом и дезертирством, были учтены 8 856 бандгрупп (из них ликвидированы — 7 161), включавших 201 511 человек. В те годы только на Северном Кавказе числились 1 982 учтенные бандгруппы (в Кабардино-Балкарской АССР — 160, Дагестанской АССР — 350, Северо-Осетинской АССР — 27, Краснодарском крае — 499, Ставропольском крае — 541, Грозненской области — 405), из них уничтожены 1 389 бандгрупп. В Калмыкии были уничтожены 23 бандгруппы (786 человек), отдельные явились с повинной и сдались, в результате 381 человека арестовали, 341 освободили, оказавшие сопротивление 64 человека были убиты. К концу 1943 г., по данным НКВД СССР, на ее территории действовали 4 бандгруппы в составе 17 человек[5].

Нужно отдать должное объективности первого секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) П. В. Лаврентьева, направленного в феврале 1939 г. в Калмыкию с должности ответственного организатора Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). Он, в отличие от преемника А. Ф. Ликомидова, правдиво докладывал в конце 1942 г. в ЦК ВКП(б), что «вопрос о бандитизме в Калмыкии только раздувается. На территории некоторых улусов действуют от 3 до 5 бандитских групп общей численностью 150 — 200 человек (из бывших кулаков, уголовных элементов), которые занимаются главным образом скотокрадством, иногда нападают на партийных и советских работников. Кроме того, в калмыцких степях, в камышах по Манычу и Куме, в Приволжском улусе скрываются дезертиры разных национальностей. За два последних месяца выловлено 75 дезертиров и убито в перестрелке 25 человек»[6]. Это подтверждается в книге Джона Армстронга «Партизанская война. Северный Кавказ», где он приводит выдержки из дневника советского офицера: «27 ноября [1942 г.]. Мы находимся в поселке Улан-Туг [Красное знамя, Калмыцкой АССР]. Здесь мы расстреляли семерых предателей родины, среди них младший лейтенант Филиппов, лейтенант Монахов и сержант Рыбалко»[7].

Действительно, в то время в балках, камышах на территории Калмыкии нашли прибежище многие дезертиры, как отмечал Калмобком партии, из беспорядочно отступавших частей Южного фронта летом 1942 г. Можно указать и другие факты. Только в сентябре 1942 г. из подразделений 248-й стрелковой дивизии 28-й армии, которая вела боевые действия на территории Калмыцкой АССР, дезертировали 55 бойцов, из них

30 русских, 5 украинцев, 20 представителей других национальностей. А 34-я гвардейская стрелковая дивизия этой же армии в боях в ноябре 1942 г. на территории республики потеряла только «пропавшими без вести» 1 713 человек[8]. Кроме них, из «мусульманско-магометанского легиона», прибывшего в августе 1942 г. в составе немецкой 16-й мотодивизии в Калмыкию, разбежались и прятались в калмыцких степях около 1 тыс. туркестанцев, которых часто путали с калмыками. Об этом свидетельствуют документы, отложившиеся в фондах архива 28-й армии[9].

В ряде краев и областей СССР, где их руководство действовало по инструкции ГКО «начинать эвакуацию скота при приближении противника на 70 км, а все остальное имущество — 30 км», в период кратковременной оккупации на их территории осталось значительное количество скота. Фашистские войска оставленный и перехваченный во время эвакуации скот использовали на продовольственные нужды и для вывоза в Германию. Поэтому причины огромной потери скота, оставления его противнику тоже надо было переложить на «врагов народа», «вредителей», найти их и наказать. В связи с этим абсурдным представляется обвинение калмыков в том, что они передавали немцам эвакуированный из Украины скот. Во-первых, украинцы пригнали скот в Калмыкию осенью 1941 г. (Калмыкия подверглась оккупации в августе 1942 г. — *К. М.*) и после зимней передержки весной 1942 г. переправили в Казахскую ССР[10]. П. Е. Панченко, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, ответственная за перегон скота Полтавской области Украины, не указывает на такие факты. Если бы дело обстояло иначе, она, несомненно, их упомянула бы, поскольку воспоминания писались в 1950-е гг., когда можно было писать открыто. Она вспоминала: «Гнали скот осенью [1941 г.], когда уже наступили холода, совсем стало плохо. Половина скота была истощена, недоставало кормов и т. д. В то лето постигла беда и другого рода — ящур»[11]. В Калмыкию только в конце 1941 г. с наступлением небывалых морозов из других краев и областей пригнали 302 800 голов скота, в том числе из Украины — 125 032, из них в суровую зиму 1941/42 года из-за болезни и недостатка кормов пали 27 092 (22,3 %) головы. Украинцы допустили большие потери скота (40 916 голов) при передержке в эвакуации и при возвращении его в 1943 г. При реэвакуации на передержке в хозяйствах Калмыцкой АССР на 9 октября 1943 г. находилось 4 019 голов украинского скота, когда немцев в Калмыкии уже не было (она была освобождена в начале января 1943 г.)[12].

Все этим негативные в морально-политическом отношении социальные явления, проявившиеся особенно в первые годы войны в советском обществе в заметных масштабах, требовалось интерпретировать. Сталинское окружение, причастное к массовым репрессиям, исполняя волю вождя-деспота и угождая ему, действовало по сложившемуся в диктаторском режиме стереотипу, отработанной схеме, умело используя зомбированное население психозом вредительства. Повсеместно в стране применялся проверенный на практике метод: при неудачах и просчетах, скрывая их истинные причины, обязательно искать и найти «вредителя», «врага», ложно обвинить, создать общественное мнение и расправиться с ним. Известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер отмечал, что в Советском Союзе по внедренному стереотипу «привыкли объяснять вредительством все, что не клеилось...»[13]. Руководители государства и ВКП(б), репрессируя в годы войны путем депортации в отдаленные, трудные для жизни районы страны большие группы населения, стремились сложить с себя ответственность за крупные поражения с катастрофическими последствиями в 1941 — 1942 гг., коллаборационизм, дезертирство, участие в бандитизме некоторой части почти всех народов СССР, переложить ее на отдельные этносы, и наказать их в назидание остальным. Действительно, надо было переложить вину на кого-то, как отмечал известный писатель Даниил Гранин, за то, как «мы драпали, то отступали, „отходили на запасные позиции“, оставляя горы трупов... за полное поражение в первые месяцы войны, ужас потери огромных территорий»[14]. Калмыки «должны были понести наказание» за то, что фашист дошел до калмыцких степей — до самой восточной военной позиции в СССР.

К этому добавлялись задачи, связанные с восстановлением разрушенной войной экономики, восполнением трудовых ресурсов отдаленных районов. Потребовалось путем насильственного перемещения (к сентябрю 1944 г. уже было перевезено 1 514 тыс. человек), не создавая социальную инфраструктуру, пополнить трудовые ресурсы Урала, Сибири, Дальнего Востока, которые истощились за годы мобилизации их трудоспособного населения. Если к началу Великой Отечественной войны в местах спецпоселений под надзором органов НКВД СССР находились 987 918 человек (из трудоспособных работали 85 %), то за годы войны численность спецпоселенцев увеличилась (к октябрю 1945 г. по сравнению с 1940 г.) почти в 2,4 раза и составила 2 342 506 человек, из них работали 1 032 095 (всего трудоспособных — 1 027 665)[15]. Депортация народов, таким образом, явилась одним из способов привлечения больших групп репрессированных людей к принудительному труду. Тем самым политика депортации вполне вписывалась в политэкономи-

ческую модель строительства социализма.

Необоснованно обвиняя ряд народов, ликвидируя их государственность и подвергая депортации (к тому времени уже были репрессированы советские немцы, карачаевцы, шла подготовка к выселению калмыков), И. В. Сталин в докладе на торжественном заседании 6 ноября 1943 г. вынужден был правдиво сказать, что «все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания. Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадежно глупыми были их расчеты на раскол и столкновения между народами Советского Союза. Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков»[16].

Руководство СССР, выдвигая против отдельных этносов страны огульное обвинение в коллаборационизме, само же ставило под сомнение партийную концепцию «о морально-политическом единстве советского народа», допускало явное расхождение между словами и делами. Руководители Советского Союза, предпринимая депортации, очевидно, преследовали негласную цель. Продолжая политику изменения этнической карты и национально-территориального устройства страны, они одновременно готовили общественное мнение (идеологическая цель), видя необходимость как-то объяснить военные поражения и огромные людские потери, допущенные на начальном этапе войны. И. В. Сталин в начале войны указывал в качестве причин отсутствие второго фронта в Европе, недостаток у нас танков и самолетов и фактор внезапности.

Таким образом, у руководства Советского государства и компартии действительных причин для тотального обвинения отдельных народов СССР в коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны, по существу, не имелось. То, что им инкриминировалось, в такой же мере касалось не только почти всех народов Советского Союза, но и народов многих стран, втянутых в орбиту Второй мировой войны. Выдвигая необоснованные обвинения против отдельных народов, принудительно мигрируя их безвозвратно, оно преследовало политические, идеологические и экономические цели. По словам Даниила Гранина, в репрессиях «нуждалась система». В этой целесообразности, пожалуй, не учитывались, а, может быть, и учитывались последствия для отправленных на спецпоселение людей, где им требовался длительный период адаптации к климатическим, трудовым и социально-бытовым условиям, к иной социокультурной среде.

В вопросе о мерах против коллаборационистов у руководства НКВД СССР до середины августа 1943 г. в соответствии с постановлением ГКО № 1074-сс «О семьях лиц, сотрудничавших с германскими властями» от 27 декабря 1941 г. существовали ограниченные намерения. ГКО этим постановлением разрешал НКВД СССР «семьи лиц, служивших в административно-карательных органах германских властей, а также добровольно отступивших вместе с фашистскими войсками, после проведения следствия, решением Особого Совещания НКВД СССР, выселять в отдаленные области Союза»[17]. В записке НКВД СССР № 685/Б в ГКО от 16 августа 1943 г., подписанной наркомом Л. П. Берией, и в проекте постановления ГКО, завизированном Л. П. Берией и В. Н. Меркуловым, предлагалось выселить с территории Северного Кавказа и Калмыцкой АССР не только немецких пособников, бандитов и антисоветски настроенных лиц, но и членов их семей. Для организации и руководства выселением НКВД СССР предлагал создать «тройки», например в Калмыцкой АССР в составе начальника отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом В. А. Дроздова (председатель), секретаря калмыцкого обкома ВКП(б) А. Ф. Ликомидова и Председателя СНК Калмыцкой АССР Н. Л. Гаряева[18].

Ныне доступные документы ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР свидетельствуют о том, что практическая подготовка к упразднению Калмыцкой АССР и выселению ее автохтонного населения началась в сентябре, но не позже первой половины октября 1943 г. А волевое (некоторые авторы предпочитают говорить о политическом) решение дискреционной власти государства относительно судьбы коренного населения Калмыцкой АССР, следовательно, созрело значительно раньше. С полной уверенностью можно говорить — в июле, поскольку постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецкой оккупации», по сути являвшееся обширным программным документом, было принято 21 августа 1943 г. На подготовку проекта такого объемного, детализированного документа потребовалось, конечно, значительное время, поскольку надо было получить сведения, сделать расчеты, согласовать с многочисленными наркоматами, ведомствами, областями, краями и некоторыми союзными республиками.

В первом разделе постановления «О возврате колхозам скота, эвакуированного в восточные районы» СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали Казахскую ССР вернуть Воронежской области 445 голов скота, Ростовской — 157 994, Сталинградской — 48 785, Ставропольскому

краю — 456 голов. Хотя ко времени принятия этого постановления в Актюбинской, Западно-Казахстанской и Гурьевской областях находилось около 260 000 голов эвакуированного скота Калмыцкой АССР, но почему-то ее не включили в перечень краев и областей, республик, которым надлежало получить свой эвакуированный скот. В 23 пунктах первого раздела, где подробно расписывались по каждой области, каждому краю мероприятия по организации возвращения находившегося на передержке эвакуированного скота, вплоть до приема и размещения, строительства помещений для животных, обеспечения кадрами специалистов сельского хозяйства и оплаты их труда, Калмыцкой АССР не нашлось места, просто «забыли» про нее.

Во втором разделе «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах» перечислены все оккупированные края и области, нуждавшиеся в государственной поддержке, за исключением Калмыцкой АССР. Не выделялись, в отличие от других пострадавших регионов, колхозам и совхозам республики, несмотря на чрезвычайную обстановку в связи с летней засухой 1943 г., ссуды из государственных ресурсов, а также из ресурсов Госсортфонда, Госстрахфонда и Заготзерна для посева озимых культур под урожай 1944 г.

Калмыцкая АССР крайне нуждалась в ремонте 270 тракторов (30,0 % всего парка), 206 комбайнов (46,4), в реконструкции 5 МТС (30,0), 4 ремонтных мастерских (30,0), 50 ветлечебниц (43,0 %) и т. д., однако не попала в разделы постановления «О мерах по восстановлению машинно-тракторных станций и машинно-тракторных мастерских», «О материально-техническом снабжении», «О направлении кадров в освобожденные районы», «О мерах помощи по восстановлению и строительству жилищ колхозников, рабочих и служащих». Все регионы, пострадавшие от оккупации, по распоряжению правительства получали государственную поддержку для укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, а также помощь в снабжении горюче-смазочными материалами, обеспечении кадрами специалистов отраслей народного хозяйства. В соответствии с перечисленными разделами, например, Ростовская область и Ставропольский край получили от государства на оборудование мастерских по 3,0 — 3,5 млн руб., а также по 200 конных плугов, по 50 тракторных плугов, сенокосилки, жатки, запасные части и т. д. Во все регионы, подвергшиеся немецкой оккупации, за исключением Калмыцкой АССР, которой к осени 1943 г. требовалось 118 агрономов, 167 зоотехников, 190 ветеринарных работников, направлялись молодые специалисты, оканчившие сельскохозяйственные вузы и техникумы в 1943 г.[19]

Таким образом, данное постановление правительства СССР и ЦК ВКП(б) наводит на мысль и убеждает в том, что у руководства Советского государства ко времени подготовки его проекта, а возможно, и к моменту его подписания, уже сложилось окончательное решение об упразднении Калмыцкой АССР и депортации ее автохтонного населения. Поэтому, принимая меры по ликвидации последствий оккупации, правительство СССР не стало «напрасно» вкладывать средства в восстановление экономики Калмыцкой АССР и возвращать ее скот из Казахстана. Руководство Советского государства демонстративно показало, что Калмыцкой АССР уже не существует — «нет республики и нет проблем».

Когда этот документ с грифом «Совершенно секретно» поступил в Калмыцкий обком ВКП(б) и правительство КАССР, их руководители, по всей вероятности, должны были насторожиться, встревожиться и обратиться за выяснением в ЦК ВКП(б) или СНК СССР. Но они не предприняли каких-либо шагов в этом отношении. Можно с полной уверенностью сказать, что первый секретарь Калмобкома партии А. Ф. Ликомидов и секретарь по кадрам П. Ф. Касаткин (последний усердно весь 1943 год направлял в ЦК ВКП(б) различные докладные негативного характера о положении в республике) уже знали о предстоявшем выселении народа.

Однако, несмотря на отсутствие в этом постановлении мероприятий по Калмыцкой АССР, Калмобком ВКП(б) развернул «показательную» деятельность, заставляя парткомы улусов, города и исполнительные органы республики «обеспечить выполнение» названного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Эта имитация «бурной» работы Калмыцкого обкома ВКП(б), которая отразилась в его документах, ныне хранящихся в архивах, вводит в «заблуждение» некоторых исследователей, не вникающих в содержание данного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР и документов о ходе его выполнения. Они, не ссылаясь на источники, пишут о якобы имевшемся специальном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Калмыцкой АССР, при этом не указывают ни номер, ни дату его принятия. А, возможно, имеют в виду подготовленный в октябре 1943 г. Совнаркомом КАССР проект (35 страниц) постановления по восстановлению и дальнейшему развитию отраслей народного хозяйства Калмыцкой АССР, представленный Калмобкому партии на рассмотрение с целью последующего внесения в ЦК ВКП(б) и СНК СССР[20]. Однако Калмыцкий обком ВКП(б) «по непонятной причине» не проявил активность и заинтересованность в обсуждении и продвижении данного проекта в высшие эшелоны власти.

Следует отметить, что к середине ноября 1943 г. Комитет при СНК

СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, проанализировав ход выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г., доложил итоги правительству СССР и ЦК ВКП(б). В представленной справке от 20 ноября 1943 г., подготовленной в Сельскохозяйственном отделе ЦК ВКП(б) на основании отчета Комитета и подписанной заместителем заведующего отделом Н. Ицковым, секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову ничего не говорилось о восстановлении экономики и социальной инфраструктуры Калмыцкой АССР. В ней перечислены все края, области, республики, пострадавшие от оккупации, отмечены разрушения, нанесенный ущерб, а также проводимые мероприятия по восстановлению их народного хозяйства. А о Калмыцкой АССР ничего не сказано, как будто она не подвергалась немецкой оккупации[21]. Понятно, что для руководства Советского Союза Калмыцкой АССР уже не было.

Не удивительно, что решение Политбюро ЦК ВКП(б) и указ Президиума Верховного Совета от 27 декабря и постановление СНК СССР от 28 декабря 1943 г. о ликвидации Калмыцкой АССР и депортации ее автохтонного населения принимались без конкретного, объективного обоснования. В преамбулах этих документов высших органов партийной и государственной власти излагались лишь в общих фразах — «учитывая, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине...», — стандартных для обвинения всех репрессированных народов[22]. При этом составители проектов названных документов, по всей вероятности, «забыли» о том, что в то время на фронтах Великой Отечественной войны против фашистов сражались 25 747 калмыков (19,15 % их общей численности в СССР).

Вообще, анализ фактов, изложенных в справке Отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом и дезертирством от 30 августа 1944 г., в том числе о том, что «110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее ОККД. — *К. М.*) в боях на Дону летом 1942 г. проявила неустойчивость, началось массовое дезертирство», абсолютно противоречит более авторитетным источникам. В доказательство могу привести лишь отдельные сведения. Например, в документе Генштаба Красной армии от сентября 1942 г., представленном Сталину, вносилось предложение включить в состав намечаемой к созданию конной армии на Южном фронте наряду с гвардейскими кавалерийскими соединениями и 110-ю ОККД. Далее. В докладе Р. Я. Малиновского, командующего Южным фронтом, по прямому проводу 22 июля 1942 г., в кульминационный период сражений, Сталину при описании общей обстановки на фронте было доложено, что 110-я кавдивизия держит оборону на своем участке. Объективно описаны оборонительные действия 110-й кавдивизии на Дону и в воспоминаниях командующих немецкими соединениями, наступавшими через Дон на Сталинградском направлении. За оборону Дона летом 1942 г. сержант Э. Деликов из подразделения 110-й кавдивизии посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза[23].

В августе 1943 г. начальник Главного политического управления Красной армии А. С. Щербаков, занимавший в то время еще три должности — в ЦК ВКП(б), МК, Информбюро, выступая на совещании агитаторов, особо подчеркнул, что в

Обелиск жертвам сталинских репрессий в Элисте. Под ним заложена капсула с землей из сибирских городов, привезенной участниками Поезда памяти

http://www.infpol.ru/news/asia/123145-v-rezultate-karatelnoy-operatsii-ulusy-v-sibir-bylo-deportirovano-120-000-kalmykov/

целях популяризации патриотических традиций русского народа и всех народов СССР важным является издание известных эпосов «„Джангар“ (калмыцкий), „Витязь в тигровой шкуре“ (грузинский), „Давид Сасунский“ (армянский) и др.»[24]. Причем именно в таком порядке перечислил эпосы.

Говоря о 110-й ОККД, следует вспомнить о так называемых мемуарах И. А. Серова. Ради того, чтобы заслужить орден, он пошел на подлог и подлость, написав, что «бывший герой (почему бывший? — *К. М.*) гражданской войны кавалерист Городовиков Ока Иванович... поехал сформировать в Калмыцкую АССР кавалерийскую дивизию из своих земляков... Когда он вернулся в Москву, через некоторое время стало известно, что калмыцкая дивизия перешла на сторону немцев»[25]. Теперь по порядку. 110-я ОККД формировалась в соответствии с решением ГКО № 894 «с» от 13 ноября 1941 г. в числе 19 национальных кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад, а не по желанию О. И. Городовикова. А утверждение, что дивизия перешла на сторону врага — это фантазия человека, привыкшего фальсифицировать, потерявшего чувство ответственности, представлявшего, что только им написанное будет единственным источником. Он, видимо, живя еще тем временем произвола, надеялся, что названные документальные источники вечно будут храниться под грифом «Совершенно секретно» в недоступных сейфах.

По поводу замечаний составителей «Записок из чемодана» о том, что «ввиду малоэффективности кавалерии в условиях новой войны формирование 111-й ОККД было остановлено». Как говорил Даниил Гранин, «а все было не совсем так». Учитывая, что действующие на фронтах кавалерийские дивизии понесли большие потери в боевых действиях и зимних рейдах, а также частично вновь формировавшиеся кавалерийские дивизии находились в большом некомплекте, Ставка ВГК приказом № 0043 от 3 марта 1942 г. поручила военным советам ряда фронтов и округов переформировать и пополнить кавалерийские соединения. В целях быстрейшего пополнения действующих и доукомплектования вновь создаваемых кавалерийских дивизий Ставка ВГК приказала «расформировать 20 дивизий. Из них 11 — из числа действующих армий, но имеющих большой некомплект, и 9 — из числа вновь формируемых национальных кавалерийских дивизий... Из числа вновь формируемых национальных кавалерийских дивизий расформировать: ...111-ю Калмыцкую кавалерийскую дивизию и обратить на пополнение 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии»[26].

Переложение на Калмыкию ответственности за гибель и потерю скота Украиной, обвинение за запоздалую эвакуацию животных республики, проводившую ее руководством по инструкции ГКО, сведения о бандитизме, 110-й ОККД, изложенные в указанной справке Отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом и дезертирством от 30 августа 1944 г., свидетельствуют об отсутствии у составителя конкретных, обоснованных данных. Была лишь определенная цель. Как показывает источниковедческий анализ (даты составления и согласования, авторы — структурные подразделения, специфика содержаний, особенности оформления и т. д.) оперативных документов (инструкции, положения) по подготовке к выселению, они рождались в недрах аппарата НКВД СССР, опережая директивные документы. Постановление СНК СССР от 28 декабря 1943 г. о депортации калмыцкого народа в НКВД СССР поступило для исполнения 29 декабря, когда калмыков «изъяли» (так в документах НКВД СССР. — *К. М.*) и отправили в ссылку, и они в пути в Сибирь находились уже более суток. А что касается обоснования по поводу упразднения Калмыцкой АССР и выселения ее автохтонного населения, Отдел НКВД СССР по борьбе с бандитизмом и дезертирством подготовил его спустя значительное время после депортации калмыков. Здесь невольно вспоминаются слова известного государственного деятеля XVIII в. князя Никиты Трубецкого: «Мы сделали, что нам было приказано, а преступлений еще ищут»[27].

Таким образом, документы высших органов партийной и государственной власти, карательного органа СССР свидетельствуют о творившихся в стране беззакониях, произволе диктаторского режима, об отсутствии конституционного строя. Сквозь призму этих документов просвечивается, что депортация некоторых народов в годы Великой Отечественной войны и проводившиеся в СССР на протяжении почти четырех десятилетий репрессии — явления одного порядка, характеризовавшего сущность диктаторского режима. Если политические репрессии по отношению к отдельным или группам лиц по каким-либо признакам в основном осуществлялись по постановлениям судов или внесудебных органов якобы за совершение уголовно наказуемых действий, то решения о депортации народов принимались в административном порядке высшими органами партийной и государственной власти.

НКВД СССР, выполнявший карательные функции деспотического режима, главное внимание уделял выработке технологии репрессий, процедуре осуждения, нежели процедуре ответственности, объективного расследования и установления истины. Сложившаяся в советских карательных органах порочная практика фабрикации дел и фальсификации материалов «следствия» широко применялась и при репрессиях этнических общностей. В этом случае даже

упрощалось составление «обвинительного» документа: не надо было никого допрашивать, выбивать признания, брать подписи. Следовало только красочно его написать. Как впоследствии признавался на допросе М. П. Фриновский, бывший заместитель наркома НКВД СССР, органы НКВД нуждались в «следователях-колольщиках», умеющих грамотно и красочно составлять протоколы, документы, а также в НКВД процветала «неприкрытая линия на фальсифицирование материалов следствия». Министр госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев в октябре 1951 г. писал в ЦК ВКП(б), что «нередки были случаи, когда за отсутствием убедительных доказательств следствие широко опиралось на искусственно создаваемые так называемые оперативные соображения»[28]. Вот такие сфабрикованные дела, фальсифицированные материалы, составленные с целью оперативных «соображений» в угоду диктаторскому режиму, ложились в основу документов высших органов партийной и государственной власти, придававших «легитимность» беззаконию диктатора и его окружения, между прочим, создававшего и бутафорию коллегиальности.

Поступила 27.07.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] **Симонов К. М.** Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 242.

[2] См.: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941 — 1945 гг. : стат. сб. М., 1990. С. 20 — 25.

[3] См.: Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь : новейшее справ. изд. М., 2009. С. 60; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 39. Л. 65; Д. 933. Л. 226, 227 (далее — ГАРФ).

[4] См.: **Романько О. В.** Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006. С. 568; Великая Отечественная война. 1941 — 1945 : воен.-ист. очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 162 — 163; Война и общество. 1941 — 1945 гг. М., 2004. Кн. 2. С. 308 — 330 и др.

[5] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об., 2 об.; Д. 42. Л. 76 — 77; Д. 63. Л. 57, 174, 175; Д. 543. Л. 10 — 12.

[6] Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 69, 71 (далее — НА РК).

[7] **Армстронг Д.** Партизанская война. Северный Кавказ. М., 2007. С. 250.

[8] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. 1533. Оп. 1. Д. 55. Л. 92, 156 (далее — ЦАМО РФ).

[9] ЦАМО РФ. Ф. 1533. Оп. 1. Д. 6. Л. 32, 39.

[10] См.: **Панченко П. Е.** Спасенные стада // Кузница победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны : очерки и воспоминания. 3-е изд. М., 1985. С. 397.

[11] Там же. С. 398.

[12] НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1226. Л. 1 — 5, 122.

[13] Два взгляда из-за рубежа : переводы. М., 1990. С. 190.

[14] **Гранин Д.** А все было не совсем так. 2-е изд. М., 2013. С. 480, 491.

[15] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 209 — 214; Д. 257. Л. 127 — 129.

[16] **Сталин И. В.** О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 118.

[17] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР — «СМЕРШ». 1939 — март 1946 : архив Сталина. Док. высших органов парт. и гос. власти. М., 2006. С. 324.

[18] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4, кн. 2. Великий перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 г. М., 2008. С. 249 — 254.

[19] НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 658. Л. 70, 72, 78, 93, 103.

[20] Там же. Д. 844. Л. 13 — 47.

[21] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 123. Д. 148. Л. 202 — 231.

[22] Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. Депортации народов СССР (1930 — 1950-е годы). Ч. 1. Документальные источники ЦГАОР СССР. М., 1992.

[23] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 54 — 55; **Штеменко С. М.** Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005. С. 121 — 122; ЦАМО РФ. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 90. Л. 41; Великая Отечественная война: Ставка ВГК : док. и материалы. 1942. М., 1999. Т. 16 (5—2). Док. № 435; **Макензен Э.** От Буга до Кавказа : пер. с нем. М., 2004. С. 328 и др.

[24] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933 — 1945. М., 2009. С. 765.

[25] **Серов И. А.** Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 186.

[26] Великая Отечественная война: Ставка ВГК. Т. 16 (5—2). Док. № 133. С. 116.

[27] Цит. по: Записки императрицы Екатерины II [Репринтное воспроизведение]. М., 1990. С. 226.

[28] См.: **Мозохин О. Б.** Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности : стат. сведения о деятельности ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ СССР (1918 — 1953). 2-е изд., расшир. и доп. М., 2011. С. 228 — 229, 265.

УДК 94(100)»1914/19»:94(47).084.3:94(47).084.8

Дмитрий Викторович Фролов

ВЕТЕРАН ТРЕХ ВОЙН

Дмитрий Кузьмич Шеянов

Д. К. Шеянов

Каждая семья так или иначе является отражением истории своего государства. Семейные архивы хранят пожелтевшие фотографии и документы, повествующие о прошлом предков.

Считаю необходимым помнить свою родословную и хочу рассказать о прадеде по отцовской линии — Дмитрии Кузьмиче Шеянове, человеке, прошедшем три войны, и при этом гонимого советской властью.

Дмитрий Кузьмич родился в 1897 г. в старинном селе Соколовка (Никольское тож) Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Никольского района Пензенской области) в большой семье. Он был самым старшим из девяти братьев (пять из которых погибли на разных фронтах Великой Отечественной войны) и двух сестер. Село Соколовка чисто русское, но при этом, как отмечали секретные полицейские архивы начала XIX в., большая его часть была «поражена расколом», т. е. являлась старообрядцами. Весьма значительной была община беспоповцев. До 1930-х гг. даже кладбищ существовало два — одно для представителей господствующей церкви, второе — старообрядческое. Древлеправославная община была настолько сильна, что, как указывалось в «Пензенских епархиальных ведомостях», туда не слишком-то желали ехать священники, хотя в селе находилась деревянная Никольская с Владимирским приделом церковь (сгорела в 1929 г.).

Дмитрий Кузьмич выходец из старообрядческой семьи. В его старом доме всегда в «красном углу» было множество старинных «писанных» и литых икон и крестов, а также множество древних старопечатных кириллических книг XVIII — XIX вв. — «Толковое Евангелие», «Маргарит», «Канонник», «Сказание об отцах и страдальцах соловецких», псалтыри, часовники и др.

Среди икон был и созданный во второй половине XIX в. мастерами владимирских иконописных сел образ святого благоверного царевича Димитрия Углицкого, в честь которого назвали Дмитрия Кузьмича, а через сто лет и автора данной статьи в память о прадеде и в честь святого благоверного царевича.

Старообрядческая среда определила характер Дмитрия Кузьмича, он был человеком искренне верующим, кристально честным, прямым,

Святой Димтрий Углицкий — именная икона Д. К. Шеянова

Старообрядческие литые иконы и распятие из дома Д. К. Шеянова в с. Соколовка

© Фролов Д. В., 2017

добрым, трудолюбивым, очень ответственным, крайне аккуратным, не пьющим и не курящим. Любое дело, за которое он брался, доводил до конца. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж», «рядись не стыдись, а работай не плачься» — часто говорил он.

В 1914 г. началась Первая мировая война. В 1915 г. прадед был призван в армию из Саранска, в семье сохранилась фотография, сделанная перед отправкой на фронт (фотограф А. Криммер, Саранск, Московская улица).

На войну матерью Матреной был благословлен маленькой иконкой святого великомученика и целителя Пантелеймона — святого врача, который должен был оберегать его от ран и напрасной гибели. Следует сказать, что с этой иконой, носимой в нагрудном кармане, он пройдет все три войны и вернется домой живым.

Про Первую мировую рассказывать было не принято и даже опасно, называли ее не иначе как «империалистическая». Известно только, что воевал на Юго-Западном фронте в Буковине и Галиции. Когда война окончилась, в 1918 г. он вернулся домой.

Д. К. Шеянов перед отправкой на фронт. Саранск, 1915 г.

Однако началась страшная Гражданская война. Всего через несколько месяцев после возвращения был призван в ряды Первой революционной армии Восточного фронта (под предводительство М. Н. Тухачевского), мобилизационный отдел которой находился в Саранске, а штаб в Пайгармском монастыре. В 1920 г. прадед вернулся в Соколовку, с помощью родственников построил дом, своими руками украсил наличники искусной резьбой, а в следующем году у него родилась дочь Анна — моя бабушка.

После Гажданской войны много работал на земле, хозяйство было крепким: две лошади, две коровы, много овец; а еще Дмитрий Кузьмич слыл мастером — золотые руки. С молодости освоил бондарное дело, и с годами стал настолько искусен в этом мастерстве, что другие ремесленники, изготавливавшие бочки на продажу, покупали его изделия для себя.

Матрена Шеянова — мать Д. К. Шеянова. Фото предположительно 1930 — 1940-х гг.

Дом Д. К. Шеянова, построенный им самим. 1920-е гг.

Д. К. Шеянов с семьей (слева направо): Михаил Кузьмич Шеянов (1915 — 1941), Дмитрий Кузьмич Шеянов, сыновья Иван и Петр Дмитриевичи, Анастасия Павловна (жена прадеда, моя прабабка (1896 — 1991 гг.)) и дочь Анна Дмитриевна. 1927 г.

В семье чудом сохранилась фотография 1927 г. (была спрятана между листами одной из домашних книг), которая не нравилась ни прабабушке, ни бабушке, поскольку на ней был запечатлен повседневный, неприукрашенный облик домочадцев, семья моего прадеда и его младший (девятый) брат Михаил, погибший (по семейному преданию) при обороне Брестской крепости в 1941 г.

Бабушка вспоминала, что осенью 1927 г. в село приехал фотограф, прямо на бревенчатой стене соседней избы растянул он нарисованный еще дореволюционный фон с городскими усадьбами и деревьями и «запечатлевал в вечность» всех способных заплатить за его искусство. Дмитрий Кузьмич возвращался откуда-то, когда увидел фотографа, уже собиравшегося уезжать. Он срочно, не дав никакого времени на сборы, вывел всю свою семью и гостившего у него младшего брата кто в чем был. Такими они и остались на старой фотографии.

В 1929 г. началась коллективизация. Почтенные и богатые старики-старообрядцы Кабановы, Натянины и Глякины, имевшие маслобойни, круподранки, большие хозяйства и прочее, посоветовавшись, не решили сами вступать в колхоз и другим не рекомендовали: «Не можешь воровать — нечего делать в безбожном колхозе». За эти слова как антисоветчики и кулаки все они были высланы, а имущество их взято в колхоз.

По первости у Дмитрия Кузьмича, не пожелавшего вступить в колхоз, отобрали всех лошадей, коров, овец, сад с баней, но самого его не тронули как человека, служившего в Красной армии. Однако борьба с «кулаками» набирала обороты. Доброхоты посоветовали бежать, поскольку слышали, что обсуждается и его кандидатура на ссылку. Тогда наскоро собравшись Дмитрий Кузьмич с женой, взяв только младшего сына Петра, бежали в Сызрань, где была большая старообрядческая община, приютившая его. Чтобы не отняли дом, в нем они оставили десятилетнюю дочь (мою бабку) и пятилетнего сына Ивана. Рядом находился дом его родителей, стариков Кузьму и Матрену большевики не тронули, но все у них отобрали. Так под приглядом бабки десятилетняя девочка и ее пятилетний брат прожили почти четыре года. Сами топили печь, сами готовили еду и кололи дрова, сами сажали огород... Сложно сейчас представить, чтобы такое было возможно с современными детьми...

Затем прадед вернулся и забрал в Сызрань дочь и сына, оставив на родителей свой дом, который к 1935 г. уже никто не пытался отобрать. В Сызрани жили хорошо, работали на кондитерской фабрике. В 1940 г. моя бабушка сделала фотографию, говорящую о достойной жизни. Казалось бы, ситуация наладилась, все стало хорошо... Но Великая Отечественная война

А. Д. Шеянова (в замужестве Фролова (1921 — 2005 гг.)), моя бабушка, мать моего отца Виктора Александровича Фролова (родился 4 января 1952 г.), участвовала в годы войны в строительстве железной дороги и Сурского рубежа обороны, много лет проработала в школе, награждена медалями как труженик тыла. 1940 г.

не обошла ни один город, ни одно село, ни одну семью, ни один дом. Миллионы граждан нашей страны сложили головы на полях сражений, воюя за свободу и право на счастливую жизнь.

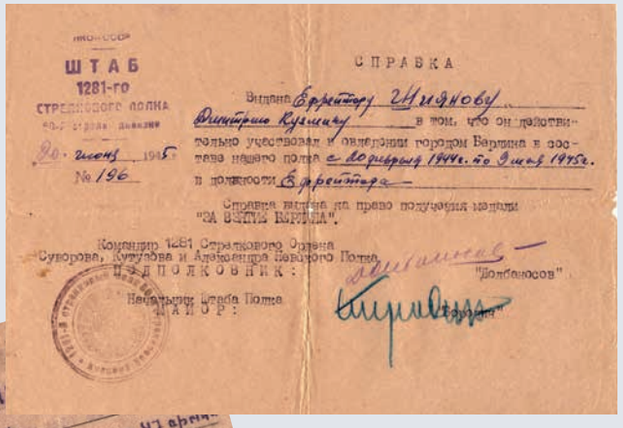
В 1941 г. моему прадеду было 44 года. Он прошел всю войну и дошел до Берлина, участвовал в его освобождении. Дмитрий Кузьмич воевал в 1281-м стрелковом орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского полку 60-й стрелковой Севской дивизии 47-й армии Белорусского фронта. Об этом говорят документы военных лет.

В семейном архиве сохранилось удостоверение № Б 411411 на награждение медалью «За боевые заслуги» от 31 мая 1944 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками», медалью «За отвагу», а также удостоверения на медали «За победу над Германией в Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и многие другие.

Приказом по 1281-му стрелковому полку 60-й стрелковой Севской дивизии от 1 мая 1944 г. от имени Президиума Верховного Совета СССР прадед награжден медалью «За отвагу». «Красноармейца Шиянова Дмитрия Кузьмича — повозочного хозяйственного отделения Комендантского взвода полка за то, что он приложил все усилия по содержанию коней в боевой готовности и хорошей упитанности. Неоднократно под сильным огнем противника доставлял коней по указанию командиров. Особенно проявил себя в боях под городом Ковель, по доставке боеприпасов на передний край обороны, в период сильной распутицы, чем способствовал успешным боевым действиям полка в борьбе с немецкими оккупантами».

Брат Д. К. Шеянова — Александр. Погиб на фронте во Вторую мировую войну. Фото 1930-х гг.

И. К. Шеянов, брат прадеда, погиб на фронте в Великую Отечественную войну



ШТАБ
1281-го
стрелкового полка

СПРАВКА

Выдана ефрейтору Шиянову Дмитрию Кузьмичу в том, что он действительно участвовал в овладении городом Варшава в составе нашего полка с января 1944 г. по 9 мая 1945 г. в должности ефрейтора.

Справка выдана на право получения медали "ЗА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ".

Командир 1281 Стрелкового Ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского Полка
ПОДПОЛКОВНИК: "Долбенсов"
Начальник штаба Полка
МАЙОР:

Справка Д. К. Шеянова на медаль «За боевые заслуги»

Справка Д. К. Шеянова на медаль «За взятие Берлина»

ВРЕМЕННОЕ УДОСТ...

Предъявитель сего Красноармеец Шиянов Дмитрий Кузьмич

награжден Приказом 1281 стр. Севской Дивизии 47 армии Белорусск. фронта № 059/н от "31" Мая 1944 г.

ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Орденом, медалью "За Боевые Заслуги"

Командир 1281 стрелкового полка
Майор

ШТАБ
1281-го
стрелкового полка

СПРАВКА

Выдана ефрейтору Шиянову Дмитрию Кузьмичу в том, что он действительно участвовал в овладении городом Варшава в составе нашего полка с 20 января 1944 г. по 9 мая 1945 г. в должности ефрейтора.

Справка выдана на право получения медали "ЗА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ 1944 – 1954 ГОДА".

Командир 1281 Стрелкового Ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского Полка
ПОДПОЛКОВНИК: "Долбенсов"
Начальник штаба Полка
МАЙОР:

Справка Д. К. Шеянова на медаль «За Победу над Германией»

Работа в бондарке. Д. К. Шеянов — первый слева. Конец 1940-х гг.

Учительница — сестра Д. К. Шеянова Ольга, слева от нее стоит сын Д. К. Шеянова Николай. 1947 г.

Одна из последних прижизненных фотографий Дмитрия Кузьмича с женой, дочерью, сыновьями и внуками на фоне своего дома. Начало 1960-х гг.

Столетний дом Д. К. Шеянова в с. Соколовка. 2017 г.

После войны Дмитрий Кузьмич вернулся в родную Соколовку, так и не вступил в колхоз и практически до самой смерти возглавлял небольшую артель бондарей, работал на маслозаводах Мордовии — в Ичалках, Больших Березниках, где по-прежнему делал превосходные бочки. Сохранились две его послевоенные фотографии конца 1940-х гг. с артельщиками за работой.

Умер Д. К. Шеянов 3 сентября 1965 г., похоронен на родине, в с. Соколовка.

Наш долг — бережно сохранять память о предках, сражавшихся на фронтах и трудившихся в тылу. Всего на трех войнах мой прадед провел 11 лет из своих 68!

Сейчас нам просто невозможно представить, сколько испытаний, страданий, боли и лишений пришлось на долю простого русского человека за все эти годы! Но он не просто выстоял, но еще вернулся героем и победителем! Пусть его уже нет с нами, но память вечна.

Поступила 05.09.2017

УДК 72.036

Виктор Борисович Махаев

ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ЛАГЕРЕЙ ТРЕБУЮТСЯ АРХИТЕКТОРЫ

В 1434 г. Филиппо Брунеллески после конфликта с флорентийским магистратом и цехом каменщиков оказался в долговой тюрьме, что не помешало ему в дальнейшем получить выгодный заказ на купол городского собора. Фортификатор, дьяк Разрядного приказа И. Г. Выродков, строитель Свияжской и Астраханской крепостей, участник штурма Казани, в 1568 г. был казнен опричниками, вместе с ним были казнены семнадцать его родственников (что никак не было связано с профессиональной деятельностью градостроителя). Крепостной архитектор Я. Г. Бухвостов, строя для боярина П. В. Шереметева Спасскую церковь в с. Уборы, в 1697 г. был посажен в колодничную палату за то, что дважды срывал сроки окончания строительства, занимаясь одновременно возведением трех важных построек в разных городах. Заложивший на Воробьевых горах храм Христа Спасителя академик А. Л. Витберг в 1835 г. был обвинен в растратах и неспособности довести строительство до конца, он был сослан в Вятку, где жил до 1840 г. Автор парижской башни Г. Эйфель, разрабатывавший конструкции для Панамского общества, в 1893 г. был обвинен в получении от общества 19 млн франков за фиктивные работы, вместе с группой коммерсантов он был осужден на два года тюрьмы. Придворный архитектор Гитлера А. Шпеер, выполнявший в годы Второй мировой войны и функции рейхсминистра вооружений, в 1946 г. на Нюрнбергском процессе за преступления против человечества был приговорен к 20 годам заключения.

Преступления и наказания не редки в истории отечественной и зарубежной архитектуры, но далеко не всегда архитекторов наказывали именно за профессиональные просчеты.

Деятельность архитектора связана с большими материальными ценностями, крупными инвестициями, трудоемкими процессами проектирования и строительства. Зодчий часто выполняет заказ власти, иногда деспотической; его профессиональная деятельность подчиняется системе правил, игнорирование которых может привести к материальному ущербу, разрушениям, человеческим жертвам. Работа проектировщика многогранна и сложна, поэтому ему трудно избежать разнообразных конфликтов. Превышение сметной стоимости или затягивание строительства являются рядовыми происшествиями, сегодня такие конфликты разбираются в суде. Архитектор постройкой может серьезно нарушить ценную архитектуру города, в этом случае его деяние объективно оценят лишь потомки. Архитектор может выступить против существующего закона, регламентирующего строительство, но если он готов отстоять свою точку зрения, то вскоре прослывет новатором. Архитектор может выступить против воли всесильного заказчика, что немедленно будет квалифицироваться как преступление. Лишь в последнем случае наказание проектировщика, даже если он придворный зодчий, неотвратимо.

Отношения архитектора и закона непросты, но в традиционном обществе они предсказуемы. При тоталитарном режиме эти отношения кардинально меняются. Архитектор, даже если он услужливый конформист, не всегда способен уловить заказ репрессивной власти, установки которой меняются ситуативно. В тоталитарной культуре процветает художественная конъюнктура, которая охватывает стилистику, творческий метод, художественный образ, причем повестка дня меняется непредсказуемо. Самое страшное, что даже заурядные недоработки, технические ошибки проектировщика могут трактоваться заказчиком-властью как целенаправленный политический умысел,

© Махаев В. Б., 2017

«вредительство», тогда оплошность грозит обернуться политическим обвинением и смертельным наказанием.

Отношения творческой личности и советской власти в 1920 — 1950-е гг. исследовались на примере ученых[1], писателей[2], художников и артистов[3]. Судьба отдельного зодчего при сталинизме рассматривалась монографически, пока никто не суммировал биографии репрессированных архитекторов. Среди советских архитекторов было немало «старых специалистов», занимавших высокие посты, при этом относившихся к большевизму критически (А. В. Щусев, И. В. Жолтовский). Однако, в отличие от литературы, в дискурсе которой антиправительственное высказывание может звучать открытым текстом, в архитектуре, оперирующей абстрактными формами и инженерными конструкциями, такое невозможно. Кроме того, архитектурное искусство в Советской России было полностью подчинено государственной политике, а плановая система проектирования и строительства, централизованное государственное финансирование исключали какие бы то ни было вольности и случайности[4]. Несмотря на это в запрограммированной и жестко контролируемой культуре сталинизма преступления архитекторов — подлинные или мнимые — редкостью не были, ибо репрессивная культура культивировала «первородный грех» советского человека перед властью вождя.

Каждое поколение советских архитекторов обвинялось в идеологических грехах в момент, когда зодчество властью насильственно трансформировалось и переориентировалось на новые задачи. Сразу или после Октября 1917 г. «старые специалисты», имевшие дореволюционный опыт работы, были взяты на подозрение большевистской властью как «прислужники буржуазии и церкви». Надо было обладать громадным авторитетом А. В. Щусева или эластичностью А. Д. Крячкова, чтобы продолжить удачливую карьеру зодчего, засыпанного крупными заказами, увешенного орденами, и умереть собственной смертью. Мастера советского авангарда, не сумевшие в середине 1930-х гг. перестроиться, в большинстве были отстранены от проектирования, когда идеология и стилистика советской архитектуры кардинально изменились. Шквал обвинений приняли на себя советские архитекторы в середине 1950-х гг., когда архитектура неоклассического монументализма трансформировалась в массовое типовое строительство.

В 1930-х гг. — начале 1950-х гг. главными причинами репрессий в среде архитекторов были: открытое несогласие архитектора с градостроительной политикой и архитектурной практикой, конфликты по этим вопросам с чиновниками высокого ранга; неспособность архитектора определенной школы перестроиться в соответствии с экстренной повесткой дня; невозможность для авторов проекта решить финансово-хозяйственные проблемы строительства. Кроме того, была еще одна важная причина — дефицит кадров проектировщиков в Сибири и на Крайнем Севере, в местах добычи стратегических ресурсов, требовавшихся военно-промышленному комплексу. Одними из задач создания системы исправительно-трудовых лагерей являлись масштабная колонизация и хозяйственная эксплуатация отдаленных районов СССР, для этой деятельности требовались сотни архитекторов, тысячи инженеров и строителей.

Последний, жестоко-прагматичный вариант «архитектурного творчества за колючей проволокой» был проанализирован историком сибирской архитектуры А. В. Слабухой[5]. Ему принадлежит первое, основанное на архивных материалах исследование профессиональной творческой деятельности заключенных архитекторов в условиях несвободы. В проектных конторах ГУЛАГа, «шарашках»[6] отбывали сроки, жили на поселении десятки выдающихся деятелей советской архитектуры, сотни простых архитекторов. Хронологические рамки исследования охватывают период функционирования Норильского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР с 1935 по 1956 г. А. В. Слабуха проанализировал биографии 33 архитекторов, работавших в Норильске и решавших сложные профессиональные задачи. Автор исследования делает поразительный вывод: деятельность большого отряда архитекторов в Норильске превратила вахтовый центр в культурную и архитектурную столицу ГУЛАГа в Сибири.

Репрессивная машина действовала жестоко и прагматично. Она изолировала «вредителя» от общества, но в «шарашках» эксплуатировала его профессиональные знания и навыки. Вот типичная судьба репрессированного архитектора. Московский архитектор Н. А. Круглов (1883 — 1938), арестованный в 1937 г. по ложному доносу, отбывал ссылку в Куйбышеве. Здесь он собрал бригаду, которая выполнила конкурсный проект фасадов Куйбышевской ГЭС, позднее осуществленный. В 1938 г. Н. А. Круглова отправили в Ухтпечлаг, где он работал в строительном управлении Северного Эшелдорлага[7].

Остановимся на биографиях некоторых репрессированных архитекторов.

П. Д. Барановский (1892—1984) — выпускник Московского строительно-технического училища и Московского археологического института, идеолог охраны памятников архитектуры и практик-реставратор древнерусской архитектуры, один из создателей научных методов реставрации средневековых памятников[7]. Организатор и первый директор музея древнерусской архитектуры в Коломенском. Один из зачинателей охраны памятников истории и культуры в СССР. Создатель волонтерского движения в защиту памятников архитектуры —

П. Д. Барановский (внизу) во время Северо-Двинской экспедиции

Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Энергия и масштабы деятельности Барановского поражают.

Активная деятельность реставратора началась в самое неблагоприятное время. В годы Первой мировой войны военный строитель Барановский ухитрился обследовать десятки памятников архитектуры в районе Западного фронта. В послереволюционные годы он был командирован Наркомпросом в Ярославль, где во время мятежа эсеров были разрушены бесценные памятники, а затем в северные губернии, пострадавшие от иностранной интервенции. Во время проведения двух Северо-Двинских экспедиций Барановский понял, что главным злом, направленным против традиционной русской культуры, становится большевистская власть. В этом он укрепился после участия в комиссии по национализации церковных ценностей в Новгороде в 1922 г. Его предложение создавать в закрывающихся монастырях художественные музеи не было поддержано атеистический властью (музеи были созданы только в Смоленском Болдине, Боровске и Александрове).

Под руководством И. Э. Грабаря Барановский обследовал почти все деревянные храмы европейской части России. Эти экспедиции выявили и наделили статусом охраняемого государством памятника сотни объектов. Среди спасенных Барановским бесценных памятников русского зодчества Болдинский монастырь в Смоленской области, церковь Одигитрия в Вязьме, десятки храмов и палат Ярославля и объектов Ярославской области, Соловецкий монастырь, храмы в Смоленске и Юрьеве-Польском, Андроников монастырь в Москве, каменные постройки в Коломенском. Ряд из них после реставрации Барановским в следующее десятилетие был целенаправленно разрушен. Градоначальники разрушили Петропавловскую церковь в Ярославле, отреставрированную Барановским в 1922 г., памятники в Охотном ряду, в 1936 г. снесли Казанский собор на Красной площади в Москве (реставрация 1925 г.), витебский собор, спасенный архитектором в 1946 г.

В 1920 г. Барановский ставит перед правительством задачу создать музей деревянного зодчества под открытым небом в Коломенском. Для того чтобы идея была одобрена «народной властью», в название музея вводится термин «народное зодчество». Предложенный архитектором сбор в столице наиболее ценных деревянных построек с приданием им

Моховая башня Сумского острога в музее Коломенское — шедевр русского деревянного зодчества, спасенный П. Д. Барановским в 1931 г. Фото В. Б. Махаева. 2017 г.

статуса государственного музея было единственно верным решением в условиях, когда тысячи памятников были обречены на гибель на бескрайних просторах разоренной революцией и Гражданской войной Советской России. В 1928 г. Коломенское было подготовлено к созданию музея, первым был перевезен из Архангельска домик Петра I.

В 1929 г. раскулачили тестя Барановского, в 1930 г. за связь с репрессированными священниками был арестован директор музея Смоленского Болдина. В 1931 г. Барановский был обвинен в том, что делал проекты реставрации по заказу православных общин, выступая против социалистического строительства городов. В 1933 г. Моссовет приступил к планомерному уничтожению старых зданий, мешающих социалистической реконструкции столицы, против чего выступил ряд крупных специалистов, в их числе Барановский. Когда шедевр русского зодчества собор Покрова на Рву был приговорен к сносу, Барановский демонстративно выступил против и был арестован НКВД. В 1934 г. Центральные реставрационные мастерские И. Э. Грабаря были расформированы, почти все его сотрудники осуждены по политической статье. В том же году был осужден и Барановский. Реставраторов обвинили в создании антисоветской группы, занимавшейся вредительством, Барановский на три года был отправлен в лагерь в Западную Сибирь. В таежном Мариинске он построил здания сельскохозяйственного музея и электростанции, за что получил «почетное звание» Ударник сибирских лагерей.

В 1936 г. после освобождения Барановский был вынужден устроиться на работу реставратором в г. Александрове, в течение первых месяцев он каждый день садился на утренний пригородный поезд, доезжал до Москвы и выходил на Красную площадь проверять, не разрушен ли собор Покрова на Рву. В один из приездов архитектор увидел снос Казанского собора: только что отреставрированный памятник мешал проезду военной техники по Красной площади.

В предвоенные годы Барановский занимается музеефикацией Троице-Сергиевой лавры, он обследовал сотни памятников Кавказа и Закавказья, в том числе неизвестных (эта грандиозная работа продолжилась в 1946 — 1951 гг.). Влиятельные специалисты И. В. Жолтовский, А. В. Щусев, В. А. Веснин, И. Э. Грабарь не смогли добиться разрешения проживания Барановского в Москве и его работы в центральных реставрационных организациях. В конце Великой Отечественной войны он был привлечен к восстановлению городов, разрушенных фашистами. Памятниками Чернигова, Киева, Нового Иерусалима он занимался до 1960-х гг. В годы не менее разрушительной для русской старины «оттепели» он спас Крутицкое подворье и другие ценнейшие памятники столицы.

В. К. Олтаржевский в годы учебы

В. К. Олтаржевский (1880 — 1966) — советский архитектор, автор многих известнейших построек и уникальных проектов высотных зданий[9]. Выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, в 1905 г. он стажировался в Вене у О. Вагнера. С 1908 г. активно строил в Москве: купеческий клуб на Малой Дмитровке (ныне театр Ленком), квартал на Ильинке, Киевский вокзал. В годы Гражданской войны служил в Красной армии военным инженером. В 1922 — 1923 гг. под

Киевский вокзал в Москве, архитекторы И. И. Рерберг, В. К. Олтаржевский, конструктор В. Г. Шухов (1917). Фото В. Б. Махаева. 2016 г.

руководством академика А. В. Щусева строил Всероссийскую сельскохозяйственную выставку. В 1924 — 1935 гг. был командирован в США как представитель «Амторга» для изучения современного строительства и одновременно с целью промышленного шпионажа[10]. В Нью-Йорке он экстерном окончил университет и работал на строительстве высотных зданий, в 1930 г. получил звание профессора Колумбийского университета, а три года спустя опубликовал книгу «Современный Вавилон». В 1935 г. Олтаржевский возвращается в Москву, где вскоре побеждает в конкурсе на проект Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Три года он работал на ее строительстве в должности главного архитектора выставки и руководителя Промстройпроекта.

Советское руководство, создавая ВСХВ, мечтало превзойти всемирные выставки, которые проходили в Чикаго, Париже и Глазго. Но дилетантское руководство строительной отраслью и халтурное строительство привели к тому, что грандиозный проект оставался на бумаге. В 1938 г. Олтаржевский был обвинен во вредительстве в числе группы ответственных работников Наркомзема (нарком М. А. Чернов был расстрелян). Архитектора приговорили к 15 годам лагерей за «строительство выставки без продуманного плана, срыв сроков ее открытия» (первое утверждение не соответствует действительности, так как предложенная архитектором планировка сохранилась до сегодняшнего дня). В Заполярье Олтаржевский работал по специальности, в 1939 — 1942 гг. — главный архитектор Воркуты. Освободился он досрочно в 1943 г., очевидно, в Москве потребовался архитектор высокого класса. Несколько лет он работал над справочником проектировщика, в который перенес прогрессивные нормы и правила застройки американских городов. В 1947 г. как единственный архитектор с практическим опытом работы на небоскребах он был взят в комитет по высотному строительству, хотя к тому времени в Москве уже были свои специалисты, десятилетие разрабатывавшие высотный Дворец Советов. В 1957 г. по проекту Олтаржевского в соавторстве с А. Г. Мордвиновым были возведена гостиница «Украина» (за проект авторы были удостоены Сталинской премии за 1948 г.) и защищена докторская диссертация.

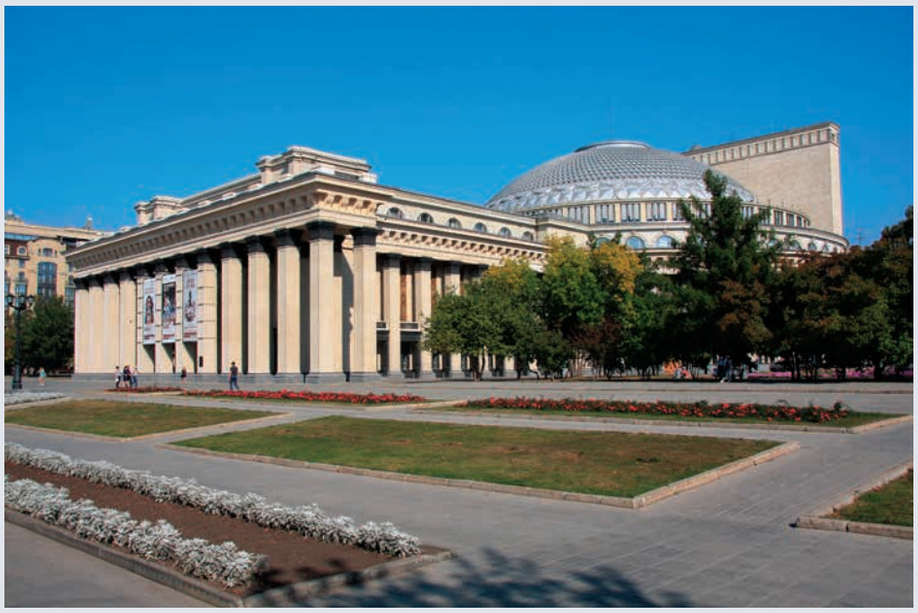
Т. Я. Бардт в годы работы в Новосибирске (1937)

В его монографии «Строительство высотных зданий в Москве» утверждалось, что советские проектировщики разработали принципиально новый тип небоскреба.

Архитектор Т. Я. Бардт (1873 — 1942) начал карьеру до Октябрьской революции и продолжил ее при драматических обстоятельствах в сталинскую эпоху. Выпускник Академии художеств, в 1904 г. он начал проектировать и строить в Москве и ее пригородах. В 1920 — 1923 гг. Бардт работал архитектором в Ярославле, где был осужден ЧК на несколько месяцев за «получение преувеличенной зарплаты». Следующие шесть лет он проработал проектировщиком в Москве.

Четверть века Бардт проектировал и строил рядовые городские здания, а в 1929 г. приступил к проектированию Новосибирского дома науки и техники, который мыслился супер-зданием коммунистической эпохи. Архитектор-традиционалист предложил футуристический проект, в 1930 г. вместе с М. И. Курилко он смоделировал структуру синтетического театра панорамно-планетарного типа с трансформируемыми залами,

Театр в Новосибирске, архитекторы А. З. Гринберг, Т. Я. Бардт и М. И. Курилко (проект 1931 — 1934 гг., строительство 1935 — 1944 гг.). Фото В. Б. Махаева. 2016 г.



конкурсный проект которого был разработан архитектором А. Э. Гринбергом. В развитие этого направления в начале 1930-х гг. Бардт проектировал театральное оборудование для многих крупных советских театров.

Немец по происхождению, Бардт до революции пел в лютеранском хоре, бывал в Германии, а его родственники после революции эмигрировали. Все это стало поводом для второго ареста. В мае 1934 г. он был арестован ОГПУ и осужден за антисоветскую деятельность и «участие в фашистской организации» на 5 лет, но лагеря заменили ссылкой в Новосибирск, где по его проекту возводился синтетический театр с громадным куполом[11].

Планетарно-панорамные театры массовых действ проектировались также в Иванове, Ростове-на-Дону, Харькове и Москве, но дерзкая идея пережила революционное время и была оценена сталинским руководством как порочная (первым был закрыт театр В. Э. Мейерхольда). Проекты театров нового типа, в том числе Новосибирского, на ходу переделывались в традиционные театры оперы и балета. В связи с непредвиденным идеологическим разворотом грандиозное строительство в Новосибирске завязло в череде проблем с проектом, материалами, финансированием (убытки составили 2,37 млн руб. при сметной стоимости 18,90 млн руб.). В итоге строительство театра было завершено не в 1937 г., как первоначально планировалось, а только в 1944 г. Отстраненный от строительства театра Бардт, на которого были списаны все просчеты, был вынужден работать рядовым проектировщиком. В 1938 г. его арестовали по обвинению в подготовке взрыва моста через р. Обь, через год приговорили к расстрелу, однако явно сфабрикованное дело пересматривалось два года, и в 1941 г. Бардт был отправлен в ссылку в Семипалатинскую область, где скончался от голода в 1942 г. В историю театральной архитектуры Бардт вошел как автор зрелищного объекта нового типа, опередив инновационным проектом свое время.

Н. Е. Лансере (1879 — 1942) — архитектор, художник, дизайнер, историк архитектуры, представитель художественной династии Лансере-Бенуа. Выпускник Академии художеств, он начал карьеру архитектора в 1907 г., работая в модном тогда ретростиле. В те же годы он был активным членом художественного объединения «Мир искусства». В послереволюционные годы Лансере проектировал в Ростове-на-Дону, в середине 1920-х гг. активно включился в архитектурную жизнь столицы, участвовал в конкурсах на главные советские объекты, овладев приемами конструктивизма. В 1930-е гг. он много проектировал и строил в Ленинграде в формах монументального ар-деко, в этом же стиле разработал интерьеры теплоходов. Как историк русской архитектуры Лансере занимался петербургским классицизмом, став одним из основателей музея истории города.

В книге, опубликованной до «перестройки» и гласности, подробно освещающей все этапы жизни и творчества зодчего, о ростовском периоде сказано уклончиво, а о последних годах предельно кратко: «В 1938 г. архитектурная деятельность Николая Евгеньевича Лансере трагически оборвалась. Он скончался в Саратове 6 мая 1942 г.»[12]. Авторы монографии не могли написать, что в 1918 г. Лансере с семьей бежал из революционного Петрограда на Юг, жил в Анапе и Нахичевани-на-Дону, подрабатывал проектными работами. В 1920 г. он был арестован Ростовским ЧК и сидел в тюрьме. В 1931 г. в Ленинграде был арестован НКВД, в следующем году обвинен в шпионаже в пользу Франции (куда эмигрировали его ближайшие родственники художники А. Н. Бенуа, А. А. Бенуа, Н. А. Бенуа, З. Е. Серебрякова и др.). Пять

Н. Е. Лансере в годы работы в Ленинграде (начало 1930-х гг.)

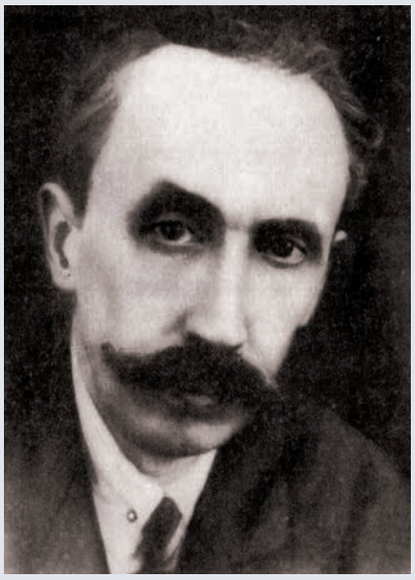
лет отработал в «шарашке», где продолжал заниматься проектированием. В «особом конструкторско-техническом бюро» он выполнил проекты интерьеров кабинетов наркома внутренних дел в Кремле, здания ОГПУ на Шпалерной улице и гаража ОГПУ в Ленинграде, дом отдыха ОГПУ в Хосте, жилые дома сотрудников ОГПУ в Москве и Ленинграде. Одной из последних его работ 1937 г. была экспозиция музея Ленина в Мраморном дворце. Вторично архитектор был арестован в 1938 г., умер он на пересылке в 1942 г. в Саратове.

А. И. Некрасов (1885 — 1950) считается крупнейшим советским историком и теоретиком архитектуры первой половины XX в. Праправнук поэта Н. А. Некрасова, в 1920-е гг. он создал московскую школу искусствознания и архитектуроведения. До 1938 г. выдающийся историк и аналитик, крупнейший организатор науки и просветитель, профессор кафедры истории и теории искусств МГУ, доктор искусствоведения Некрасов опубликовал более 150 работ, посвященных древнерусскому искусству и архитектуре. Монографии «Русское народное искусство» (1924), «Художественные памятники Москвы

и Московской губернии» (1928), «Русский ампир» (1935), «Очерки по истории древнерусского зодчества» (1936), «Древнерусское изобразительное искусство» (1937) стали первыми фундаментальными работами и научными эталонами в своей области, в течение полувека они являлись единственными вузовскими учебниками. Принципы ученого — историзм, стилистический анализ, погруженный в широкий культурный контекст ныне являются общепринятым подходом. В 1936 — 1937 гг. Некрасов работал в Академии архитектуры и занимался разработкой экспозиций музея архитектуры[13].

Весной 1938 г. был осужден его брат А. И. Некрасов, ведущий специалист КБ А. Н. Туполева. Вскоре и сам профессор А. И. Некрасов был обвинен в формализме, «преклонении перед фашисткой наукой» и осужден за антисоветскую деятельность, его приговорили к 10 годам лагерей и 5 годам ссылки. В Воркуте несколько лет он работал на общих работах, затем в течение восьми лет в местном проектном институте. Десятилетнее пребывание в политических лагерях и ссылке не сломили дух ученого, в неволе он написал тысячи страниц исследований. В письме к жене в 1942 г. он сообщал: «А тюремный режим, конвой с ружьями, колючая проволока, цензура писем и проч. и проч. — на это, как ни тяжело, стараешься не обращать внимание. Самое тяжелое — это люди; ведь в бараке, где я живу, находятся также воры, убийцы, стоит площадная ругань; сплю я на общих нарах. Для научных занятий я ухожу в помещение местных курсов профтехнического образования, где мне любезно дают место в пустой, теплой, тихой и ярко освещенной комнате»[14].

В 1945 — 1946 гг. Некрасов, основываясь только на феноменальной памяти, написал фундаментальный труд по теории архитектуры. На основе многочисленных примеров из



А. И. Некрасов в годы работы в МГУ (начало 1930-х гг.)

истории мирового зодчества он проделал глубокий анализ основополагающих категорий зодчества — пространства, образа, архитектурной формы. Этот труд оставался единственной попыткой сформулировать общие законы архитектуры вплоть до конца XX в., когда в 1994 г. неизвестная рукопись Некрасова была опубликована, и к этой теме обратились другие отечественные архитектуроведы.

В 1948 г., превратившись в полного инвалида, он был освобожден и вынужден был устроиться на работу без оклада внештатным сотрудником краеведческого музея г. Александрова. За год он написал монографию «Московское зодчество. К 800-летию Москвы», обследовал множество средневековых памятников Владимирской области, но даже всесильные академики А. В. Щусев, И. Э. Грабарь и В. А. Веснин не смогли «выбить» ему зарплату.

В феврале 1949 г. Некрасов был арестован вторично, он обвинялся в создании в МГУ террористической группы, готовившей свержение советской власти. Очевидцы вспоминают, что в отчаяньи профессор хотел покончить жизнь самоубийством. Его спасало вечное и прекрасное искусство. Рассказывает сокамерник Некрасова, бывший партийный работник И. Алексахин: «Ровно пять суток провел он в нашей камере — ровно пять суток длился интеллектуальный праздник для четырех арестантов. Каждый день он читал нам по две-три лекции на самые разнообразные темы. Поражали его память, широта и глубина знаний. Историю многих видов искусства и народов он знал досконально. Отвечал на любые вопросы... В Богучанах на пересылке встретил агронома-женщину, разговорились, оказалось, что она в студенческие годы слушала в МГУ лекции Некрасова, конспекты которых хранятся дома. Говорила, что это гениальный человек»[15]. Некрасов был отправлен в Новосибирскую область и проработал в сельском кустарном комбинате полгода (до своей смерти в 1950 г.).

Через шесть лет его дело было пересмотрено, и Некрасов был реабилитирован в связи с отсутствием состава преступления. Все это время его жена, профессор Московской консерватории Л. В. Некрасова собирала архив ученого, составивший десять томов исследований. Специалистам они не были известны, что на десятилетия задержало развитие отечественного архитектуроведения.

Трагические судьбы П. Д. Барановского, В. К. Олтаржевского, Т. Я. Бардта, Н. Е. Лансере, А. И. Некрасова далеко не единственны в истории советской архитектуры 1930 — 1950-х гг. По данным общества «Мемориал» (в частности, Красноярского регионального отделения), репрессии среди архитекторов носили системный характер. Среди крупных зодчих репрессиям подверглись такие мастера, как профессор М. В. Крюков, первый ректор Всесоюзной академии архитектуры[16]; автор проектов сталинских дач М. И. Мержанов и его сын доктор архитектуры Б. М. Мержанов; заслуженный деятель искусств

и заслуженный архитектор Армянской ССР, один из организаторов ВОПРА и ССА, орденоносец М. Д. Мазманян; заслуженный архитектор Армянский ССР, член-корреспондент Академии архитектуры, профессор и орденоносец Г. Б. Кочар[17].

Кроме отечественных архитекторов, репрессии затронули и архитекторов-иностранцев, работавших в СССР по контракту. На рубеже 1920 — 1930-х гг. Запад оказывал серьезную техническую помощь Советской России в ее попытке форсированной индустриализации. Содействие в разработке проектов социалистических городов нового типа и промышленных комплексов осуществлялось западными архитекторами — американскими и немецкими. Так, в 1931 г. Х. Мейер, бывший директор ведущего архитектурного вуза Баухаус, прибыл в СССР в сопровождении 30 специалистов. Среди них были коммунисты, мечтавшие профессионально реализоваться в стране победившего пролетариата. Немецкие архитекторы разрабатывали соцгорода в Магнитогорске, Перми, Свердловске, Соликамске, Орске и Биробиджане. Частично эти проекты были реализованы. После острых производственных конфликтов с руководством строительства и свертывания контрактов архитекторы Ф. М. Тольцинер, В. О. Шнейдратус, А. Урбан, Б. Шефлер были репрессированы[18].

Отбор и распределение проектировщиков по «шарашкам» осуществлялись планомерно. Приведем два примера. Главным объектом Красноярского края являлся Норильскстрой — горно-металлургический никелевый комбинат, заложенный заключенными в 1935 г. В 1938 г. был создан проектный отдел комбината, в 1951 г. преобразованный в проектную контору. В течение десяти лет жилая часть комбината представляла собой поселок, спроектированный инженерами. Проектирование полноценного города началось в конце 1940-х гг., в 1951 г. заключенные Норильлага начали его строить. В середине прошлого века заполярный Норильск стал самым северным среди крупных городов мира, построенным при крупнейшем горнодобывающем и металлопроизводящем комплексе. Проектировщики занимались, главным образом, промышленными и транспортными объектами, жилыми поселками, решая при этом непростые технологические и конструктивные задачи. Но в промышленных городах и поселках строили и общественные здания в неоклассической эстетике того времени. Среди проектов общественных зданий, выполненных заключенными архитекторами, выделялись речной вокзал в Дудинке (архитекторы Г. Б. Кочар, Е. К. Стрельцов, 1948), Дом отдыха в Курейке (архитектор А. М. Левитан, 1950), Дом культуры в Туруханске (архитекторы Г. Б. Кочар, А. М. Левитан, 1951), музыкальная школа в Норильске (архитекторы М. Д. Мазманян, Я. К. Трушиньш, 1958). Конструктивной особенностью строительства в Заполярье стало возведение зданий и сооружений на вечномерзлых грунтах. Социальной особенностью Норильскстроя была высокая смертность строителей (погибла треть заключенных).

В 1949 г. для строительства объектов Енисейстроя в Красноярске было организовано Особое механическое бюро (ОТБ-1), где среди рядовых специалистов работали академики и доктора наук, был здесь и архитектурный отдел. Среди крупных промышленных объектов, разработанных в красноярской «шарашке», — завод «Сибсталь». Заключенные архитекторы являлись авторами более сотни проектов, осуществленных в Красноярске, среди которых речной вокзал, Дом Советов, ДК им. 1 Мая, типография «Красноярский рабочий», отделение госбанка, здание Совкино. Многие из этих зданий существуют и сегодня.

Кроме заключенных в северных проектных организациях трудились и вольнонаемные проектировщики, таких в Норильске в 1935 — 1955 гг. работало 11 человек, среди них главный архитектор города В. С. Непойкочицкий. Была ли работа заключенных архитекторов в «шарашках» эффективной? На этот вопрос однозначно ответить трудно. Вывод можно сделать иной: необходимая советской власти колонизация богатых и труднодоступных окраин СССР велась беспощадными, варварскими, унизительными для человеческого достоинства методами.

Многие социальные и профессиональные слои советского общества подверглись в 1920 — 1950-е гг. жестоким репрессиям. Среди них были и архитекторы — как рядовые проектировщики, так и крупные мастера. Наиболее смелые архитекторы выступали против советской идеологии и большевистской практики, таким зодчим, как П. Д. Барановский, пришлось преодолевать сопротивление власти, другие — среди них Т. Я. Бардт — были слишком революционны в своих проектах, третьи оставались лояльными к советской власти, увлеченно выполняли ее заказ, даже секретную миссию, как В. К. Олтаржевский. Тем не менее все они оказались за колючей проволокой, занимаясь тяжелым физическим трудом или профессиональной деятельностью в «шарашке». В неволе они не пали духом и отдавали себя проектированию, науке, искусству. В нечеловеческих условиях они оставались несломленными личностями, профессионалами, преданными своему делу. Из всех ценностей, отвергнутых жестоким веком, преданность архитектуре, профессии созидателя для них была главной.

Поступила 17.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О репрессиях в среде научной интеллигенции см.: Репрессированная наука : сб. ст. / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР : сб. ст. / [сост., авт. предисл. И. Г. Арефьева] ; Отделение истории, археологии РАН. М., 1995; **Симоненков В. И.** Судьбы ученых в сталинских спецтюрьмах. М., 2014; Репрессии ученых. Биографические материалы [Электронный ресурс]. URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress.htm (дата обращения — 15.09.2017); Идеологический контроль в советской науке [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения — 15.09.2017).

[2] О репрессиях в среде литературной интеллигенции см.: Писатели — жертвы политических репрессий [Электронный ресурс]. URL: http://okt-cbs.eps74.ru/htmlpages/Show/pisatelizhertvypoliticheskixr (дата обращения — 15.09.2017).

[3] О репрессиях в среде артистической интеллигенции см.: Актеры — жертвы политических репрессий [Электронный ресурс]. URL: https://newsland.com/community/3652/content/aktery-zhertvy-politicheskikh-repressii/1637740 (дата обращения — 15.09.2017).

[4] Феномену советской архитектуры 1930 — 1950-х гг. как социокультурного явления, проблеме стиля эпохи, творчеству мастеров посвящен сборник: Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления / сост. Ю. Л. Косенкова. М., 2010. Творческому методу архитектора, выполняющего заказ тоталитарного режима, посвящены книги и статьи: **Хмельницкий Д.** Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007; **Его же.** Зодчий Сталин. М., 2007; **Селиванова А.** «Пятилетка по искусству»: инструменты воздействия власти на отечественные архитектурные процессы рубежа 1920 — 30-х годов // Архитектура и социальный мир. М., 2012. С. 179 — 188. Практике градостроительства рубежа 1920 — 1930-х гг. посвящены книги: Советское градостроительство 1920 — 1930-х годов: Новые исследования и материалы / сост. Ю. Л. Косенкова. М., 2010; **Меерович М., Конышева Е., Хмельницкий Д.** Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928 — 1932 гг. М., 2011.

[5] См.: **Слабуха А. В.** Зодчие Норильлага [Электронный ресурс]. URL: http://kapitel-spb.ru/article/a-slabuha-zodchie-norillaga-gruppov/ (дата обращения — 15.10.2017); Репрессированные архитекторы Приенисейской Сибири [Электронный ресурс]. URL: http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/Arhitek.htm (дата обращения — 15.10.2017). См. также: **Слабуха А. В.** Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX — начало XXI века : иллюстрир. биогр. слов. : 540 имен / НИИТАГ РААСН. М., 2004; **Его же.** Норильск был задуман как система архитектурных ансамблей // Архитектурный вестник. 2007. № 6 (99). С. 86 — 91; **Бурсиан П. О.** Моя Инта. Инта, 1993; Институт «Норильскпроект»: Время, люди, проекты. 1938 — 1998 / РАО «Норильский никель» ; АО «Норильский горно-металлургический комбинат им. А. П. Завенягина». Норильск, [1998]; **Полушин Д. В.** Репрессированная культура: духовная жизнь Норильского исправительно-трудового лагеря в 1935 — 1956 гг. : дипломная работа [Электронный ресурс] / науч. рук. проф., д-р ист. наук Ю. Н. Яблоков. Красноярск, 2001. URL: http://www.memorial.krsk.ru/index1.htm (дата обращения — 15.09.2017); **Эртц С.** Строительство Норильского комбината с 1935 по 1938 г.: становление крупного объекта экономической системы ГУЛАГа // Экономическая история : ежегодник. 2003. М., 2004. С. 140 — 176.

[6] Жаргонным словом «шарашка» в НКВД называли НИИ и КБ тюремного типа, в которых инженерно-технические специалисты, крупные ученые работали над созданием новейшей военной техники, «шарашка» — неотъемлемый элемент советского военно-промышленного комплекса 1930 — 1950-х гг. (см.: Шарашка [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения — 15.09.2017)).

[7] **Кожевников А. М.** Николай Круглов — архитектор Наркомпроса // Наука, образование и экспериментальное проектирование : сб. ст. М., 2017. С. 377 — 379.

[8] См.: **Бычков Ю. А.** Житие Петра Барановского. М., 1991.

[9] См.: **Никологорская О.** Олтаржевский. М., 2013. (Жизнь замечательных людей). Книгу нельзя признать удовлетворительной биографией: информации об архитекторе, его судьбе и проектах в ней мало, зато много общих рассуждений и посторонних описаний, архивные материалы не публикуются, язык рассчитан на нетребовательного читателя. В целом, она написана на уровне студенческой дипломной работы по истории архитектуры. О судьбе Олтаржевского также см.: **Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К.** Судьбы интеллигенции в запроволочном мире // Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2001. С. 109 — 112.

[10] Факт сотрудничества Олтаржевского с разведкой сообщен нам исследователем советской архитектуры Ж.-Л. Коэном 5 октября 2017 г. в Екатеринбурге.

[11] См.: **Пивкин В. М., Евстешина Д. С.** Архитектор Траугот Бардт. Известный и неизвестный. Новосибирск, 2007.

[12] **Оль Г. А., Лансере Н. Н.** Н. Е. Лансере. Л., 1986. С. 146. О Н. Е. Лансере также см.: **Бернер А. В.** Род Бенуа и сталинские репрессии // 200 лет семье Бенуа в России : юбил. сб. СПб., 1994. С. 29; **Исаченко В. Г.** Творческий путь Н. Е. Лансере // Краеведческие записки : исслед. и материалы. СПб., 1995. Вып. 3. С. 167 —169.

[13] См.: **Асахин И.** Это хранит память // Наука и жизнь. 1990. № 7. С. 30 — 32; **Кызласова И. Л.** Алексей Иванович Некрасов (1885 — 1950) // Советское искусствознание. М., 1990. Т. 26. С. 381 — 395 ; Воспоминания об А. И. Некрасове // Там же. С. 395 — 416; **Кызласова И.** Профессор Алексей Иванович Некрасов [предисловие] // Некрасов А. И. Теория архитектуры. М., 1994. С. 5 — 15.

[14] **Кызласова И.** Профессор Алексей Иванович Некрасов. С. 13.

[15] **Асахин И.** Это хранит память. С. 31.

[16] См.: **Шульгина Т.** Первый ректор Всесоюзной Академии архитектуры // Архитектура СССР. 1990. ц 3. С. 104 — 107 ; Крюков Михаил Васильевич (архитектор) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения — 15.10.2017).

[17] См.: **Першина М.** Строительство со связанными руками [Электронный ресурс]. URL: http://xn--80atnddcf.xn--p1ai/articles/obo _ vsyom/stroitelstvo _ so _ svyazannimi _ rukami.html (дата обращения — 15.09.2017); Репрессированные архитекторы [Электронный ресурс]. URL: http://www.russianbuildproject.ru/news/repressirovannye _ arkhitektory/2011-12-12-136 (дата обращения — 15.09.2017).

[18] См.: **Тольциner Ф. М.** Узник Усольлага // Немцы в Прикамье. XX век : сб. док. и материалов : в 2 т. Т. 2. Публицистика. Мы — из трудармии / сост. Л. В. Масалкина ; науч. рук. М. Г. Нечаев. Пермь, 2006. С. 43 — 50. См. также: Bauhaus на Урале. От Соликамска до Орска / под ред. Л. И. Токмениновой. Екатеринбург, 2008.

УДК 340.15(47)

Борис Александрович Борисов

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В ТРУДАХ КАНАДСКОГО ПОЛИТОЛОГА И ИСТОРИКА П. СОЛОМОНА

Имя Питера Х. Соломона, широко известное научной общественности стран Запада, сегодня получило определенную популярность и среди российских обществоведов, в первую очередь у историков и правоведов. П. Соломон — профессор политологии, права и криминологии Университета Торонто, сотрудник университетского Центра европейских, российских и евразийских исследований, член попечительского совета Института права и публичной политики (Москва). Его основные работы — «Советские криминологи и криминальная политика: Специалисты по выработке политики» (1978), «Реформирование правосудия в России, 1864 — 1996: Власть, культура и пределы правового порядка» (под ред. П. Соломона, 1998), «Суды и транзит в России: Проблемы судебной реформы» (в соавторстве с Т. Фоггласонгом). Однако наибольшую известность и популярность получила изданная в 1996 г. монография «Soviet Criminal Justice under Stalin» (в русском варианте «Советская юстиция при Сталине»). В связи с этим неслучайна оценка английского историка Дж. Кипа, который назвал монографию П. Соломона «образцовой работой»[1].

Стоит отметить, что в западной советологии существует масса исследований по истории правосудия в советской России. Достаточно вспомнить имена Харольда Бермана, Юджина Хаски, Питера Джувилера, Роберта Шарлета, Хироши Ода, Габора Тамаша Риттершпорна[2], однако все они рассматривали лишь отдельные аспекты темы.

Сам П. Соломон, характеризуя свое исследование, писал: «Это — не официальная, „славная история“, воспевающая героическое прошлое советской прокуратуры и судов, а также не „обличительная речь“ против репрессий, призванная разоблачить тех, кто был виноват в многочисленных „ошибках“ и „преступлениях“. Скорее, это попытка представить взвешанное и разностороннее исследование, которое позволяет определить наиболее важные аспекты проблемы. Моя цель — объяснить и прояснить эти исторические сюжеты, представить читателю интерпретацию, которая могла бы способствовать пониманию прошлого и, возможно, настоящего»[3]. Его интерес к России оформился достаточно давно: в середине 1960-х гг. он впервые посетил Россию, будучи студентом, затем год находился в качестве стажера Юридического факультета в Московском государственном университете им. М. В. Ломонсова. Позднее продолжил исследования в области политики и системы управления юстицией в СССР и России.

В монографии П. Соломона рассматривается комплекс проблем, причем на весьма обширном материале,

© Борисов Б. А., 2017

так что работа получилась чрезвычайно насыщенной: книга содержит более тысячи ссылок на архивные материалы, статистические данные и научную литературу. Заявленный в названии период исследования фактически расширен за счет привлечения материалов 1918, 1919 гг. и начала 1920-х гг., что весьма повышает значимость сделанных ученым выводов.

Среди важнейших аспектов стоит выделить проблемы формирования системы советской юстиции в первое десятилетие советской власти, которое в трактовке П. Соломона во многом является определяющим в дальнейшем развитии правовой системы в стране. По его мнению, уже в первое время после Октябрьской революции сложился парадокс: большевики оценивали характер права как орудия власти и одновременно высказывали сомнения по поводу роли права в новом социалистическом государстве[4]. Однако «большевистская революция привела Россию не на порог коммунизма, а к началу переходного периода, длительность и природа которого оставались неопределенными. Сущность права и правовых учреждений в новом советском государстве зависела, по крайней мере теоретически, от того, как советские руководители понимали этот переходный период. Так как отдельные члены партии имели разные взгляды по этому поводу, закономерно, что у большевиков возник целый спектр идей о праве. Центральный пункт этого спектра время от времени менялся»[5].

П. Соломон достаточно детально рассмотрел эволюцию взглядов большевиков на право по мере развертывания Гражданской войны. Первоначально большевики настаивали на том, чтобы советское право было простым и доходчивым, лишенным бюрократических деформаций. Но по мере расширения функций сохранять упрощенность права становилось все

Питер Соломон

труднее, и, в конце концов, осенью 1918 г. появился лозунг о «социалистической законности». При этом канадский историк исходит из положения В. И. Ленина: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвигать твердый лозунг осуществления большей революционной законности...»[6].

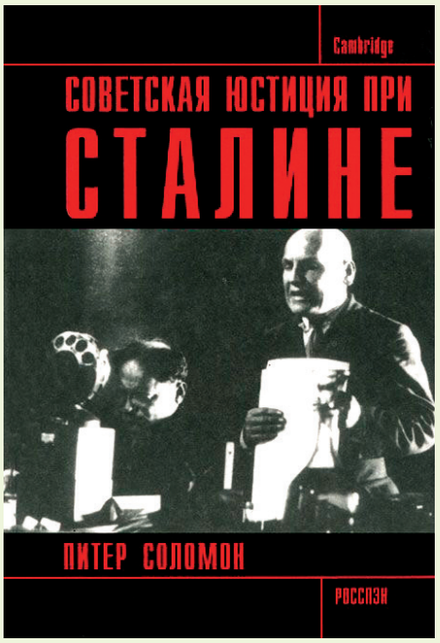
Однако большевики не колебались, широко применяя незаконные меры устрашения (террор) как еще одно оружие в арсенале борьбы молодого государства против своих врагов. Говоря о незаконных мерах, П. Соломон называет в первую очередь ЧК, которая «получила право не только расследовать преступления контрреволюционеров, но также судить и выносить им приговоры»[7]. Следом он пишет о ревтрибуналах, вольно скопированных с судов времен Великой французской революции. Причем им выделен интересный нюанс: «Какими бы скорыми ни были подобные разбирательства, трибуналы оставались своеобразными судами; на практике их судьи оправдывали одних подсудимых и выносили мягкие приговоры другим»[8]. Он пишет о конфликте интересов органов юстиции и ЧК, из которого власть вышла путем ограничения прав ЧК на вынесение приговоров только в тех областях страны, где было введено военное положение или имели место мятежи.

Особое внимание П. Соломон уделил периоду НЭПа, когда был достигнут новый статус права, который «явился победой сторонников прикладного взгляда на закон в ущерб тем, кто стремился к уничтожению права как такового»[9]. В связи с этим кодекс 1922 г. трактуется им как «характерная смесь из традиции и новаторства»[10]. В его структуре, в большинстве направляющих положений, в спецификации преступлений и арсенале наказаний многое было унаследовано от прошлого. Одновременно некоторые новые категории преступлений, подход к наказанию и закрепленные в нем основные принципы составления документа придали кодексу социалистический привкус[11]. Исследователь понимает, что после Гражданской войны требовалось преодолеть правовой нигилизм, порожденный ненавистью и недоверием к старым законам, а по инерции — к законам вообще, отказаться от методов «военного коммунизма», от приверженности действовать, руководствуясь «революционной целесообразностью».

П. Соломон показывает низкие правовую культуру и юридическую грамотность большинства партийных и советских работников, руководителей государственного и хозяйственного аппарата. Он отмечает, что широкое хождение имели теории скорого отмирания права как якобы атрибута буржуазного общества.

Несомненный интерес представляет трактовка П. Соломоном региональных реалий, взаимоотношений судебной системы и местных партийных и советских органов. Он трактует суды как детище местных властей, по крайней мере, в течение года после победы революции: «Отражая

факт их рождения „на местах“, первые советские суды назывались поразному: „народные суды“, „временные народные суды“, „революционные суды“, „временные революционные суды“, „народные общественные суды“. Многие губернские исполкомы образовали свои собственные „комиссариаты юстиции“ (этот термин еще не стал полным эквивалентом „министерства“). Эти губернские судебные органы боролись за право контроля над местными судами...»[12]. Позднее, с 1919 по 1922 г., произошла унификация судебной системы, однако это не привело к упорядочению приговоров и обвинительных заключений. В условиях отсутствия законодательства, определяющего параметры судебных действий, «судьи или следовали приказам местного партийного и советского начальства, или действовали по своему усмотрению»[13]. П. Соломон рисует достаточно типичную картину: «Новые советские народные суды находились под контролем Советов, т. е. местных органов власти. В них работали преданные революции люди. Уголовное и уголовно-процессуальное право развивалось медленно и расчлененно. Там, где закон не был руководством к действию, судьям приписывалось исходить из „революционной совести и правосознания“»[14]. Исследователь констатирует: «Областные и районные руководители относились к судьям, прокурорам и следователям так же, как и к остальным чиновникам. Потребовалась долгая борьба для того, чтобы установить какую-то видимость нормальных взаимоотношений между политическими и юридическими властями. Даже чрезвычайная концентрация власти в центре в руках руководителей правосудия не предотвращала того, что местные власти продолжали вмешиваться в работу судов и прокуратуры в целях их подчинения как своим личным интересам, так и интересам режима в целом»[15]. Общий вывод исследователя: «Местная власть останется главной силой, которая определит форму уголовного правосудия в СССР на все годы существования советского государства»[16]. При этом П. Соломон явно исходит из историографической традиции, сложившейся в западной исторической науке[17]. Отметим, что подобные оценки стали появляться и в российской историографии[18].



П. Соломон считает, что в течение 1920-х гг. взаимозависимость между судебными работниками и местными партийно-государственными руководителями постоянно укреплялась. Вплоть до 1928 г. партийные руководители губернского масштаба располагали решающим голосом в вопросах назначения народных судей. Затем эта прерогатива перешла на уровень ниже, к руководителям уездного уровня; в 1930 г. такое право получили партийные секретари на уровне районов. Аналогичная ситуация складывалась и с прокурорскими работниками. Хотя отсутствие двойной подчиненности давало прокурорам защиту от влияния местных властей, у партийных руководителей все равно оставались возможности и рычаги давления на прокуратуру. Исследователь акцентирует внимание на весьма важном аспекте сращивания местных властей с работниками правоохранительной сферы: «По мере того, как образовывались клики местных властей и они стали захватывать все большую власть в конкретных губерниях и местностях, неформальные группы чиновников втягивали в сферу своей деятельности работников судебной сферы. Таким образом они страховались на случай разоблачения и преследования за совершенные проступки»[19].

П. Соломону удалось показать парадоксальную ситуации в развитии советской правовой системы, которая сложилась потому, что «прилагались усилия к созданию более профессиональной правовой системы, т. е. местным чиновникам возбранялось вмешиваться в решения судов, и одновременно карательные службы становились еще более карательными, обладая весомыми санкциями на мелкие правонарушения, и репрессивный произвол достиг своего пика»[20]. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением рецензента книги П. Соломона Е. Богдановой: «Автору удается показать, что основные черты советской юстиции — такие, как подчинение судебно-прокурорских работников политическим руководителям и приоритет роли уголовного права как инструмента власти, — получили свое развитие еще до 1920-х годов»[21].

Нельзя не отметить выделяемое П. Соломоном скрытое сопротивление государственной политике со стороны общества. Он в какой-то мере соглашается с О. В. Хлевнюком в признании существования противодействия ей в судебно-правовых структурах. Это противодействие заключалось в том, что судьи старались смягчать приговоры, увести людей от ответственности и т. п.[22] Как отмечает Е. Богданова, «противодействовали политике Сталина местное партийное руководство, блокировавшее привлечение к ответственности

хозяйственных руководителей; врачи, не сообщавшие об абортах „куда следует“; органы внутренних дел, проявлявшие „гибкое“ отношение к отчетности и статистике»[23].

Монография П. Соломона содержит интересный и насыщенный фактами и наблюдениями анализ трансформации юриспруденции, системы судебных учреждений, органов прокуратуры, однако в этой части автор не сообщает ничего неожиданного. Многое, о чем он сообщает, уже известно по работам отечественных авторов[24]. Основным достижением исследователя, пожалуй, можно считать вывод о том, что система правосудия функционировала и была в достаточной степени автономна от государства. Кроме того, ее историографическое значение становится более выпуклым с учетом того, что книга внесла вклад в дискуссию середины 1990-х гг. о советском правосудии, участниками которой были Г. Риттершпорн, Й. Горлицкий, О. Хлевнюк, Х. Берман, Ю. Каменка и др. Она не только не затерялась в ряду работ этих ярких исследователей, но и существенно повлияла на их аргументации и видение дискуссируемых проблем.

Поступила 20.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] **Кип Дж., Литвин А. Л.** Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2008. С. 165.

[2] См.: **Berman H.** Justice in the USSR / rev. ed. Cambridge (Mass.), 1963. Ch. 1 — 2; **Juviler P.** Revolutionary Law and Order. New York, 1976. Ch. 1 — 2; **Huskey E.** Lawyers and the Soviet State: The Origins and Development of the Soviet Bar, 1917 — 1939. Princeton (N.J.), 1988; **Sharlet R.** Stalin and Soviet Legal Culture // Stalinism. New York, 1977; **Rittersporn G. S.** Soviet Officialdom and Political Evolution: Judiciary Apparatus and Penal Policy in the 1930's // Theory and Society. 1984. № 13. P. 211 — 237; **Oda H.** The CPSU and the Procuracy on the Eve of the Revolution from Above // Ruling Communist Parties and Their Status under Law / ed. by D. A. Loeber. Dordrecht, 1986 и др.

[3] **Соломон П.** Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 8.

[4] Там же. С. 17.

[5] Там же. С. 18.

[6] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. Т. 44. С. 329.

[7] **Соломон П.** Указ. соч. С. 19.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 24.

[10] Там же. С. 25.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 20.

[13] Там же. С. 21.

[14] Там же. С. 20.

[15] Там же. С. 12.

[16] Там же. С. 22.

[17] См.: **Hough J.** The Soviet Prefercts. Cambridge (Mass.), 1969.

[18] См.: **Пустынников А. Ю.** К вопросу о предпосылках судебной реформы 1921 — 1922 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4; **Его же.** Советское правосудие: специфика становления и общественное восприятие в условиях нэпа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 1 (11); **Лезов И. Л.** Советский суд в 1917 — 1940 гг. : дис. … канд. юрид. наук. М., 1998; **Осадчая Л. Г.** История становления и развития советской судебной системы в 1917 — 1928 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; **Шахназаров И. Я.** Концепция создания и становление советской судебной системы на региональном уровне: 1917 — конец 1920-х гг. (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003 и др.

[19] **Соломон П.** Указ. соч. С. 54.

[20] **Кип Дж., Литвин А. Л.** Указ. соч. С. 165.

[21] **Богданова Е.** Рец.: Питер Соломон мл. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Леонида Максименкова. М. : РОССПЭН, 2008. 464 с. // Laboratorium. 2012. № 2. С. 235.

[22] См.: **Хлевнюк О. В.** 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 23 — 24.

[23] **Богданова Е.** Указ. соч. С. 236.

[24] См.: **Кожевников М. В.** История советского суда, 1917 — 1956. М., 1957; **Швеков Г. В.** Первый советский уголовный кодекс. М., 1970; **Курицын В. М.** Переход к НЭПу и революционная законность. М., 1972; **Буков В.** Суд и общество в советской России: у истоков тоталитаризма. М., 1992 и др.

УДК 821.511.152

Александра Михайловна Каторова

ОТОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Известно, что любое подлинно художественное произведение через историю характеров всегда транслирует исторический смысл своего времени. Вместе с тем с давних времен создаются исторические жанры, целенаправленно воспроизводящие реальные события и факты действительности. История мордвы и ее отдельных исторических личностей нашла отражение в многочисленных произведениях больших и средних жанров, которые мы для удобства анализа объединим в три группы: 1) произведения, повествующие о древней истории мордвы; 2) произведения, передающие события новой истории; 3) произведения о новейшей истории. Учитывая условный характер приведенных терминов, определим исторические рамки. Древняя история — это период до вхождения мордовского народа в состав Российского государства (до конца XV в.), новая история — XVI — XIX вв., новейшая история — XX в. (послеоктябрьский этап). Отметим также, что основное внимание в статье уделим произведениям, созданным на мордовских (эрзянском и мокшанском) языках.

Среди массива произведений, написанных мордовскими писателями на историческую тему, превалирует, как и у большинства других финно-угорских народов России, описание событий новейшей истории. На наш взгляд, данный факт вполне объясним закономерностью ускоренного развития национальных литератур в стране в послеоктябрьский период. Вместе с тем у каждого народа своя история, специфику отображения которой в художественной литературе и постараемся раскрыть.

Прежде чем приступить к решению обозначенной проблемы, подчеркнем, что до настоящего времени она не была предметом специального исследования литературоведов, вместе с тем имеется ряд работ, в которых затрагиваются ее отдельные аспекты. Среди наиболее известных трудов отметим диссертационные исследования Е. А. Жиндеевой (о проблеме характера в исторической прозе, рассматриваемой на материале русскоязычных романов)[1], С. В. Шеяновой (о фольклорных традициях в романах, принципах изображения исторического лица и поэтике сюжета)[2], Е. А. Шароновой (о русско-мордовских взаимосвязях в прозе К. Абрамова)[3] и др. Во всех имеющихся работах целостный анализ произведений исторического характера в аспекте отображения национальной истории не осуществляется.

Поскольку любое явление имеет свое начало, обратимся к истокам становления исторического жанра в мордовской литературе — к произведениям так называемой крестьянской литературы — «Мордовской истории» и «Мордовской земле» Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова, созданным в конце XIX в. по материалам устного народного творчества. Впервые они были опубликованы в переводе на русский язык А. А. Шахматовым в журнале «Живая старина» в 1909 г., затем долгое время (до 2000-х гг.) были преданы забвению.

В основе названных произведений лежит утверждение о существовавшей когда-то древнемордовской земле, основанное на авторской интерпретации исторических фактов и легендарно-мифологических мотивов. Повествование в «Мордовской истории» начинается примерно с V в. (эпохи великого переселения народов, сопровождавшегося многочисленными войнами) и заканчивается XVI в., при этом главное внимание уделяется изображению борьбы мокшанских и эрзянских племен за единство и национальную независимость. Главным героем предстает царь Тюштян, наделенный многими положительными качествами, соотнесенными с народным представлением об идеальном герое. «Мордовская земля» выступает неким продолжением «Мордовской истории», по жанровым признакам представляет собой синтез

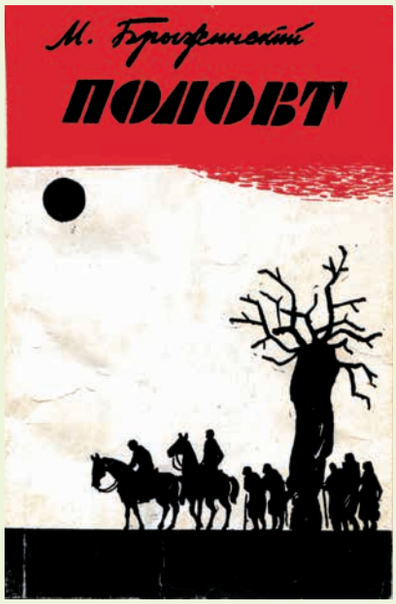
© Каторова А. М., 2017

легенды и плачевых форм мордовского фольклора. Эмоциональная окрашенность произведения сближает его с причитаниями, поводом для которых выступает утрата народом социально-национальной независимости.

В послеоктябрьский период на основе традиций устно-поэтического творчества мордовского народа произведения начали создавать профессиональные писатели. Литературоведы склонны считать их промежуточным явлением между фольклором и письменной литературой. К сочинениям такого рода относятся: «Масторава» (составители В. В. Горбунов, Г. Я. Меркушкин, А. Д. Шуляев и А. М. Шаронов), «Масторава» А. М. Шаронова, «Эрьмезь» Я. Я. Кулдуркаева; «Сияжар», «Пенза и Сура» В. К. Радаева; «Ушмань Байка» М. А. Бебана; «Сараклыч» К. Г. Абрамова; «Гурьян» В. М. Лёвина и др., в которых художественно воспроизводятся не только мифологические воззрения, но и древняя история мордвы, ее героическая борьба за независимость с половцами и монголо-татарами.

В числе собственно-художественных произведений, отражающих древнюю историю мордвы, в первую очередь следует назвать роман «Пургаз» К. Г. Абрамова[4], повести «Половт» и «Кирдажт» М. И. Брыжинского[5], драму «Каназор (мокшанский князь)» А. И. Пудина[6]. Из перечисленных самым значительным с точки зрения художественно-эстетической ценности по праву считается «Пургаз» Абрамова (1988), переведенный к этому времени на русский и эстонский языки. В романе-сказании повествуется о жизни древней мордвы в конце XII — начале XIII в., когда она была раздроблена на множество родов, нередко враждовавших между собой и слабо защищенных от разрушительных набегов чужих племен. Произведение названо по имени главного героя, исторической личности, внесшей значительный вклад в объединение мордвы и укрепление ее независимости на этапе зарождения государственности. Ведущая идея произведения заключается в утверждении мысли, что спасению мордовского народа от физического уничтожения, сохранению его духовных ценностей может помочь только объединение. На раскрытие данной мысли нацелены все формально-содержательные компоненты произведения. Образ Пургаза представлен в развитии — от юноши до старца. Автор наделил его незаурядным умом, широтой и проницательностью мышления, разносторонностью интересов, трудолюбием, смелостью, преданностью своему народу и земле, ответственностью. Большое внимание уделяется становлению характера главного героя, формированию его мировоззрения на фоне широкой картины жизни эрзян, мокшан, русских и булгар. Роман получился интересным и захватывающим внимание читателя, в нем много информации об обычаях, традициях и укладе жизни древней мордвы. Абрамову удалось соблюсти баланс между использованием исторического материала и авторского вымысла, что бывает под силу только большим мастерам художественного слова.

События XIII в. осмысливаются и в повести М. И. Брыжинского «Половт» («Набат», 1983), однако в ней акценты расставлены по-другому. Основное внимание сосредоточено на борьбе мордовского народа с монголо-татарами, что обусловило создание множества батальных сцен. Главным героем в повести является выходец из народа Виртян, обладающий острым умом, трудолюбием, мастерством, порядочностью, любовью к своему народу и родной земле. Именно он олицетворяет собой весь мордовский народ. Образ Пургаса, часто встречающийся на страницах повести, на наш взгляд, писателем продуман



недостаточно, поскольку весьма далек от народного представления о нем.

Примерно та же эпоха предстает в драме «Каназор» А. И. Пудина (написана в 1990 г., опубликована в 1992 г.). В ней художественно отображаются события 1220 — 1229 гг., очень сложного периода в истории мордовского народа, характеризующегося тяжелыми войнами, в том числе междоусобными, приведшими в конечном счете к потере независимости и гибели зарождавшейся государственности. Драматург не ставит перед собой цели представить реальные события того времени, например походы владимирских и муромских князей, предпринятые в 1228 и 1229 гг. против мордовского войска, возглавляемого инязором Пургасом. О них читатель узнает лишь из диалогов. У писателя другая задача, более значимая — показать кровную связь мокшанского и эрзянского племен, близость их языков, единство обычаев, традиций и мировоззрения в целом. На ее решение нацелена уже завязка, в которой пунктирно показывается победа над врагом — итог совместного сражения мокшан и эрзян против половцев. Описание дальнейших событий представляет собой попытку осмысления худож-

ником причин, помешавших Пургасу добиться объединения эрзянских и мокшанских племен. В их числе усталость народа от многочисленных войн, предательство «союзников» — булгар и половцев, а также личностные качества героев, особенно мокшанского инязора Пуреша и его сына. Центральная идея о близости эрзян и мокшан становится особенно понятной из финала пьесы, в котором Пуреш спешит предупредить Пургаса о предстоящем нашествии воинов на его волость. Основным недостатком драмы можно считать обилие диалогов в ущерб изображению драматургического действия. В целом же драма весьма интересна и поучительна.

События еще более отдаленных времен изображаются в этнофантастической повести «Кирдажт» М. И. Брыжинского (опубликована отдельным изданием в 2008 г.). Писатель предпринимает попытку воссоздания обряда инициации — посвящения юношей в мужчин, бытовавшего у древней мордвы в период, когда животноводство только зарождалось, а выращиванием продуктов питания на земле наши предки еще не занимались. Произведение создано на основе этнографических, археологических и фольклорных материалов — преимущественно волшебных сказок. Главным героем повести является юноша по имени Кечай. Автор подробно описывает особенности формирования его характера и мировоззрения в период полной зависимости человека от степени его приспособленности к суровым условиям существования и от состояния окружающей природы. Это обусловило воссоздание картин быта, изображение народных поверий и верований, а также обрисовку сложности испытаний и жестокости, граничащей с варварством, которым юноши подвергались во время проведения самого обряда. Отметим, что не все описываемые автором действия, которые совершались по отношению к молодым людям, художественно оправданы. На наш взгляд, можно было вполне обойтись без такой натуралистической картины, как выжигание волос на голове испытуемых. Эта сцена особенно выделяется на фоне других проверок на прочность (таких, как бег и прыжки в высоту, стрельба из лука, лазание по деревьям, плавание), отнюдь не варварских, а направленных на выявление и развитие физических данных, хорошо укладывающихся в логику повествования. Писатель показывает, как молодых людей, достигших 15-летнего возраста, в течение 3 лет готовили к взрослой жизни в экстремальных условиях с тем, чтобы потом они смогли прокормить и защитить себя и свои семьи. Наиболее удачными являются эпизоды, в которых описываются способы воспитания и обучения юношей тому, без чего невозможно представить жизнь древнего человека. Это не только закаливание организма, развитие физической силы, формирование умения контролировать свои эмоции и справляться с желаниями, но и обучение мастерству стрельбы из лука, развитие навыков изготовления охотничьих приспособлений, подготовки «ульев» в дуплах деревьях, добычи дикого меда, ловли рыбы в летнее и зимнее время; передачи информации при помощи рисунков, ориентирования на местности по звездам, нахождения пути по еле заметным условным знакам и др. В заключение следует сказать о том, что в повести «Кирдажт» писатель в целом проявил себя хорошим знатоком национальной истории, народной педагогики и медицины, традиций и обычаев древней мордвы, особенностей мордовского характера.

Из новой истории внимание наших писателей привлекли в первую очередь события XVII столетия: крестьянская война под предводительством Степана Разина 1670 —

1671 гг., называемая современными историками первой гражданской, и церковная реформа, осуществленная под руководством мордвина патриарха Никона. В качестве главного героя Никон предстает в романе «Тени колоколов» А. М. Доронина (1996)[7]. Доронин не стремится сосредоточить внимание читателя на противоречиях столь сложной исторической личности, а пытается представить Никона как человека, тесно связанного со своими мордовскими корнями. В этих целях писатель вводит в повествование образы жителей села Вельдиманова, где прошли трудные детские годы патриарха, показывает быт, нравы и традиции мордвы того времени. Хотя произведение насыщено национальным колоритом, этнографической атрибутикой, фольклорными элементами, в обрисовке характера патриарха на первый план выходят черты общечеловеческие (непреклонная воля, чувство собственного достоинства и высокий интеллект), а не национально-обусловленные. Отметим и то, что созданная Дорониным художественная версия жизни и деятельности исторического деятеля несколько отличается от реально-исторической. Этому способствовали не всегда точное указание дат, а также увлеченность писателя своего рода психологическим анализом, его стремление глубоко постичь внутренний мир героев, в первую очередь Никона.

Несомненный интерес вызывают произведения об участии мордовского народа в разинской гражданской войне. Это роман «За волю» К. Г. Абрамова (1989)[8], драма «Литова» П. С. Кириллова (1940)[9], повесть «Ради братий своих» (1986)[10] и трагедия «Монахиня» М. И. Брыжинского (2011)[11], роман «Алена Арзамасская» М. Т. Петрова (1991)[12], поэма «Ёвкссо ёвтневи, мороскак совась» («Сказки расскажут, песни пропоют») С. М. Люлякиной[13].

С точки зрения художественных достоинств наибольшей ценностью обладают сочинения К. Г. Абрамова, М. И. Брыжинского и П. С. Кириллова. В них на первый план выходит тема участия мордовского народа в разгоревшемся в Поволжье восстании и борьбы за социальную справедливость. При создании произведений все авторы опирались на фольклорные источники и исторические документы. Писатели, основываясь на версии эрзянского происхождения Алены Арзамасской, пытались ярко представить ее образ, явившийся олицетворением бунтарского века. В романе Абрамова и повести Брыжинского она выступает под своим именем, Кириллов нарек ее Литовой. Наиболее ярко и художественно убедительно образ Алены обрисован Абрамовым. Писатель показывает силу ее духа, природную красоту и ум, подчеркивает способности врачевания и талант военачальника. «Литова» Кириллова стала впоследствии первой мордовской музыкальной драмой — начальным этапом создания национальной оперы. Она до настоящего времени ставится на сцене мордовского театра.

Крестьянские волнения мордвы-терюхан Нижегородской губернии, происходившие в 1804 — 1810 гг., явились предметом художественного осмысления в драме П. С. Кириллова «Кузьма Алексеев» (1935)[14] и в одноименном романе А. М. Доронина (2001)[15]. Если драма Кириллова не получила высокой оценки литературоведов, то роман Доронина, в котором ставится проблема религиозной самоидентификации мордовского народа, многими позиционируется как значительное достижение национальной художественной культуры. Однако, говоря о соотношении в романе документально-исторического и вымышленного материала, следует подчеркнуть преобладание последнего. Писатель часто отступает от документальности, оставляя отдельные факты за рамками повествования. Основополагающей целью для него является отражение этнического сознания бунтаря и правдоискателя Кузьмы Алексеева, который сохранил мифологическое мировоззрение и ошибочно видел в языческой вере возможность возвращения мордовскому народу свободы. К числу сильных сторон романа следует отнести умелую трактовку писателем своеобразия мировоззрения мордовского народа, характерного для начала XIX в., воссоздание картин быта, особенностей уклада жизни и национальных черт характера.

Участие мордвы в революционных событиях 1905 — 1907 гг. явилось предметом отображения в драме К. С. Петровой «Кода сынь глушасть» («Как они глушили»; 1933)[16], романе Т. А. Кирдяшкина «Кели Мокша» («Широкая Мокша»; 1953)[17], романе в стихах А. Д. Куторкина «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги»; 1958)[18], в его же первом томе трилогии «Лажныця Сура» («Бурливая Сура», 1969)[19], а также в других произведениях, менее удачных в художественно-эстетическом отношении. Именно в романах писателям удалось достаточно правдиво передать противоречия и колорит той эпохи, особенности быта и нравов, воплотить в героях черты мордовского характера, органически вплести в ткань повествования произведения устного народного творчества, придать им ярко выраженную национальную форму.

Значимыми событиями насыщена и новейшая история мордовского народа, неразрывно связанная с историей России. Это и октябрьский переворот 1917 г., Гражданская война, Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг., а также перестроечное время. Их художественную трактовку мы видим на страницах многих мордовских романов, повестей, рассказов, драм, поэм и баллад. В числе наиболее значимых авторов назовем И. З. Антонова, Г. Я. Меркушкина, И. А. Калинкина, Г. И. Пинясова, М. Л. Сайгина, А. С. Щеглова, Н. Эркая и др., сумевших умело передать не только сами явления, но и раскрыть их сущностные черты. В числе самых удачных произведений о Гражданской войне назовем драму Ф. М. Чеснокова «По двум дорогам» и роман «Найман» К. Г. Абрамова; о Великой Отечественной войне — художественно-документальную повесть «Побег из ада» М. П. Девятаева, повести «Настоящая любовь» А. С. Щеглова и «Жаркое лето» Г. И. Пинясова. Наконец, озвучим произведения о великом мордовском скульпторе Степане Дмитриевиче Нефедове (Эрьзе) — романы К. Г. Абрамова «Сын эрзянский» и А. Моро «Степан Эрьзя».

Таким образом, история мордовского народа с давних времен привлекает интерес писателей. В большинстве созданных произведений соблюдается принцип историзма, основанный на верной интерпретации давно минувших событий, достигается приемлемое соотношение фактического материала и художественного вымысла. Романы, повести, рассказы, драмы и поэмы дают достаточно объективное представление об истории мордовского народа. К сожалению, в последние годы исторические темы осваиваются писателями менее интенсивно. История же нужна, необходима для познания самих себя, своей людской природы, общечеловеческих черт и национально обусловленной оригинальности. Жить без истории — значит жить без памяти, без понимания своих корней, лишить себя основы и смысла. Следовательно, нам необходимо постигать ее дальше и научиться извлекать из нее полезные уроки.

Поступила 20.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Жиндеева Е. А.** Проблема характера в мордовской исторической прозе 1970 — 1990-х годов : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саранск, 1997.

[2] **Шеянова С. В.** Современный мордовский роман (1980 — 2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саранск, 2014.

[3] **Шаронова Е. А.** Проблемы русско-мордовских взаимосвязей в исторической прозе К. Г. Абрамова : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саранск, 1996.

[4] См.: **Абрамов К. Г.** Пургаз: кезэрень пингеде ёвтнема. Саранск, 1988. [Роман-сказание на мордов.-эрзя яз.].

[5] См.: **Брыжинский М. И.** Половт : исторической повесть. Саранск, 1983. [Набат : историческая повесть на мордов.-эрзя яз.]; **Его же.** Кирдажт : повестть. Саранск, 2008. [Ровесники : повести на мордов.-эрзя яз.].

[6] См.: **Пудин А. И.** Каназор // Пудин А. И. Пьесы : в 3 кн. Саранск, 2007. Кн. 2. С. 12 — 68.

[7] См.: **Доронин А. М.** Баягань сулейть. Саранск, 1996.

[8] См.: **Абрамов К. Г.** За волю. Саранск, 1995.

[9] См.: **Кириллов П. С.** Литова : драма 5 картинасо. Саранск, 1940.

[10] См.: **Брыжинский М. И.** Ради братий своих : повесть. Саранск, 1986. 280 с.

[11] См.: **Брыжинский М. И.** Монахиня : трагедия // Брыжинский М. И. Кочказь произведеният : в 2 т. Саранск, 2013. Т. 1. С. 168 — 280. [Избранные произведения ; на мордов.-эрзя яз.].

[12] См.: **Петров М. Т.** Алена Арзамасская : ист. роман. Саранск, 1991.

[13] См.: **Люлякина С. М.** Ёвкссо ёвтневи, мороскак совась // Люлякина С. М. Ёвтан тыненк, мезде нудеесь морась. Саранск, 1994. С. 188 — 192.

[14] См.: **Кириллов П. С.** Кузьма Алексеев : драма. Саранск, 1935.

[15] См.: **Доронин А. М.** Кузьма Алексеев : роман. Саранск, 2001.

[16] См.: **Петрова К. С.** Кода сынь глушасть : пьеса 5 налксемасо // Сятко. 1936. № 1 — 5.

[17] См.: **Кирдяшкин Т. А.** Кели Мокша : роман. Саранск, 1953.

[18] См.: **Куторкин А. Д.** Покш ки лангсо умарина : роман. Саранск, 1958.

[19] См.: **Куторкин А. Д.** Лажныця Сура : роман. Васенце книгась : Валдаевть. Саранск, 1969.

УДК 94(47).05

Сергей Владиславович Белоусов

«Большой кубанский погром» в Пензенском и Саранском уездах

Восстановление хронологии событий по документам канцелярии саранского ландрата Льва Аристова

В 1717 г. кубанские народы совместно с казаками-некрасовцами совершили опустошительный набег на территорию Российского государства. В исторической науке этот набег больше известен как «большой кубанский погром». Кубанцы появились совершенно внезапно, осадив многие «понизовые городы»: Царицын, Саратов, Петровск, Симбирск и Пензу. Были прорвана Пензенская засечная черта и сожжен Рамзайский острог. Кубанцы небольшими отрядами рассыпались на весьма значительной территории, убивая и уводя в плен местных жителей. Особенно пострадали Узинский, Завальный и Шукшинский станы Пензенского уезда[1]. По переписи населения, проведенной в 1717 — 1718 гг., т. е. сразу после набега, «…в Пензенском уезде… взято в полон обоего пола 5 327 человек, убито… 398»[2]. Встала реальная угроза прорыва Атемаро-Саранской засечной черты и разорения внутренних губерний России.

Как же проходил этот набег? Что делало правительство в лице местных органов власти для его отражения? Ответы на эти и многие другие вопросы, в частности рассмотрение хронологии событий «большого кубанского погрома», может дать служебная переписка саранского ландрата Льва Аристова с Казанской губернской канцелярией, собранная и опубликованная пензенским краеведом Г. П. Петерсоном в «Трудах Пензенской ученой архивной комиссии»[3]. Эта публикация содержит 25 документов, в которых так или иначе затрагиваются события, происходившие с 30 июля по 28 августа 1717 г. в Пензенском и Саранском уездах. Для облегчения анализа источников предлагаем их сплошную нумерацию и краткую аннотацию.

Все документы можно разделить на шесть следующих разрядов.

1. Донесения саранского ландрата Льва Аристова в Казанскую канцелярию (8 документов).

2. Показания жителей Саранского и Пензенского уездов о «кубанском погроме» (6 документов).

3. Различные нормативные акты (указ Казанской канцелярии; приказы и распоряжения саранского ландрата Льва Аристова) (4 документа).

4. Переписка саранского ландрата Льва Аристова с различными должностными лицами (3 документа).

5. Документы канцелярии ландрата Починковской волости Федора Хрущова (3 документа).

6. Рапорт прапорщика Языкова о проведении разведки в Пензенском уезде (1 документ).

По источникам можно восстановить следующую цепь событий, связанных с «большим кубанским погромом» (в скобках дается номер документа, в котором содержатся указанные сведения).

© Белоусов С. В., 2017

Казанская икона Божьей матери. Пенза. Середина XVII в. По легенде была подарена пограничной Пензе царем Алексеем Михайловичем при основании города. Прославилась икона в 1717 г. чудесным спасением Пензы от опустошительного нашествия кочевников

I. 1717 г. августа 6. Показания диакона села Спасского, Исса тож, Саранского уезда Тимофея Иванова о разорении кубанцами с. Иссы.

II. 1717 г. августа 6. Показания крестьян М. Ф. Панова деревни Назарьевки Пензенского уезда Петра Никитина и Арефея Захарова о разорении кубанцами сел и деревень в Пензенском уезде.

III. 1717 г. августа 7. Показания человека стольника Федора Федоровича Хрущова Федота Нетеева об осаде кубанцами Пензы.

IV. 1717 г. августа 8. Показания дьячка с. Знаменского Пензенского уезда Симона Васильева о разорении кубанцами сел и деревень Пензенского уезда.

V. 1717 г. августа 28. Показания крестьянина А. М. Аристова с. Знаменского Саранского уезда Прокофия Семенова о его пребывании в плену у кубанцев.

VI. 1717 г. августа 28. Донесение саранского ландрата Льва Федоровича Аристова казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову о возможности нового набега кубанцев «под государевы городы».

VII. 1717 г. августа 17. Показания крестьянина генерал-адъютанта И. Полянского с. Шукши Пензенского уезда Ивана Васильева о его пребывании в плену у кубанцев.

VIII. 1717 г. не ранее августа 16. Память саранского ландрата Льва Аристова о сборе «вотчинниковых и ясашных крестьян и мордвы» близлежащих деревень и сел в Саранск.

IX. 1717 г. августа 7. Донесение саранского ландрата Льва Аристова стольнику Хрущову о разорении кубанцами Пензенского и Саранского уездов.

X. 1717 г. не ранее августа 4. Донесение Ильи Старкова из Шечкеевского острога саранскому ландрату Льву Аристову об отправке в Саранск служилых людей.

XI. 1717 г. августа 14. Приказ саранского ландрата Льва Аристова о посылке татар Короски Алмакаева и Алчекайки Алкаева на службу в Пензу в полк князя Мещерского.

XII. 1717 г. августа 16. Приказ саранского ландрата Льва Аристова о запрещении отъезда из Саранска крестьян близлежащих сел и деревень в связи с опасностью нового кубанского набега.

XIII. 1717 г. не ранее августа 13. Донесение саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову о возвращении в Саранск разведывательной партии прапорщика Саввы Языкова.

XIV. 1717 г. августа 7. Донесение саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову о посылке из Саранска в Пензенский уезд разъездов и с просьбой об оказании военной помощи Саранску.

XV. 1717 г. августа 12. Донесение саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову о посылке «саранских помещиков, и царедворцев, и офицеров, и отставных дворян, и драгун» в полк князя Мещерского в Пензу.

XVI. 1717 г. августа 13. Донесение саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову о нахождении разведывательной партии Саввы Языкова в Пензенском уезде и его возвращении.

XVII. 1717 г. августа 18. Донесение саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову о местонахождении кубанцев.

XVIII. 1717 г. августа 4. Указ Великого Государя из Казанской канцелярии саранскому ландрату Льву Аристову о сборе «царедворцев, и офицеров, и отставных дворян, и людей их» в Саранске для отправки в Пензу в полк князя Мещерского.

XIX. 1717 г. не ранее августа 16. Донесение саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову о партии прапорщика Саввы Языкова.

XX. 1717 г. не ранее августа 12. Донесение саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову с просьбой об оказании военной помощи.

XXI. 1717 г. августа 17. Донесение саранского ландрата Льва Аристова Федору Ивановичу (?) о появлении вновь под Пензой кубанцев.

XXII. 1717 г. августа 13. Рапорт прапорщика Саввы Языкова о «проведывании» кубанцев в Пензенском уезде.

XXIII. 1717 г. августа 8. Память починковского ландрата Федора Хрущова дворянину Ивану Кулдаеву на Нижнеломовские Будные Майданы с ознакомлением донесения саранского ландрата Льва Аристова о нападении кубанцев на Пензенский уезд.

XXIV. 1717 г. не ранее августа 16. Память починковского ландрата Федора Хрущова земскому старосте о допросе в Инсаре кубанского шпиона Микитки Афонасьева.

XXV. 1717 г. не ранее августа 16. Память починковского ландрата Федора Хрущова о положении дел в Саранске в связи с кубанским набегом.

1717 г., 30 июля:

— донесение капитана Беклемишева из Царицына казанскому губернатору П. С. Салтыкову о том, что «кубанский де Бахты Гирей Салтан с войски своими... пошли для войны под государевы городы... дабы идти вверх до Симбирска» (XVIII);

— указ великого государя и приказ казанского губернатора П. С. Салтыкова о том, чтобы царедворцам и офицерам симбирским, пензенским и саранским, определенным в Казани, быть в полку полковника Мещерского в Пензе (XVIII).

2 — 3 августа:

— по донесению пензенского ландрата Федора Змеева саранскому ландрату Льву Аристову «кубанцы Пензенский уезд в Завальном и в Узинском станех монастырские, и помещиковы, и вотчинниковы, и ясашные села и деревни разорили и выжгли, людей в полон побрали, а других порубили» (IX).

3 августа:

— «в начале дня первого часа» кубанцы подошли к Пензе со стороны Саратовской сакмы и осадили город (III, IX). В источниках существует и другая, отличная от этой, точка зрения о времени появления кубанцев под Пензой. В. Х. Хохряков сообщает, что составитель исторической записки о г. Пензе, написанной в 1817 г., ссылаясь на письменное предание Пензенского Спасского собора писал: «Войско их (кубанцев) 4-го августа того же года (1717) осадило город Пензу, но храбростию жителей, расставленных по валу и с деревянных башен, называемых Саратовскою, Пензенскою, Красною и Глухою и поспешившим на помощь к ним с вооруженными людьми уездным дворянством четыре дни было отбиваемо»[4];

— кубанцы сожгли с. Шукша Пензенского уезда (VII).

4 августа:

— кубанцы разорили с. Монастырское, Шубино, Вазерки, Анучино, Бутурлино, Иссу и появились под с. Любятиным Саранского уезда (II — IV, XIV, XIX, XXII);

— указ великого государя из Казани в Саранск о сборе «саранских царедворцев, и офицеров, и отставных дворян, и драгун» на службу, но в Пензу их не посылать, так как кубанцы появились в самом Саранском уезде (XIV, XVIII);

— «во втором на десять часу дни» ландрат Лев Аристов получил донесение из Пензы от ландрата Федора Змеева о том, что кубанцы появились в Завальном и Узинском станах и подошли к Пензе (IX, XII). Известие о том, что кубанцы находятся в непосредственной близости от Атемаро-Саранской засечной черты, явилось полнейшей неожиданностью для саранского ландрата. Не случайно, в тот же день он сразу предпринял ряд решительных мер для повышения обороноспособности крепости;

— приказ саранского ландрата Льва Аристова «в Саранский уезд к знатным персонам... чтобы они ехали в Саранск наспех с людьми своими и со крестьянами в осаду. И того ж числа по тем посылкам явились в Саранску с людьми своими... подполковник Афонасей Дубасов, капитан Яков Анненков, да... прапорщик Языков... а кроме их саранских помещиков августа по 7-е число никого не явилось» (XIV);

— саранский ландрат Лев Аристов послал в разъезд «для проведывания... кубанцев» до Пензенского уезда «саранского разсыльщика» Михаила Шапошникова с шестью татарами. Шапошников вернулся в Саранск в тот же день с известием о том, что кубанцы «от Саранска в 20 и 15 верстах села и деревни жгут и разоряют» (XIV);

— грамота Льва Аристова в Шечкеевский острог Илье Старкову «о высылке в Саранск служилых людей 50 человек с ружьем и с топорами» (X). Очевидно, такую же грамоту саранский ландрат послал и в Атемарский острог (XIV). Опасения ландрата Аристова не были лишены оснований. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с архивными материалами, рисующими состояние и вооружение Саранской крепости и других укрепленных пунктов Атемаро-Саранской засечной черты[5]. Так, по описи, относящейся к 1703 г., видно, что Саранская крепость уже пришла в негодность: «Две стены бочковые над речкою Саранкою подмыло полою водою и упало в одну сторону 30 сажен, а в другую сторону упало 20 сажен с полусаженью... да старая ж городовая стена от степной стороны, что за речкою Саранкою верхней бой огнил, да семи башен верхи по облам погниш и обвалились»[6]. Да и вооружение оставляло желать лучшего: «Пушка вестовая длиной 4 аршина с вершком на станку волоковом, станок окован железом. Пушка ж длины 3 аршина без чети, на станку волоковом, на двух колесах, станок окован. Пушка длиною 2 аршина... на походном станку. Ядер к ним... 844... Зелья пушечного в бочках... 33 пуда 10 гривенок... Ручного зелья... 41 пуд 26 гривенок... Свинцу 58 пуд 13 гривенок... 31 мушкет без лож и без замков порченные... Фитилю 3 пуда»[7]. К 1717 г. положение еще более усугубилось. Ландрат Аристов сообщает, что «в Саранску в приказной канцелярии артиллерии одна пушка, ручного пороху ни фунта и фитиля нет, пушечного пороху и свинцу малое число, а в Саранску у купечества ручного пороху не сыскано» (XIV). Та же ситуация сложилась и в других укрепленных пунктах Атемаро-Саранской засечной черты: Атемарском, Шечкеевском и Инзерском острогах[8].

4 — 5 августа:

— кубанцы разорили и сожгли в Пензенском уезде с. Царевщино, Симанское, Куракино, Маровка, Скачки, Поляны, Сумароково, две деревни Тоузаковых, д. Танеевка, Шахмаметевка, Ивановка, Бибиково, Назарьевка (II, IV);

— «по ведомостям», полученным в Саранске, кубанцы разорили «пензенские пригородки» Мокшанск и Рамзай (IX). По сообщению мокшанского приказного Дмитрия Топорнина, в Рамзайском остроге «приказная изба и острог, и церковь, и солдатские слободы все выжжены без остатку; побито того острогу солдат: мужеска полу 160, женска полу 3 человека. А о других написано: во оном остроге в приказной избе и в хоромах многие погорели, а остальные все взяты в полон. В остатке того острогу солдат 17 человек»[9]. По показаниям крестьянина с. Знаменского Саранского уезда Прокофия Семенова, Рамзай был местом сбора кубанцев, «которые были для разорения Воронежской губернии под городами в Тамбовском, в Керенском и в Инсарском уездах» (V).

5 августа:

— ландрат Лев Аристов послал в разъезд «саранского обывателя» Михаила Окунева с целью узнать, где находятся кубанцы. В тот же день Окунев вернулся в Саранск с сообщением, что кубанцы «в Саранском уезде разоряют села и деревни, и жгут, и в полон берут» (IX, XIV, XXIII);

— в Саранск прибыло подкрепление, посланное воеводой Шечкеевского острога Ильей Старковым, «служилых людей 50 человек с ружьем и топорами» (X). Интересно, кого же прислал на подмогу в Саранск Илья Старков, если в самом Шечкеевском остроге была острая нехватка служилых людей? В отписке казанскому губернатору П. С. Салтыкову от 7 августа ландрат Аристов жалуется: «И из оных пригородков и из Атемарского острогу по посылкам от меня прислано в Саранск солдат 20 человек, и из Шечкеевского 50 человек старых и дряхлых» (XIV).

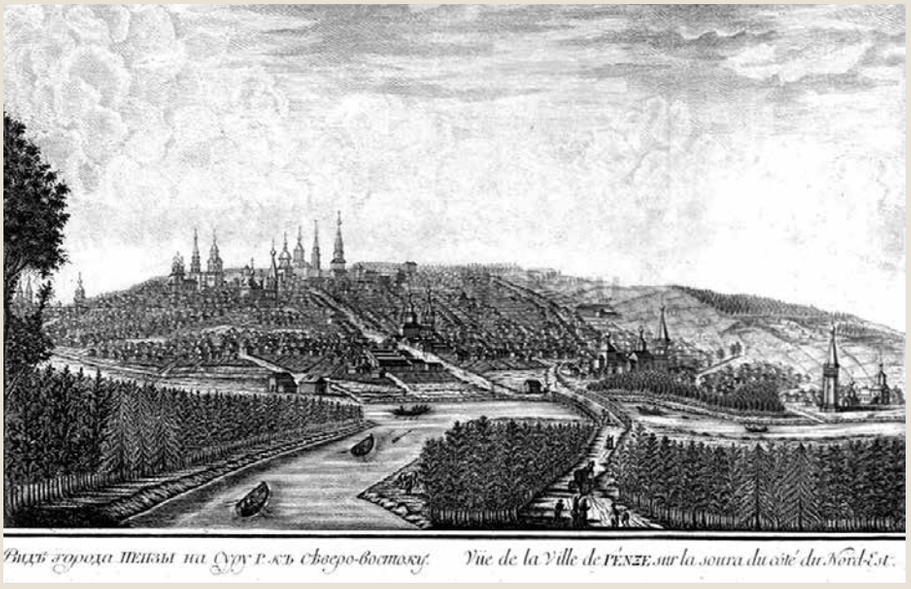
6 августа:

— «в 14 часу дня» ландрат Лев Аристов послал «в партию» прапорщика Савву Языкова, «а под командою у него... служилых людей: солдат капральство да дворянских слуг и посадников 30 человек, мурз и татар 160 человек, да собственного моего [Льва Аристова. — *С. Б.*] дому людей моих и из денщиков 5 человек на моих лошадях» (XIII, ср.: XIV — XVI). Исходя из сравнительно большой численности «партии» (в разных документах приводятся различные сведения: 100 человек (XV), 127 человек (XVI), 195 человек (XIII)), можно предположить, что разъезд под командованием прапорщика Языкова посылался не только с целью сбора разведывательной информации, но и, если нужно, дать военный отпор кубанцам;

— из Казани в Саранск прибыл секунд-майор Засецкой, которому «велено в Саранску и в саранских пригородех служилых людей разобрать и с теми служилыми людьми идти на Пензу в полк к г-ну полковнику князю Мещерскому». Однако Лев Аристов задержал его в Саранске «за малолюдством» до особого распоряжения (XV);

— в Саранске появились беженцы из сел и деревень Пензенского и Саранского уездов, о чем свидетельствуют допросы ландратом Львом Аристовым диакона с. Исса Саранского уезда Тимофея Иванова (I) и крестьян д. Назарьевка Пензенского уезда Петра Никитина и Арефея Захарова (II).

«Вид города Пензы на Суру р. к северо-востоку».
Гравюра П. Т. Балабина по рисунку М. И. Махаева, снятого с рисунка подполковника А. И. Свечина. Санкт-Петербург, 1760-е гг.



7 августа:

— допрос саранским ландратом Львом Аристовым «человека стольника Федора Федровича Хрущова» Федота Нетеева, который находился в первых числах августа в Пензе (III);

— «во втором на десять часу, в полчасу» Лев Аристов подготовил грамоту в починковскую канцелярию ландрату Федору Хрущову о положении дел в Саранском и Пензенском уездах в связи с кубанским набегом (IX, XXIII). Хотя в документе и не сообщается дата написания грамоты, без всякого сомнения, она написана

7 августа и отправлена в Починковскую волость с курьером Федотом Нетеевым;

— отписка саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору П. С. Салтыкову о положении дел в Саранском уезде и предполагаемых действиях в связи с кубанским набегом. В отписке содержится просьба об оказании помощи Саранску в создавшемся положении: «...а в Саранску и острожках солдат годных самое малое число, человек со сто, кроме старых и дряхлых... и у тех ружья никакого нет... И по справке в Саранску в приказной канцелярии одна пушка, ручного пороху ни фунта и фитиля нет, пушечного пороха и свинцу самое малое число... И о присылке в Саранск для нынешнего военного нужного случая пушечного пороху, и свинцу, и фитилю, и солдат..., что повелишь» (XIV, ср.: VI).

8 августа:

— допрос ландратом Львом Аристовым дьячка с. Знаменского Пензенского уезда Симона Васильева (IV).

9 августа:

— по рассказу крестьянина с. Шукша Ивана Васильева, кубанцы находятся за р. Сердобой (VII).

10 августа:

— в канцелярию инсарского ландрата Ивана Лосева был приведен «кубанский шпион» Микитка Афонасьев, из допроса которого стали известны подробности кубанского набега (его подготовительная стадия, состав участников, место главной ставки на р. Карай, тактика и планы кубанцев) (XXIV).

С 8 по 10 августа:

— состоялся бой роты пензенских драгун с кубанцами (XVI). 12 августа на дороге у Рамзайского острога прапорщик Языков встретил Андрея Тоузакова, который был «в Пензе, в осаде». Тоузаков сообщил, что «г-н полковник Мещерский отправил роту драгун. И оные драгуны с неприятельскими воинскими людьми съехав, и из них сорвали и побили их с 300 человек. А оных было кубанцев 500 человек. И оные драгуны побежали наспех за оными кубанцы. И неприятельские люди и навели оных драгун на весь свой неприятельский корпус. И оных драгун отъехало от неприятельских людей человек с 20 и те все ранены» (XVI). Если учесть, что Пенза находилась в осаде «четыре дни», а прапорщик Языков встретил Тоузакова, вероятно, утром или днем 12 августа (в ночь на 13-е он уже был в Саранске), то бой между пензенскими драгунами и кубанцами мог состояться не ранее 8 и не позднее 11 августа.

11 августа:

— донесение прапорщика Языкова ландрату Льву Аристову из Мокшана о том, что «кубанцы по ведомостям являются в Пензенском уезде в круге Драгунских Липягов; и по оным ведомостям... с командою своею онаго ж августа 11-го числа пошел туда» (XV).

Городовой казак (источник: Фролов Д. В. Первый век саранской истории: город и его жители в XVII столетии. Саранск, 2014)

12 августа:

— «в восьмом часу дни» саранскому ландрату Льву Аристову прислано донесение от прапорщика Языкова из Рамзайского острога о том, что он «до Драгунских Липягов с командою своею ездил и посылал разъезд, и неприятельских людей, кубанцев, следов не получил, и возвратился де до Пензенского пригородка Рамзая; и оный де пригород Рамзай от неприятельских людей кубанцев разорен без остатку» (XV);

— указ великого государя из Казани саранскому ландрату Льву Аристову, по которому «велено саранских царедворцев, и офицеров, и отставных дворян, и драгун, и мурз, и татар выслать по прежде присланному [4 августа. — *С. Б.*], и по сему, Великого Государя указам на Пензу в полк г-на полковника князя Мещерского к указанным срокам» (XV);

— из Казани прислали в Саранск по отписке «две пушки чугунных, до пороху 10 пуд, а солдат, и фузей, и фитилей не прислано» (VI);

— отписка ландрата Льва Аристова казанскому губернатору П. С. Салтыкову о том, чтобы «в Саранску и в пригородех служилых людей малое число... оставить... для караула, а кого... помещиков, и царедворцев, и офицеров, и отставных дворян, и драгун в полк к г-ну Мещерскому выслать, о том искать буду» (XV).

13 августа:

— «в первом часу ночи» прапорщик Языков «с командою» возвратился «из партии» в Саранск (XIII);

— «в 9-м часу дни» в саранской канцелярии получили указ великого государя из Казани «о проведывании неприятельских людей» (XVI, ср.: XIII);

— отписка саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору П. С. Салтыкову о прибытии прапорщика Языкова в Саранск и о привезенных им новостях (XVI, ср.: XIII);

— прапорщик Языков пишет рапорт о «партии» (XXII).

14 августа:

— приказ ландрата Льва Аристова татарам д. Пишли Саранского уезда Короске Алмакаеву и Алчекайке Алкаеву, чтобы им «на службе Великого Государя на Пензе в полку г-на полковника князя Мещерского... явитца... со своею братьею» (XI). Без сомнения, этот приказ стал следствием указа великого государя из Казани от 12 августа о присылке служилых людей в Пензу, в полк князя Мещерского.

16 августа:

— допрос ландратом Львом Аристовым крестьянина с. Исса Саранского уезда Игнатия Иванова (XVII);

— ландрату Льву Аристову становится известно о том, что кубанцы якобы «возвратились назад к Пензе и в уезды для разорения сел и деревень» (VIII).

Тут же следует ряд решительных действий со стороны ландрата Аристова:

— приказ «вотчинниковых, и ясашных крестьян, и мордву выслать в Саранск на конех со всяким оружием, что у кого есть, и с запасы», чтобы «явились в Саранск из ближних сел и деревень августа ко 18-му, а из дальних — к 20-му числу неотложно. А ежели они, уездные люди... ко оным числам не явятца, и за то им... учинено будет в Саранску жестокое наказание без пощады» (VIII);

— приказ о запрещении окрестным жителям покидать Саранск «без отпуску» (XII);

— отписка казанскому губернатору П. С. Салтыкову с информацией о «партии» прапорщика Языкова и допросе крестьянина с. Исса Игнатия Иванова (XIX).

17 августа:

— допрос саранским ландратом Львом Аристовым крестьянина с. Шукша Пензенского уезда Ивана Васильева (VII);

— донесение саранского ландрата Льва Аристова Федору Ивановичу (?) о том, что по известиям пензенских помещиков кубанцы вновь появились под Пензой (XXI).

18 августа:

— «в третьем часу дни последовал указ Великого Государя из Казани «про неприятельских людей кубанского Бахты-Гирея Салтана с кубанскими татары, где оные войска его ныне обретаютца и в каких местах и что чинитца, проведав, писать в Казань» (XVII);

— отписка саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору П. С. Салтыкову о том, что кубанцы «с реки Сердобы... и с полоном пошли спешно в путь» (XVII). Следовательно, 18 августа уже было известно о том, что кубанцы с пленными возвращаются обратно. После этого известия, в течение 10 дней, никаких данных о деятельности саранского ландрата нет.

29 августа:

— допрос ландратом Львом Аристовым крестьянина с. Знаменского Саранского уезда Прокофия Семенова, который был в плену у кубанцев и из плена, с р. Медведицы, бежал (V).

Показания Прокофия Семенова фактически содержат краткое описание кубанского набега. Ввиду важности документа мы воспроизводим его с некоторыми сокращениями: «1717 года августа 28 дня в саранской приказной канцелярии саранской доли ландрату Льву Федоровичу Аристову явился капитана Александра Матвеева сына Аристова Саранского уезду села Знаменского крестьянин его Прокофей Семенов и сказал: Тому де четыре недели из того села Знаменского послала его, Прокофья, с товарищем... помещица... в Пензенскую... деревню Александровку для взятья из той же деревни

Служилый татарский мурза
(источник: Фролов Д. В. Первый век саранской истории: город и его жители в XVII столетии. Саранск, 2014)

от кубанского находу пожитков своих. И в той деревне... пожитков взять не успели. И с той деревни... крестьяны, согласясь, ночною порою побежали в Саранский уезд, и... под городом Пензою... кубанцы взяли их всех в полон, и привели их к разоренному городу Рамзаю, который они, кубанцы, разорили и выжгли. И стояли де они под тем пригородком два дни. И разъезжали в Пензенском и в Саранском уездах для разорения сел и деревень, и для взятья полону, и ожидали кубанцев же, которые были для разорения Воронежской губернии под городами в Тамбовском, в Керенском, в Инсарском уездах. И под Рамзаевский де острог оных неприятельских людей съехалось многое число, а сколько их, заметить невозможно. Из вышеописанных Воронежской губернии городов уездных людей полону оные кубанцы пригнали более того, что взято людей в Пензенском и Саранском уездах. И от Рамзаю де оные кубанцы пошли с тем полоном мимо Казачьих городков верстах в 20-ти через реку Медведицу. И как де оные неприятельские люди кубанцы остановятся в полдни, так де со всех четырех сторон конца не видеть. Так же и знамен у них множество и исчислить невозможно. Да с ними де был казаквор Некрасов, что с племянником да с зятем и стоял особ полком. И с ним де таких же воров казаков тысяч с 10-ть. А всех де их кубанцев и казаков было 40 тысяч... И говорили де они, неприятельские люди, что полон они, препроводя через реку Дон, возворотятца назад под те ж городы, под которыми они были...» (V);

— отписка саранского ландрата Льва Аристова казанскому губернатору П. С. Салтыкову с сообщением о допросе крестьянина Прокофия Семенова и просьбой в связи с опасностью нового кубанского набега прислать в Саранск «солдат, и фузей, и фитилю» (VI).

Этим сведения о «большом кубанском погроме», содержащиеся в документах саранской канцелярии, исчерпываются.

Таким образом, на основании приведенных источников можно воссоздать хронологию кубанского набега в Пензенском и Саранском уездах и сделать следующие выводы.

Кубанский набег на «понизовые городы» был тщательно спланирован и явился полной неожиданностью для местных властей. Кубанцы появились в Пензенском уезде 2 августа, а уже 3 августа осадили Пензу. Пока длилась осада (4 — 5 дней) кубанцы разоряли села и деревни Пензенского и Саранского уездов. В то же время был сожжен Рамзайский острог. 7 — 8 августа кубанцы с награбленной добычей и пленными двинулись в обратный путь. Из Пензы за ними была отправлена рота драгун полка князя Мещерского. В завязавшемся вскоре бою (8 — 10 августа) драгуны уничтожили около 300 кубанцев, но сами попали в засаду и были рассеяны. 16 августа в Саранске распространился слух о том, что кубанцы вновь находятся под Пензой и разоряют близлежащие села. Но эти сведения не подтвердились. Последние известия относятся к 28 августа, когда опасность кубанского набега еще сохранялась.

Поступила 28.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] Согласно административно-территориальному делению, существовавшему в России в начале XVIII в., Пенза и Мокшан были отнесены к Казанской губернии. В то же время Верхний Ломов и Нижний Ломов, Наровчат, Керенск, Саранск и Инсар входили в состав Азовской (Воронежской) губернии. Пензенский уезд был разделен на четыре стана: Узинский (расположен по р. Узе), Завальный (занимал обширные территории «Дикого поля», относящиеся теперь к Пензенскому, Колышлейскому, Сердобскому, Каменскому, Нижнеломовскому и Мокшанскому районам Пензенской области), Шукшинский (по р. Шукше и Суре), Засурский (занимал территорию, где ныне находится Городищенский район Пензенской области). См.: **Хохряков В. Х.** Открытие, управление и восстановление Пензенской губернии // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1901. Вып. 5. С. 3 — 4; Пензенский край XVII в. — 1917 г. : док. и материалы. Саратов, 1980. С. 3; **Мясников Г. В.** Город-крепость Пенза. Саратов, 1989. С. 194.

[2] **Хохряков В. Х.** Строельная книга г. Пензы // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1899. Вып. 4. С. 22.

[3] См.: **Петерсон Г. П.** Опись делам и документам Саранского полицейского управления (1717 — 1794 гг.): 25 документов, относящихся к истории Кубанского погрома 1717 г. // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903. Кн. 1. С. 147 — 157; 1904. Кн. 2. С. 179 — 192.

[4] **Хохряков В. Х.** Материалы для истории города Пензы // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1904. С. 57 — 58.

[5] См.: **Лебедев В. И.** Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 68 — 76; **Его же.** Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII — XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области : очерки краеведов. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 93 — 95.

[6] Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 87.

[7] Там же. Л. 88.

[8] Там же. Л. 89 — 90 об.

[9] **Полубояров М. С.** Заселение Пензенского края в XVII — начале XVIII в. // Земство. 1995. № 2. С. 195 — 196.

УДК 39:94(47)

Людмила Михайловна Артамонова

УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯН ПОВОЛЖЬЯ В СБОРЕ ПЕРВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Датой окончательного превращения русской этнографии в научную дисциплину такой авторитетный исследователь, как Д. К. Зеленин считал 1847 г. Он связывал это с началом деятельности Русского географического общества (РГО), созданного в 1845 г., первым шагом которого стал систематический сбор именно этнографических сведений по специальной программе[1].

Схожей точки зрения на ведущую роль РГО и его этнографической программы в научном изучении народов России придерживаются и современные исследователи[2]. Хотя высказывается мнение, что разработка этнографической программы РГО продолжалась до 1848 г.[3], но, как показывают архивные документы, сбор сведений начался уже годом раньше.

Значительная часть материалов по истории и этнографии Поволжья, отправленных в РГО в начале его деятельности, опубликована. Однако многие остаются неизданными и известными только тем, кто работают с ними в архивохранилищах[4]. Публикация материалов РГО, в том числе относящихся к поволжским губерниям, продолжается[5].

Изучение традиционной культуры не теряет значения до настоящего времени, поскольку «старые знания и умения» лежат «в основе современного уровня развития»[6]. Культурное наследие в различных «проявлениях может выступить в качестве своеобразных скреп для народов России»[7].

Среди хранящихся в архиве записей есть сделанные самими носителями этнических и фольклорных традиций. Уже в 1847 г. своеобразными «корреспондентами» РГО, участниками его деятельности неожиданно для себя стали многие простые жители Поволжья. В Государственном архиве Ульяновской области сохранилось дело Сызранской удельной конторы «О собирании сведений для Географического общества»[8]. Оно содержит черновой материал, представленный самими крестьянами, на основании которого затем образованные чиновники должны были составлять окончательный отчет для отсылки в РГО. Остановимся на сведениях, полученных из правобережных селений современной Самарской области, входивших тогда в Симбирскую губернию.

Отношение из РГО от 22 мая 1847 г. симбирскому губернатору с просьбой о сборе необходимых сведений было напечатано для широкого ознакомления в «Симбирских губернских ведомостях» и разослано в копиях по разным учреждениям, в том числе в Сызранскую удельную контору. Та отправила 10 июля в подведомственные ей «приказы» (отделения) предписания о необходимости исполнения этого отношения. Осенью того же года были получены ответы. Самый краткий пришел из с. Байдерякова, в котором утверждалось, что там, якобы, нет ни обычаев, ни пословиц. На самом деле, понятно, местное начальство не проявило никакого желания выполнить непривычное распоряжение, результатом чего стала чисто формальная отписка[9].

К счастью, среди присланных ответов приведенный выше был исключением. Из других сел прислали интересные материалы, пусть не очень обширные, но надо учесть, насколько непривычным было это дело и насколько неподготовленными «корреспонденты».

Одним из первых 2 сентября 1847 г. откликнулся выборный голова крестьян Переволокского приказа Александр Синдюряев. Он прислал в двух экземплярах сборник песен, «употребляемых в подведомых... селениях» и собранных им «при разъездах по делам службы». Он откровенно сообщил, «что других сведений,

© Артамонова Л. М., 2017

означенных в списке с отношения Русского Географического общества... кроме представленных, изыскать не мог». При этом отметим, что сам голова был неграмотен[10].

Исправляющий должность головы Новодевиченского приказа Василий Горбунов собрал и выслал записи песен, побасенок и загадок. Из соседнего Сенгилеевского приказа голова Красильников представил подборку «разных песен, объявленных самими крестьянами», их «примечаний» (примет. — *Л. А.*) о погоде и урожае. Насчет же остального жители ему «объявили, что оне сказок, загадок не знают». Совершенно в тупик поставил его филологический вопрос об особенностях местного «наречия», на который он смог ответить лишь то, что «наречья у крестьян по всему Сенгилеевскому приказу, исключая мордвов и чуваш, крестьянские, как писаны слова в примечаниях». Представители указанных этносов в XVII — XVIII вв. основывали свои деревни в южных районах Поволжья[11]. Однако никаких материалов о мордовском или чувашском фольклоре прислано не было, так как головы — русские крестьяне — не в состоянии были справиться с такой задачей.

Всего из трех приказов были представлены 16 народных песен (8 — из Переволокского, 6 — из Сенгилеевского, 2 — из Новодевиченского), по 2 побасенки и загадки (из Новодевиченского), 12 примет (из Сенгилеевского). Интересно, что записи песен не повторяются, различны они и по характеру. Из-за случайности подборки трудно сделать какие-либо выводы о местных особенностях репертуара, но определенные наблюдения над ним кажутся любопытными.

Самая большая подборка была получена из Переволоцкого приказа, в состав которого входили с. Переволоки, Березовый Солонец, Винновка и Кармалы[12]. Они были проданы в 1843 г. удельному ведомству их владелицей графиней А. А. Орловой-Чесменской[13].

Эта подборка состоит в основном из лирических песен: «Уж ты, зимушка-зима, мать холодная зима...», «Кто поверит моей скуке, всяк потужит обо мне...», «Несчастные минутушки, куды скрылся мой милой...», «Знал бы я, проведал, где любезная живет...», «Уж вы, девушки-подружки, горемышные кукушки...», «Вечор я говорила со подружкою своей...», «Как прорыл-то, промыл батюшка Урал-река все горы высокие...». Исключением является песня, очень яркая не только по настроению, но и по бытовой точности передачи деталей рекрутского набора:

Попила-то моя буйная головушка,
Пила-погуляла.
В красне-хороше она походила,
Как за батюшкиной и за матушкиной буйной головою,
Как за братцыной и за невесткиной за лехкою работой.
Не гребень-то мою головушку,
Не гребень ее чешет,
А чешет-то мою головушку
Чешет гульба-нега.
Со радости же мои кудерушки вьются,

И. Е. Репин. Проводы новобранца. 1879 г.

С печали секутся
Над собой невзгоду
Большее солдатство,
Большее солдатство,
Частные наборы.
Сажают-то меня, доброго молодца,
На ямскую пару.
Везут меня, молодца, в путь-дороженьку
Во Сызран-город.
Ведут-то меня, молодца,
Во новый корпус.
Подводят меня, молодца,
Под меру казенную.
Вышел-то я под меру 3 аршин печатных.
Сажают-то меня, молодца,
На стул на крашеный.
Бреют-то мои кудерушки,
Бреют, не жалеют.
Во красное окошечко
Кудерушки бросают.
Относит-то мои кудерушки
Сильным ветром.
Собирают-то мои кудерушки
Соловышки в гнездышки.

К живым реалиям той же эпохи восходит текст бурлацкой песни «Кашевары кашу варят...», записанной в Сенгилеевском приказе. «Смышленые, отважные до удальства... буйные и развратные» бурлаки привносили в культурное пространство и повседневность Поволжья особый колорит[14]. Артели работников, обеспечивавших волжскую навигацию, составлялись не только из местных жителей, но и людей пришлых, нередко беглых[15]. На последнее в интересах торговли местные власти готовы

А. Корин. Бурлаки. 1897 г.

«Не брани меня, родная». Литография А. В. Морозова. 1857 г.

были закрывать глаза[16]. Фольклор бывалых и немало повидавших людей выходил за рамки локальной народно-певческой традиции, которая и без того в силу сложной истории и разнообразного состава участников заселения Среднего Поволжья не отличалась единообразием и моностильностью культуры[17].

В указанной песне артель, остановившись на отдых, обращается к хозяину судна с просьбой: «Прикажи-ка нам, господин, нам попить-погулять, про все города сказать». Далее идет перечень всех сколько-нибудь примечательных селений и мест на бечеве по берегу Волги от устья до Рыбинска. Некоторые из проходимых бурлаками пунктов обозначаются особыми для них приметами и присказками. В том числе имеются связанные с теми селениями, где удельные крестьяне собирали материалы для РГО: «Новодевичье село — быстрая вода, Сенгилеевская гряда», «Тащи-волоки в Переволоки». Местные жители сами не были чужды отходничеству, и до продажи в удельное ведомство многие подверглись переселению на целинные земли Заволжья помещиками, желавшими отдалить их от неземледельческих промыслов и обратить к хлебопашеству[18].

Среди сенгилеевских и новодевиченских песен есть только по одной лирической. Зато исторических песен в сенгилеевской подборке приведено четыре, а из Новодевичьего прислан текст с зачином «Сказали про Добрынюшку, убит лежит...», который по имени героя и по самому строю, походит на балладу, возникшую на основе древнего былинного сюжета.

Сбор фольклорных текстов, описаний нравов и обычаев при участии поволжских крестьян продолжался и в последующие годы. Так, в Научном архиве РГО в Санкт-Петербурге сохранились материалы о секте молокан, распространенной в Са-

марском Заволжье[19]. Среди них находятся тексты духовных стихов, которые для молокан являлись «средством религиозной идентичности этноконфессиональной группы, сохранения и передачи молодому поколению культурного опыта»[20]. Эти духовные стихи были записаны в 1867 г. Алексеем Серебряковым, священником из Малого Узеня, населенного преимущественно удельными крестьянами, со слов местных жителей, а затем переданы секретарем Самарской духовной консистории В. И. Колотузовым известному этнографу А. С. Пругавину[21].

Фольклорные записи, собранные удельными крестьянами для РГО в 1847 г., являются старейшими из тех, что были сделаны в Самарско-Сызранском Поволжье. Они предваряют будущие труды В. Г. Варенцова («Сборник песен Самарского края», 1862), Д. Н. Садовникова («Сказки и предания Самарского края», 1884), последующих собирателей и исследователей, а потому заслуживают самого пристального внимания и изучения.

Поступила 05.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Зеленин Д. К.** Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 10.

[2] См.: **Маннапов М. М.** Вклад Русского Географического общества в дело изучения инородцев Самарской губернии // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Уфа, 2014. С. 65.

[3] См.: **Васкул А. И.** Этнографическая программа Русского географического общества // Русский фольклор: материалы и исследования. 2012. Т. 36. С. 461.

[4] См.: «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.) / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013. С. 58 — 61.

[5] См.: **Воронов Н. А.** Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). СПб., 2015.

[6] **Юрчёнкова Н. Г.** «Живая память» культуры в современности (на примере Республики Мордовия) // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2014. Ч. 1. С. 277 — 278.

[7] **Овсянников В. П.** Поиск прецедентов в социогуманитарных исследованиях // Инновационные научные исследования в гуманитарных, естественных, технических и общественных науках. Методология, теория, практика. СПб., 2014. С. 184.

[8] Государственный архив Ульяновской области. Ф. 322. Оп. 1. Д. 337.

[9] Там же. Л. 4.

[10] Там же. Л. 29.

[11] См.: **Юрчёнков В. А.** Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII — начало XX века // Отечественная история. 2004. № 5. С. 28.

[12] См.: **Смирнов Ю. Н.** Крупная крепостная вотчина и освоение земель Среднего Поволжья в последней трети XVIII — первой половине XIX века (по материалам владений Орловых и Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2012. № 8/2 (99). С. 103.

[13] См.: **Смирнов Ю. Н., Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Артамонова Л. М.** Самарская Лука в XVI — начале XX в. Самара, 1995. С. 69.

[14] См.: **Бирюкова А. Б.** Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара, 2009. С. 29.

[15] См.: **Смирнов Ю. Н.** Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII — первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 194.

[16] См.: **Смирнов Ю. Н.** «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 9.

[17] См.: **Бикметова Н. В.** Песенное искусство молодежи Самарской области как фольклорная традиция // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2014. Т. 16, № 2 — 4. С. 988.

[18] См.: **Смирнов Ю. Н.** Владения Орловых на Самарской Луке и в окрестностях: территория и наследники в последней трети XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 215, 217 — 218.

[19] См.: **Ведерникова Т. И.** Молоканские общины Самарского края в XIX — XXI вв. // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею д-ра ист. наук, проф. К. И. Козловой : сб. науч. ст. // Тр. Исторического факультета МГУ. Сер. 2. Исторические исследования, 22. М., 2012. Вып. 57. С. 42 — 52.

[20] **Ведерникова Т. И., Филатова Я. И.** Духовные стихи в культовой и обрядовой практике самарских молокан // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре : сб. ст., посвящ. 30-летию кафедры философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию ГКУ СО «Дом дружбы народов». Самара, 2016. С. 89.

[21] См.: **Пругавин А. С.** Духовные стихи, распеваемые последователями молокано-прыгунской секты, возникшей в конце пятидесятых (1850-х) годов в Новоузенском уезде Самарской губернии // Научный архив Русского географического общества. Разряд 34. № 12. Л. 1.

УДК 94(470.51)«1917»

Ольга Ивановна Васильева,
Владимир Степанович Воронцов

«...ПРОВИНЦИИ НУЖЕН ПОРЯДОК И СТРОЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ»

Деятельность Глазовской городской думы в 1917 году

Февральская революция 1917 г. привела к кардинальным изменениям в структуре управления государством, к демократизации общественной жизни. Наряду с формированием новых органов государственной власти — института губернских и уездных комиссаров Временного правительства — на местах создавались многочисленные организации, осуществлявшие те или иные властные функции. В то же время продолжали действовать традиционные органы местного самоуправления, в том числе городские думы. Несмотря на политические и социально-экономические пертурбации, городское хозяйство должно было функционировать: магазины работать, тротуары очищаться, улицы освещаться, школы учить детей, больницы лечить больных и т. д.

Городские думы были созданы в Российской империи согласно Городовому положению от 12 июня 1870 г. как выборные учреждения. В соответствии с ним городская дума состояла из гласных, избираемых на четыре года. Выборы в городскую думу проводились по трем избирательным съездам (крупных, средних и мелких налогоплательщиков), избиравшим по равному числу гласных[1].

В рамках реформирования городского самоуправления Городовое положение 1892 г. заменило предыдущее. В соответствии с новым Положением произошло существенное сокращение круга избирателей, уменьшилось число гласных городской думы, значительно расширился контроль со стороны губернской власти. Если прежде к выборам в органы самоуправления допускались практически все плательщики налогов, то после реформы 1892 г. избирательное право предоставлялось лишь наиболее состоятельной части городского населения. При этом лица, не

Глазов. Начало XX в.
(ЦГА УР. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 150. Л. 1)

© Васильева О. И., Воронцов В. С., 2017

достигшие возраста двадцати пяти лет, и женщины имели право голосовать только через уполномоченных, снабженных от них доверенностями.

Городская дума являлась распорядительным органом, избирала из своего состава исполнительный орган — городскую управу в составе городского головы и двух членов управы. На собраниях думы с правом голоса участвовали также председатель уездной земской управы и депутат от духовного ведомства. Городской голова возглавлял думу и управу, координировал работу этих учреждений. К ведению городской думы относились вопросы городского хозяйства, торговли, транспорта, культуры, здравоохранения, налогообложения, устройства благотворительных учреждений, больниц и т. п. Городовое положение предусматривало проведение очередных собраний думы не менее четырех и не более двадцати четырех раз в год и чрезвычайных собраний по разрешению губернатора[2].

Деятельность городского общественного управления находит отражение в исторической литературе. В работах В. А. Нардовой, В. Д. Калинина, Л. Ф. Писарьковой, Л. Е. Лаптевой, А. Ю. Шутова и других авторов рассматривались вопросы организации и деятельности местных органов власти[3]. Особенно актуализировалось обращение к данной теме с началом муниципальной реформы 1990-х гг. и ростом интереса исследователей к проблемам городской повседневности[4]. Тем не менее широкий спектр проблем, которые охватывала деятельность городских органов самоуправления, изучен не в полной мере, а богатые познавательные возможности, предоставляемые сохранившимися комплексами их документов отнюдь не исчерпаны. Особый интерес в связи с этим, представляет период 1917 г., когда произошли кардинальные изменения в стране, в том числе в структурах

Вознесенско-Преображенский собор г. Глазова. Начало XX в. (ЦГА УР. Ф. Р-1675. Оп. 1. Д. 03916)

государственной и местной властей. В настоящей статье раскрывается деятельность Глазовской городской думы в 1917 г. на основе документов архивного фонда Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР) № 145 «Глазовская городская дума (1886 — 1918 гг.)» — журналов (протоколов) ее заседаний.

Город Глазов — старинное поселение на территории Удмуртии, которое получило статус города и уездного центра в 1780 г. с образованием Вятской губернии (наместничества)[5]. К началу XX в., по сведениям глазовского уездного исправника за 1904 г., его площадь составляла 146 десятин 1 219 сажен, протяженность улиц — 19 верст. В городе проживали 3 997 человек (1 862 мужчины и 2 135 женщин), из которых 80 % составляли русские, 10 % удмурты. Городское хозяйство характеризовали следующие показатели. Мощеных улиц в городе не было, за исключением земского подъездного пути от города к железнодорожной станции. В городе из 413 жилых строений 15 были каменные и 4 полукаменные, остальные — деревянные. Отсутствовала развитая система водоснабжения и канализации. Большинство горожан пользовались речной и колодезной водой, нечистоты вывозили ассенизаторы. Освещение проводилось 200 керосиновыми фонарями. Имелись два общественных сада; шесть православных церквей; шесть учебных заведений, в том числе женская гимназия, духовное училище, городское трехклассное училище, земское мужское начальное училище, образцовая женская школа; три библиотеки, одна из них — городская бесплатная библиотека-читальня; аптека; земская больница на 50 коек; тюрьма на 108 человек. Бюджет города в 1903 г. составил: доходная часть — 28 281 руб., расходная часть — 27 959 руб. 80 коп., долг — 2 400 руб.[6] По данным Вятского губернского статистического комитета, в 1913 г. в г. Глазове проживали уже 5 855 человек, в том числе 3 042 мужчины, 2 813 женщин[7].

В 1917 г. прошли 24 заседания Глазовской городской думы, из них 17 экстренных (11 и 28 марта; 19 апреля; 10, 11 и 16 мая; 13, 15 и 30 июля; 4 и 18 августа; 19 и 31 октября; 8 и 28 ноября; 9 и 29 декабря), 1 чрезвычайное (27 ноября), 6 очередных

(14 — 15 февраля; 14 апреля; 9, 15, 28 сентября; 15 ноября), рассмотрен 221 вопрос. Состоялись также 3 частных совещания гласных городской думы с участием представителей ведомств и депутатов организаций[8]. Значительное преобладание экстраординарных заседаний над очередными свидетельствует о сложной ситуации, в которой приходилось работать Глазовской городской думе в 1917 г. Для сравнения, в 1913 г. дума провела всего 8 очередных заседаний, на которых рассмотрела 96 вопросов[9].

Анализ проблематики вынесенных на заседания вопросов по количеству обращений к ним дает следующую картину. Значительно преобладали над остальными вопросы, касавшиеся выборов и назначений должностных лиц, создания различных общественных комитетов, комиссий, они обсуждались практически на каждом заседании. Это обусловливалось, с одной стороны, появлением разнообразных общественных объединений, представительство в которых давало городской думе возможность влиять на решение злободневных проблем городской жизни, а с другой — изменениями в составе городского самоуправления в связи с революционными событиями. Большое внимание уделялось вопросам увеличения жалования лицам, находившимся на финансировании города, назначения пособий частным лицам, ассигнования средств на какие-либо мероприятия, принятия расходов на счет городского бюджета. К группе финансовых относились и вопросы, связанные с передачей в аренду торговых помещений, установлением и взиманием городских налогов и сборов. Снабжение горожан дровами и продовольствием, в первую очередь, хлебом — проблема, которая также часто обсуждалась в 1917 г. Важное место занимали охрана правопорядка в городе, в том числе функционирование милиции, функционирование коммунального хозяйства. Также на заседаниях обсуждались политические вопросы: об отношении к Временному правительству, о переходе власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, об Учредительном собрании, которые имели не только теоретический характер, но и находили преломление в практической плоскости[10].

Глазовская женская гимназия. Начало XX в. (ЦГА УР. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 148. Л. 2)

Журнал заседаний Глазовской городской думы в 1917 г. открывает заседание 14 — 15 февраля. Глазовскую городскую думу в тот период возглавлял городской голова Н. М. Мазунин (с 10 мая по состоянию здоровья он передал исполнение своих обязанностей заступавшему место городского головы И. Ф. Веприкову)[11]. Круг вопросов, рассмотренных на этом заседании, вполне традиционен. Гласные думы утвердили результаты прошедших в январе торгов на передачу в аренду принадлежавшего городу имущества: лавок в мясном и съестном рядах, городских весов и при них лавочек, при этом плата для арендаторов возросла. Заслушали доклад о результатах поверки денежных сумм, ценностей и документов городского общественного банка. Приняли постановление об отлове бродячих собак, загоне бродячего скота и повышении размера платы за его содержание. Дано разрешение произвести вырубку дров в городской лесной даче, и установлена плата за них. Провели выборы заведующего 1-м Глазовским военно-конским участком и двух его помощников, членов оценочной комиссии, кандидатов к товарищу директора городского банка, членов Глазовского городского по квартирному налогу присутствия[12]. Реалии военного времени отразились в принятом решении о выделении средств на содержание 10 коек в лазарете для раненых воинов, учрежденном городской думой и купеческим обществом; о принятии на счет города расходов на освещение в частном доме, занятом высшим начальным училищем в связи с тем, что его здание было занято воинской командой[13].

Размеренную жизнь провинциального города прервали события в Петрограде, 28 февраля 1917 г. Временный комитет Государственной Думы объявил о взятии власти в свои руки. Отречение Николая II и формирование Временного правительства узаконили смену власти и открыли новую страницу в истории страны. Свою первую программу правительство изложило в декларации 3 марта

1917 г., в которой объявляло амнистию политическим заключенным, предоставление политических свобод, отмену сословных, вероисповедных и национальных ограничений, подготовку созыва Учредительного собрания. В области местного самоуправления декларировалось введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, замена полиции «народной милицией»[14]. Глава правительства кн. Г. Е. Львов распорядился о повсеместной временной замене губернаторов и вице-губернаторов председателями губернских земских управ, о возложении на председателей уездных земских управ обязанностей уездных комиссаров Временного правительства[15].

Телеграфное сообщение о свержении царя получили в г. Глазове 1 марта 1917 г. Перед местными органами власти встали задачи формирования властных учреждений на новых, демократических началах, поддержания порядка, решения местных проблем, в первую очередь продовольственной. Городская дума 6 марта образовала комитет по охране города из 8 человек в составе членов городской управы и гласных думы[16]. Силами учебной команды 154-го пехотного полка, расквартированного в городе в годы Первой мировой войны, в ночь на 7 марта были разоружены городская полиция и конно-полицейская стража, 20 полицейских арестовали[17].

На совместном заседании общего собрания Глазовского общественного управления, выборного комитета по охране города, представителей от 154-го пехотного запасного полка, начальника гарнизона г. Глазова, представителей уездного земства, кассы мелкого кредита, кооперативного товарищества, судебного ведомства, учебных заведений, железной дороги, рабочих и граждан города, которое состоялось 8 марта, было высказано недоверие уездному комиссару Временного правительства Н. П. Инихову. Отметим, что решение Временного правительства о совмещении функций председателя земской управы и комиссара было встречено на местах неоднозначно, так как действующие на тот момент председатели управ утверждались еще царской администрацией исходя из их благонадежности. Так, в свое время произошло и с Н. П. Иниховым, когда земское собрание избрало и представило на утверждение другого кандидата, тот не был утвержден вятским губернатором князем Горчаковым[18]. Поэтому земское собрание было вынуждено согласиться с назначением Н. П. Инихова под давлением губернатора[19]. Несмотря на то, что в настоящий момент собрание считало нежелательным иметь на посту комиссара ставленника «старой власти», решено было признать его комиссаром временно, «дабы не произошло временного безвластия»[20]. Вскоре председателем Глазовской земской управы избрали В. Ф. Шиляева[21].

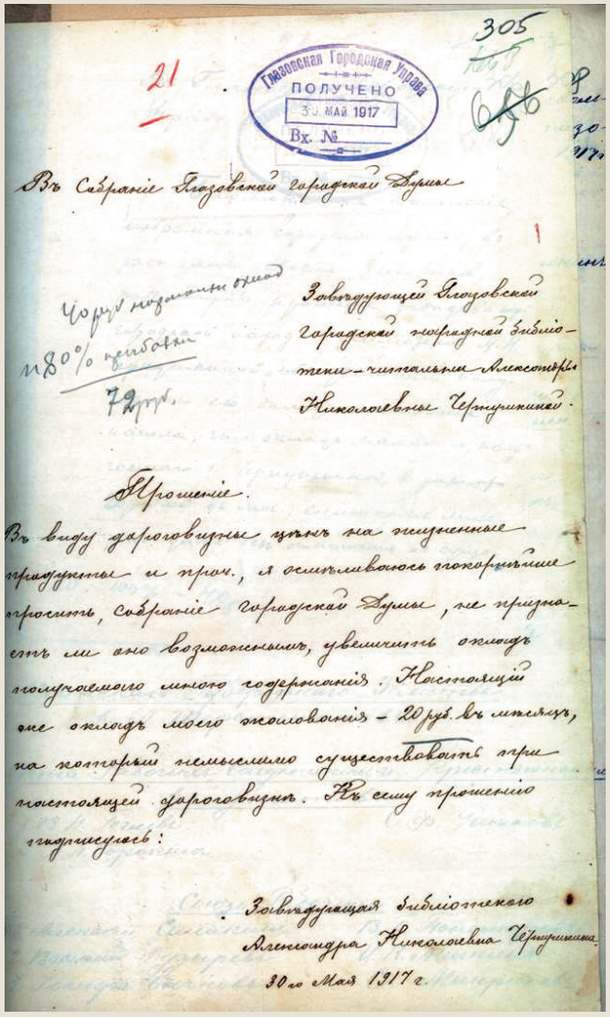
Ярмарка на Соборной площади г. Глазова. (ЦГА УР. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 149. Л. 1)

Главной целью собравшихся стало поддержание порядка в городе в период становления новый власти. К органам, ведавшим охраной города, были отнесены временно-распорядительный продовольственный комитет в составе представителей «широких слоев населения», городского комитета по охране города, военных представителей и городская милиция, скорейшую организацию которой признали необходимой. После горячего обсуждения участники собрания решили, что городская милиция должна состоять из 15 — 20 милиционеров, все сотрудники милиции избираются городским управлением и комитетом по охране из совершеннолетних лиц, не служивших ранее в полиции[22].

Процесс демократизации общественной жизни после февральских событий непосредственно отразился на городском самоуправлении. Ограниченность его цензового состава до производства новых выборов преодолевалась подключением к территориальному управлению представителей общественных комитетов и организаций. Если в первом заседании городской думы 1917 г. приняли участие 20 человек, то в экстренном заседании 11 марта участвовало уже около 40 человек, в том числе представи-

тели военно-промышленного комитета, организационного собрания граждан города и распорядительно-продовольственного комитета, Глазовского отдела Всероссийского общества Красного Креста, правления Глазовского товарищества кооперативов по посредничеству, Глазовского общества вспомоществования бедным, комитета по охране города, Глазовского гарнизонного военного комитета[23].

В дальнейшем состав участвующих в работе думы расширился за счет представителей Глазовского исполнительного комитета, союза служащих правительственных учреждений, учительского союза, мещанского общества и других образованных в г. Глазове организаций[24]. В свою очередь, представители городских властей избирались в Вятский губернский продовольственный комитет, в Глазовский исполнительный комитет общественных организаций, в Глазовское уездное земское собрание и т. п.[25] Таким образом устанавливались взаимосвязи различных организаций. Ставя свои узкие задачи, они в то же время участвовали в решении общих проблем городского устройства и имели возможность отстаивать интересы представляемой ими группы городского населения. Присутствовавший на заседании думы 28 марта представитель Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов Д. В. Нагорский положительно оценил деятельность Глазовской городской думы: «Главные шаги к новой жизни Вами уже сделаны»[26]. Он определил ближайшие задачи городских властей: «В настоящее время вам предстоит расширить свои полномочия и преобразовать городское общественное управление на новых началах, с включением ряда мер социального труда, устройства жилищ и т. п.»[27].


Глазовская Городская Управа
ПОЛУЧЕНО
30 Май 1917
Вх. №

305

21

Въ Собраніе Глазовской городской Думы

Заведующей Глазовской Городской городской библіотеки-читальни Александры Николаевны Черницыной.

Прошеніе.

Въ виду дороговизны цѣнъ на жизненные продукты и проч., я осмѣливаюсь покорнѣйше просить, Собраніе Городской Думы, не признаетъ ли оно возможнымъ, увеличить окладъ получаемого мною содержанія. Настоящій мой окладъ моего жалованія – 20 руб. въ мѣсяцъ, на которой немыслимо существовать при настоящей дороговизнѣ. Къ сему прошенію подписалась:

Заведующая библіотекою Александра Николаевна Черницына

30-го Мая 1917 г.

Прошение заведующей Глазовской городской библиотекой о повышении жалования. 30 мая 1917 г. (ЦГА УР. Ф.145. Оп. 1. Д. 2а. Л. 305)

Об одобрении думой произошедшей в стране смены власти свидетельствует тот факт, что в соответствии с ее постановлением от 6 марта в г. Глазове провели сбор денежных средств в пользу неимущих освобожденных политических борцов за свободу и правду. Часть из собранной суммы выдали двум политическим ссыльным (г. Глазов являлся известным местом политической ссылки в Российской империи), оставшиеся 423 руб. послали председателю Государственной Думы М. В. Родзянко[28].

Как уже отмечалось, одним из первоочередных мероприятий городской власти являлась организация охраны общественного порядка в городе. В связи с этим 11 марта были опечатаны, а затем сданы уездному комиссару, денежные суммы, книги и документы Глазовского полицейского управления и канцелярии городского пристава. У членов Глазовского отдела Союза русского народа конфисковали кружки для сбора средств, книги, картины и знаки союза[29]. 28 марта дума утвердила организацию городской управой городской милиции в составе начальника милиции, его помощника и 19 милиционеров, письмоводителя и сторожа-рассыльного, хотя перспективы получения средств на ее содержание оставались туманными (в городской смете расходов на весь 1917 г. заложили лишь 2 700 руб. при необходимости 1 700 руб. в месяц)[30]. Кроме того, по просьбе городской думы дневное и ночное патрулирование города осуществляли вооруженные патрули военного гарнизона. Военные охраняли также здания казначейства и губернской почты[31]. В мае дума согласилась с решением общего собрания граждан г. Глазова об установлении натуральной повинности по охране города в связи с участившимися случаями краж и грабежей. Все граждане, включая женщин, обязывались нести ночные дежурства[32].

Другим насущным вопросом для городских властей оставалось продовольственное снабжение горожан. Для организации снабжения населения ржаной мукой дума еще в декабре 1916 г. обратилась к уполномоченному по заготовке хлеба для нужд

армии — председателю Вятской губернской земской управы с просьбой выделить 10 тыс. пудов ржаной муки для населения города из общего количества хлеба, заготовленного по разверстке для армии. Однако ей в этом было отказано, поэтому городская управа вынуждена была закупить муку по рыночной цене[33].

После установления в стране хлебной монополии во всех городах создавались самостоятельные продовольственные комитеты, которым передавалось дело снабжения городов продуктами. Городские самоуправления, наряду с другими общественными организациями, направляли в продовольственные комитеты своих представителей. В состав Глазовского городского продовольственного комитета, организованного в соответствии с постановлением городской думы от 28 марта 1917 г., вошли два члена думы, по два делегата от мещан и кооперативов и по одному — от каждой профессиональной организации, состоявшей не менее чем из 100 членов[34]. Тогда же были избраны два представителя в Глазовский уездный продовольственный комитет[35]. В апреле 1917 г. дума поручила решить вопрос об устройстве общественной хлебопекарни и продаже муки населению[36]. Установление в уезде твердых цен на хлеб принесло значительные убытки городской казне, так как хлеб, купленный за 3,84 руб. и выше, пришлось продавать по 2,94 руб. за 1 пуд[37].

Что касается непосредственной хозяйственной деятельности, то в городе имелось много не разрешенных проблем, которые усугублялись последствиями войны и экономического кризиса. В 1917 г. городским властям становилось все сложнее поддерживать чистоту на улицах — не хватало рабочих рук и лошадей. Гласный думы Н. Н. Чирков на заседании 19 апреля спрашивал: «Кто будет очищать ретирады и помойные ямы? Вольных ассенизаторов нет, арестантов тоже, а потому, хотя бы привлечь крестьян из уезда или войти в соглашение с военными властями, в противном случае обыватель окажется в безвыходном положении»[38]. Созданная думой санитарная комиссия в составе членов управы, городского врача и начальника городской милиции приняла решение разбить город на 45 районов и создать должности санитарных попечителей для надзора за состоянием своего района. При «полном недостатке рабочих рук» комиссия предложила использовать пожарную дружину для очистки площадей и высказала экзотическое предложение «выписать 25 — 50 китайцев или корейцев для работ по ассенизации, прорытию каналов, мощению улиц и площадей»[39]. Однако использование пожарной дружины было признано незаконным, а для привлечения иностранной рабочей силы требовались консультации с губернскими властями.

Продовольственный кризис, рост цен и инфляция вынуждали служащих городского самоуправления просить повышения заработной платы, «ввиду существующей дороговизны на все предметы первой необходимости, на отопление и прочее, дошедшей до невозможности в данное время жить»[40]. Цены на продукты питания и промышленные товары в городе выросли с 1 июля 1914 г. по 1 марта 1917 г. в среднем на 323 %, в том числе на сливочное масло на 500 %, на молоко — на 400, на яйца — на 567, на одежду — на 400 %. Так, цена 1 пуда ржаной муки увеличилась с 85 коп. до 3 руб. 60 коп., мяса — с 5 руб. 20 коп. до 16 руб., сливочного масла — с 12 до 72 руб.[41]

Заявления об увеличении содержания поступили от служащих городской телефонной станции, членов пожарной команды, служащих электрической станции, лесников глазовских лесных участков, заведующей городской библиотекой, от служащих Глазовского городского общественного управления и городского банка и других работников. Поступали также просьбы городских учреждений и организаций о выделении им средств на различные мероприятия: на содержание катка, открытие детской библиотеки-читальни, содержание столовой для беднейших учеников начального училища и т. п.[42]

В связи с возраставшими расходами на содержание городских учреждений и увеличение заработной платы служащим городские власти вынуждались идти на непопулярные меры повышения тарифов за отпускаемую электроэнергию, расклейку афиш и объявлений, пользование телефонами, пастьбу скота и т. д. В апреле был установлен попудный сбор с товаров и хлебных грузов, привозимых в город по железной дороге[43].

В такой непростой политической и социально-экономической обстановке началась подготовка к выборам нового состава городской думы.

Основой для избрания демократических составов городского самоуправления явились «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях», принятые Временным правительством 15 апреля 1917 г. В соответствии с ними избирательные права получили все российские граждане без различия пола, национальности, вероисповедания, достигшие 20 лет, проживающие во время составления избирательных списков в данном городе или имеющие иные связанные с городом определенные занятия. Вводилась система пропорционального представительства, основанная на голосовании за партийные списки. Число гласных в городских думах определялось в особом расписании, для г. Глазова оно устанавливалось в 20 человек[44].

Развитием процесса демократизации городской жизни стало постановление Временного правительства

«Об изменении действующих положений об общественном управлении городов» от 9 июня 1917 г., направленное на расширение функций городских органов самоуправления. Оно отменило Городовое положение 1892 г. Согласно постановлению, дума избиралась сроком на 1 год, избиратели получили право отзыва гласных, а деятельность гласных оплачивалась. Органам городского самоуправления давалось право объединения и координации действий с другими земскими и городскими управлениями. Общий надзор за их деятельностью возлагался на губернских комиссаров, которые могли контролировать только законность, но не целесообразность действий городских общественных управлений, не имели права в административном порядке отменять принятые городами постановления[45].

Летом 1917 г. в Глазове состоялись выборы нового состава городского самоуправления. В документах городской думы сохранились баллотировочные листы и списки кандидатов на должности городского головы и гласных городской думы, членов городской управы. На должность городского головы претендовали секретарь Глазовской земской управы А. И. Милославский, прапорщик 154-го пехотного полка А. И. Шульц, солдат того же полка Д. Г. Сулимов, заступающего место головы И. Ф. Веприков. В итоге городским головой был избран А. И. Милославский, заступающим место И. Ф. Веприков, членами управы — учитель А. И. Птицын, солдат М. В. Попов. На следующем заседании вместо последнего был избран служащий Глазовской земской управы А. Д. Главатских[46]. Гласными думы стали инженер-технолог С. М. Губергриц, пожарный И. Ф. Анисимов, Я. А. Шубин, Б. П. Есипов, нотариус Г. П. Яковлев, Н. А. Потехин, юрист К. И. Цекаловский, торговцы Ф. С. Половников и П. И. Веселухин, С. Г. Ившин, военнослужащие 154-го запасного полка А. Ф. Пономарев и С. Ф. Штин[47].

Первое заседание нового состава думы состоялось 13 июля. Вновь избранный городской голова А. И. Милославский, приветствуя избранных в этот «исторический» день «первых представителей демократии» и нацеливая их на работу, выразил уверенность, что «как бы ни трудно было положение... дума найдет из него разумный выход, и денежные затруднения ей не страшны, необходимо лишь соблюдение одного важного условия — она должна опираться на доверие населения, поселить в нем уверенность, что городские средства расходуются на цели производительные, в интересах материального и духовного удовлетворения неотложных его потребностей»[48].

Попытка захвата власти генералом Л. Г. Корниловым в августе 1917 г. привела к росту революционных настроений, активизации действий по изоляции контрреволюционеров. По предложению Совета солдатских депутатов в г. Глазове был создан комитет спасения революции[49]. 1 сентября 1917 г. Глазовский исполнительный комитет принял постановление о немедленном увольнении со службы членов думы и подведомственных думе вольнонаемных лиц, служивших ранее в полиции или состоявших членами «Союза русского народа», в том числе секретаря управы А. П. Никифорова, члена правления банка Я. И. Стрижева, гласных думы П. И. Веселухина, В. М. Яговкина, Г. П. Яковлева и др. После бурного обсуждения на заседании 9 сентября дума большинством голосов ответила отказом исполнять данное постановление, «т. к. думе не известно, какое участие принимали в союзе означенные гласные», а избраны они были демократическим путем, участие же в деятельности союза остальных было случайным и выражалось в пожертвованиях денежных средств. Интересно, что, характеризуя секретаря управы А. П. Никифорова, городской голова А. И. Милославский утверждал: «...Он к какой-либо партийной работе не способен, весь ушел в дело и подчинится кому угодно. Придет голова одной партии, секретарь будет служить ему, придет другой партии, он также подчиниться его влиянию и требованиям»[50]. При этом гласный Б. П. Есипов заметил: «...Что же касается других, то когда они жертвовали на Союз, то действовали сознательно, а на революцию бы не пожертвовали»[51].

К осени 1917 г. финансовое положение города стало особенно тяжелым. Проведенный в это время анализ городского бюджета показал, что его доходная часть значительно отставала от роста расходов. Так, основным городским доходом являлся оценочный сбор (прямой налог с недвижимого имущества и торгово-промышленных предприятий), а он составил лишь 5 % бюджета. Убыточным становилось содержание электрической и телефонной станций, пришедшее в упадок городское кирпичное производство перестало приносить доход, несмотря на скачок цен на строительные материалы. Запутанными оказались расчеты города с военным ведомством. Несмотря на то, что с начала войны город нес большие расходы по содержанию расквартированных в нем войск, расчеты с военным ведомством проводились эпизодически и по окладам, установленным еще 40 лет назад[52]. Для выхода из создавшейся ситуации городская дума приняла решение увеличить оценочный сбор путем переоценки недвижимого имущества, произвести окончательный расчет с военным ведомством, увеличить ставки сборов по доходной смете[53]. Думе пришлось согласиться с предложением управы произвести заем в кассе городского и земского кредита, других кредитных учреждениях, частных лиц в сумме до 180 тыс. руб. Деньги

предназначались прежде всего на покрытие расходов по заготовке продовольствия для населения и заготовку дров для воинских частей[54]. Министерство внутренних дел разрешило кредит в размере 100 тыс. руб.[55]

На заседаниях думы обновленного состава поднимались такие вопросы, как уличное благоустройство, улучшение качества воды, заготовка и вывоз дров с лесных дач, отдача городского имущества в аренду и т. п. Животрепещущим оставался вопрос об организации охраны порядка в городе. Еще 21 сентября городская дума обсуждала вопрос о принятии мер для предотвращения возможности разграбления казенного винного склада[56]. Однако 8 октября в городе все же произошел погром: солдаты 154-го полка разгромили пивной склад и рейнский погреб, при этом были разгромлены и разграблены нескольких магазинов и квартир, беспорядки сопровождались пожаром. Погром был подавлен с помощью вооруженных патрулей из «благомыслящих» солдат и гражданского населения, военных отрядов из г. Вятки и Перми. В г. Глазов прибыл губернский комиссар П. Т. Саламатов[57]. 9 октября состоялись частное совещание гласных, а затем экстренное заседание городской думы, на которых во избежание повторения подобных инцидентов было решено уничтожить весь запас спирта в казенном винном складе и запасы пива, вывезти излишний керосин из города, организовать добровольную охранную дружину из жителей города, усилить электрическое освещение городских улиц[58]. Городскую дружину создать не удалось из-за отсутствия желавших, однако перед угрозой новых погромов 7 ноября приказом начальника Глазовского гарнизона было организовано вооруженное патрулирование города[59].

Одной из причин случившихся беспорядков стала продовольственная проблема. Очевидцы описывали, что первоначально солдаты производили обыски у местных торговцев в поисках припрятанных продуктов, а, обнаружив пивной склад, «не удержались». После подавления беспорядков солдаты выступили с инициативой проведения обысков у торговцев совместно с представителями городских организаций. Городская дума отказалась участвовать в обысках, считая их незаконными, однако уездная продовольственная управа санкционировала их проведение в качестве учета имевшегося в городе продовольствия[60]. Опасаясь дальнейших беспорядков, особенно при демобилизации армии, дума решила разработать проект охраны города, решить вопрос о ночных караулах и обложении населения сбором на их содержание[61]. В октябре дума решила нанять 30 эвакуированных солдат для несения ночных караулов, образовать из жителей города народную дружину[62].

В ноябре городская управа сообщала, что уездный и городской продовольственные комитеты не справляются с заготовкой и распределением продовольственных товаров населению, положение с продовольствием катастрофическое: «Муки в городе нет, лазареты городского союза остаются без хлеба, крестьяне же доставлять хлеб продовольственной управе отказываются»[63]. Городская управа, по поручению думы, приняла меры по закупке муки на местном рынке по вольным ценам и реализацию ее беднейшему населению по заготовительным ценам[64]. Угрозой продовольственному положению города стал вывоз хлеба и мяса из уезда приезжими скупщиками, однако остановить его городские власти были не в силах[65]. Представители торгово-промышленных кругов города в думе согласились предоставить городу беспроцентную ссуду в 80 тыс. руб. на срок до мая 1918 г. на закупку муки[66]. Денежные средства, хотя и не в полном объеме, были выделены городскому управлению[67].

В октябре — ноябре 1917 г. на повестке дня стоял вопрос об отношении к власти. Глазовская дума отрицательно отнеслась к захвату власти в Петрограде большевиками. Показательный диалог состоялся 31 октября на частном заседании гласных думы. Гласный К. И. Цекаловский выступил с красочной и образной речью, обвинявшей большевиков, «безумных фанатиков и предателей Родины», которые, «спекулируя на народном невежестве, отравили своим ядом полуграмотную, темную Россию и привели ее на край гибели»[68]. В ответ большевик прапорщик М. В. Драгунов предупредил: «Большевизм — идейное течение и нельзя называть его последователей изменниками и врагами народа… Глазовский Совет солдатских депутатов стоит на большевистской позиции. Этим Советом выпущено воззвание, в котором все граждане без различия партий и убеждений призываются сохранять спокойствие и порядок в городе»[69]. Он предупредил, что провокационные речи могут подтолкнуть Совет к активным действиям, «и тогда не избежать беспорядков»[70]. Уездный комиссар Г. К. Мельников отметил, что «настоящее собрание готово идти вместе с Советом солдатских депутатов, если он гарантирует спокойствие в городе»[71]. С ним был согласен гласный А. З. Варенов: «Хорошо было бы, если Совет солдатских депутатов был бы таким, как Драгунов, который стоит за мир и порядок в городе и с которым работать еще можно»[72]. А городской голова А. И. Милославский выразил, вероятно, мнение большинства горожан: «Чем бы в центрах борьба не кончилась, провинции нужен порядок и стройная организация продовольствия»[73].

Отношение к произошедшему перевороту было выражено на экстренной сессии думы 31 октября: «Глазовская городская дума… признавая, что никакой отдельный класс

не должен стремиться к захвату власти, что единственное спасение России только во власти, опирающейся на все живые силы страны, что вопрос о формах власти может быть решен только Учредительным собранием, находит, что насильственный захват власти представителями незначительной части российского пролетариата за месяц до созыва Учредительного собрания является гибельным актом для всей страны, играющим на руку врагу и контрреволюции, окончательно отдающим страну во власть анархии и разгрома. Посему городская дума обращается к населению с призывом сохранять спокойствие, подчиняться требованиям властей, установленным Временным правительством»[74].

Определенные ожидания и надежды на установление классового мира, прекращение революционного брожения возлагались обывателями на Учредительное собрание. Торжественное заседание Глазовской городской думы 28 ноября 1917 г. направило в адрес Учредительного собрания следующую телеграмму: «Торжественное заседание Глазовской городской думы с участием представителей общественных, политических и национальных организаций, за исключением Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и партии большевиков[75], единодушно приветствует открытие Учредительного собрания, оказывает ему всемерную поддержку, верит в творческую могучую силу всенародной воли, которая выведет Россию на светлый путь благоденствия, мира и свободы. Да не страшны ему будут никакие насилия и посягательства на его державные права. Да здравствует Учредительное собрание!»[76].

Как ни хотелось членам думы избежать прямой конфронтации политических сил, занимаясь исключительно хозяйственными вопросами, они не могли остаться в стороне от революционных событий. Узнав в начале декабря о попытке захвата власти большевиками в губернском центре г. Вятке, дума решила, что «пока протестовать нет надобности, т. к. в Глазове активного захвата власти нет и всякий протест приведет лишь к репрессиям со стороны большевиков», а в случае насильственного захвата власти большевиками «считать себя обязанными продолжать занятия»[77].

Участники революционных событий в г. Глазове (слева направо): стоят И. В. Попов, М. В. Драгунов, Н. А. Аммосов; сидят В. И. Малых, И. Я. Шубин, Куракин, С. П. Барышников, Н. Я. Шубин. 1918 г. (ЦГА УР. Ф. Р-1539. Оп. 2. Д. 317. Л. 1)

24 декабря 1917 г. по циркуляру Народного комиссариата внутренних дел единственным органом власти на местах были провозглашены Советы[78]. Постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. объявило контрреволюционными всякие попытки со стороны несоветских органов и учреждений присвоить себе функции государственной власти[79]. Однако Глазовская городская дума продолжала выполнять свои функции еще несколько месяцев. Последний протокол, имеющийся в делах фонда Глазовской городской думы, датирован 10 июня (28 мая) 1918 г.[80] В соответствии с постановлением Глазовского уездного исполкома Советов от 10 мая 1918 г. Глазовская городская дума была реорганизована в Коллегию городского хозяйства.

Таким образом, события 1917 г. повлекли за собой изменения во всех сферах жизни: политической, социально-экономической, морально-нравственной. Деятельность органов городского самоуправления протекала в тот период в чрезвычайных условиях. Глазовская городская дума пыталась решать первоочередные задачи по поддержанию стабильности и порядка в городе, снабжению населения продовольствием, организации городского хозяйства, однако в условиях политического и социально-экономического кризиса реализовать свои функции в полной мере ей не удалось. Усталость людей от войны, социально-экономические проблемы (инфляция, многократный рост цен на продовольствие и товары первой необходимости и др.) и непрекращающаяся борьба за власть все более радикализировали разные слои населения. С некоторым запозданием революционные события, произошедшие в Петрограде, и последовавшие за ними радикальные изменения достигли и окраин России.

Поступила 20.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ПСЗ Российской империи. 2-е собр. Т. 45 [в 3 отд-ниях] : 1870. СПб., 1830 — 1885. Отд. 1. Ст. 48498. С. 828 — 830.
[2] ПСЗ Российской империи. 3-е собр. Т. 12: 1892. СПб. ; Пг., 1885 — 1916. Ст. 8708. С. 430 — 456.
[3] См.: **Нардова В. А.** Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX века. СПб., 1994; **Калинин В. Д.** Из истории городского самоуправления в России (XVII — начало XX века). М., 1994; **Писарькова Л. Ф.** Московская городская дума. (1863 — 1917 гг.). М., 1998; **Лаптева Л. Е., Шутов А. Ю.** Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М., 1999 и др.
[4] См.: **Апкаримова Е. Ю.** Роль городского самоуправления и общественных организаций в развитии благотворительности в городах Среднего Урала в последней трети XIX — начале XX в. // Административно-территориальные реформы в России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества. Пермь, 2006. С. 197 — 204; **Евдокимова С. В.** Верхеудинская городская дума и вопросы благоустройства в конце XIX — начале XX в. // Вестник Бурятского госуниверситета. 2009. Вып. 7. С. 26 — 31; **Яковлева Т. Г.** Роль органов местного самоуправления в регулировании торговли в конце XIX — начале XX в. (на материалах Енисейской губернии) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 9 — 15; **Чудаков О. В.** Законодательная деятельность Временного правительства по реформированию городского общественного самоуправления (март 1917 — октябрь 1917 г.) // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). С. 20 — 23 и др.
[5] См.: Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917 — 1991 гг. Ижевск, 1995. С. 23.
[6] См.: Глазов : 1678 — 1989 гг. док. и материалы. Ижевск, 1992. С. 40 — 43.
[7] Там же. С. 48.
[8] Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 — 10 (далее — ЦГА УР).
[9] Там же. Д. 1. Опись журнальных постановлений Глазовской городской думы за 1913 г.
[10] Там же. Д. 2. Л. 1 — 10.
[11] Там же. Л. 162.
[12] Там же. Л. 12 — 22.
[13] Там же. Л. 12 об — 13 об.
[14] См.: Вестник Временного правительства. 1917. 5 (18) марта.
[15] См.: История Удмуртии. XX век. Ижевск, 2005. С. 35.
[16] ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 75 об.
[17] См.: Глазов. С. 51; ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 89.
[18] На заседании 11 мая дума исключила князя Горчакова как «злейшего врага свободы» из числа почетных граждан города (ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 148 об.).
[19] ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 75 об.
[20] Там же. Л. 76 — 76 об.
[21] Там же. Л. 85.
[22] Там же. Л. 78.
[23] Там же. Л. 81.
[24] Там же. Л. 155 — 155 об.
[25] Там же. Л. 81 об. — 82 об.
[26] Там же. Л. 87 об.
[27] Там же.
[28] Там же. Л. 86, 90.
[29] Там же. Л. 83, 90.
[30] Там же. Л. 85 об. — 86, 89 — 89 об.
[31] Там же. Л. 89 об.
[32] Там же. Л. 150.
[33] Там же. Л. 16 — 16 об.
[34] Там же. Л. 86 об.
[35] Там же. Л. 139.
[36] Там же. Л. 141 об. — 142.
[37] Там же. Л. 273.
[38] Там же. Л. 141 об.
[39] Там же. Л. 176 — 177.
[40] Там же. Л. 265.
[41] См.: Глазов. С. 52.
[42] ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 261 — 265; Д. 2а. Л. 364.
[43] Там же. Д. 2. Л. 143 об.
[44] См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый. 1 мая 1917 г. № 95. Ст. 529. С. 805 — 832 (далее — СУ).
[45] Там же. 8 июля 1917. № 157. Ст. 869. С. 1431 — 1455.
[46] ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 203 — 204, 218, 230 об.
[47] Там же. Л. 234 — 234 об.
[48] Там же. Л. 223 об.
[49] См.: Глазов. С. 60.
[50] ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2а. Л. 7 об.
[51] Там же.
[52] Там же. Л. 229 — 229 об.
[53] Там же. Л. 229 об — 230.
[54] Там же. Л. 230.
[55] Там же. Д. 2а. Л. 26.
[56] Там же. Л. 74.
[57] Там же. Л. 72.
[58] Там же. Л. 79 — 80.
[59] Там же. Л. 236.
[60] Там же. Л. 112 — 113.
[61] Там же. Л. 114.
[62] Там же. Л. 221 — 221 об.
[63] Там же. Л. 171.
[64] Там же. Л. 216.
[65] Там же. Л. 216 об., 256 об. — 257.
[66] Там же. Л. 242 об.
[67] На заседании 11 мая (28 апреля) 1918 г. городская дума приняла постановление: «Просить торгово-промышленный класс отсрочить уплату ссуды, данной городскому управлению на заготовку продовольствия, до 1 августа с. г. без процентов, при чем просить лиц торгово-промышленного класса, подписавшихся на займ, но не внесших подписанных денег, внести таковые в кассу городской управы» (ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 3. Л. 323 об.).
[68] ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2а. Л. 227 — 227 об.
[69] Там же. Л. 227 об.
[70] Там же. Л. 228.
[71] Там же.
[72] Там же. Л. 232.
[73] Там же. Л. 229.
[74] Там же. Л. 232 об. — 233.
[75] Представители исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов М. В. Драгунов и партии большевиков студент И. В. Попов в знак протеста покинули собрание (ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2а. Л. 249 об).
[76] ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2а. Л. 251.
[77] Там же. Л. 255 об. — 256.
[78] СУ. 1917. № 12. Ст. 179.
[79] СУ. 1918. № 181. Ст. 202.
[80] ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 3. Л. 400 — 404.

УДК 070(470.345)

Светлана Васильевна Пивкина,
Елена Михайловна Пыреськина

ТИПОФОРМИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: АУДИТОРИЯ, ТЕМА, ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

На примере радиопрограммы «Вайгель» («Голос»)

Периодические и продолжающиеся средства массовой информации (СМИ) современной журналистики, функционирующие в пределах конкретной административно-территориальной единицы, принято считать региональными. Данные виды СМИ сегодня представляют собой сложные, многоступенчатые подсистемы, объединяющие целую сеть различных медиаобразований, характеризующихся индивидуальными типологическими параметрами.

Типология СМИ — наука, которая заняла свою нишу в ряду других сфер исследования сравнительно недавно. Дифференциация средств информации по типовой принадлежности означает прежде всего определение того, каковы функции, признаки и структурно-содержательные ориентиры того или иного вида источника передачи новости аудитории. Рассматривая поставленный вопрос, отметим, что практически все современные теоретики журналистики выделяют схожие параметры. Приведем несколько точек зрения ученых по данному вопросу и убедимся в этом.

Еще два с половиной десятилетия назад Л. Л. Реснянская, анализируя областную периодику, акцентировала внимание на роли издающей организации и характере аудитории: «...Типические черты газеты... присущие каждому отдельному изданию, одинаково существенны для понимания механизма формирования индивидуального облика информационного издания. Место и роль областных органов прессы в газетной подсистеме определяют и масштаб области как типа региона, в состав которого входят менее крупные территориальные образования, где население образует территориальную общность, с единой схемой руководства и управления, экономической базой, национальными, социально психологическими особенностями. На типические черты областной газеты оказывает влияние характер ее аудитории»[1].

Е. А. Корнилов так пишет о типоформирующих факторах печати: «Типоформирующие факторы определяются тремя главными родовыми элементами массовых коммуникаций: „субъект управления — журналистика — объект управления“ или „издатель — издание — аудитория“. Эти три основных фактора существуют в неразрывной связи и взаимодействии друг с другом»[2].

Однако наиболее логичной представляется классификация В. И. Антоновой, утверждающей, что типоформирующими факторами любого средства информации являются[3]:

а) *издатель (учредитель)*. Основателем СМИ согласно российскому законодательству может быть любой субъект РФ либо коллектив (объединение) граждан, организация, учреждение, какой-либо государственный орган и т. д. Органы власти в месячный срок рассматривают заявку учредителя и ставят созданное учредителем СМИ на учет или отказывают в постановке;

б) *целевая ориентация средства коммуникации*. Любое СМИ направлено на формирование сознания, и у каждого существует собственная, отличная от других, целевая установка;

в) *аудитория*. Каждый конкретный тип (издание, медийный ТВ-канал, программа радио) ориентируется на

© Пивкина С. В., Пыреськина Е. М., 2017

«собственную» аудиторию, которая инициирует проблемно-тематический спектр информационных продуктов.

Отдельное издание, программа или передача отличается неповторимостью: имеются отличия в характере издающей организации, названии, тираже, объеме, размере полос, темах и проблемах, составе редакционного коллектива, качественном диапазоне жанровой палитры и, наконец, ориентации на определенную аудиторию.

На конкретной территории региональные СМИ не единственный источник информации. Население той или иной местности использует информацию и центральных (общероссийских) каналов, которые задают «нужный импульс» в освещении как федеральных, так и актуальных региональных тем и проблем. Исходя из этого тезиса необходимо различать информацию местную (региональную), обеспечивающую конкретный регион актуальными новостными сведениями о жизнедеятельности определенного периметра, и информацию универсальную, имеющую общегосударственное, мировое значение.

Местная информация необходима в регионе для его оптимального развития, интенсификации всех социально-экономических процессов, включения населения в процессы управления, самоуправления на уровне республики, консолидации жителей как социальной, территориальной, исторической и этнической общности. Подобная информация исходит из локальных условий функционирования местных СМИ, потребностей конкретной аудитории.

Вместе с тем газета — не единственный источник новостной, аналитической информации на уровне отдельной административной территории. Наряду с периодической печатью в регионах функционируют теле- и радиопрограммы, в которых поднимается ряд социально-значимых тем. Например, в Республике Мордовия вопросы возрождения духовно-нравственных ценностей, утверждения национального самосознания эрзян и мокшан занимают достойное место в сетке вещания.

Традиционная народная культура — глубинная основа всего многообразия направлений, видов и форм культуры современного общества. В ней закреплен накопленный веками опыт практической и духовной деятельности, через нее формируются важнейшие национальные идеалы, моральные принципы и нравственные установки, регулируются нормы социальных, семейных, общинных, трудовых отношений между поколениями. Если эти истоки, эти корни будут сохранены, никакие внутренние проблемы и потрясения, террористические и экстремистские угрозы не будут страшны, а «...великая Россия будет развиваться и процветать, потому что для любого народа главное — это духовная основа, выраженная в его исторически сложившихся традициях»[4].

Для каждого этноса журналистика так или иначе является средством переосмысления различных национальных проблем, рычагом поиска новых идей для дальнейшего развития[5]. Ярким примером служит мордовское радиовещание, которое ведет начало с 30-х гг. XX в., когда Мордовский округ был преобразован в Мордовскую автономную область. Этот период занимает особое место не только в истории мордовской государственности, но и в истории республиканского радиовещания. Исходя из задач дальнейшей ликвидации экономической и культурной отсталости расширилась сеть газет и журналов, в больших масштабах развернулась радиофикация — в столице

Редактор радиопрограммы «Вайгель» С. В. Пивкина

Мордовской автономной области начала работу широковещательная радиостанция с передачами на русском и мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. 28 ноября 1930 г. впервые прозвучали позывные и начались регулярные передачи на мордовских языках[6].

К концу 90-х гг. XX в. сформировалась новая структура радиовещания, возник широкий спектр разных по типам радиостанций. Наряду с государственным радиовещанием стремительно развивались коммерческие, частные и другие станции. Их появление привело к качественно новой ситуации в радиоэфире. Становление в кратчайшие исторические сроки (6 — 7 лет) негосударственного радио означало конец государственной монополии на радиовещание и появление рынка электронных масс-медиа[7].

Национальное радио «Вайгель» («Голос») впервые вышло в эфир 2 апреля 2007 г. Оно появилось в резуль-

Победа радиопрограммы «Вайгель» в Республиканском журналистском конкурсе Главы Республики Мордовия «Интонация»

тате конкурсного отбора, который выиграло АУ «Мордовия — 7 дней». Учредителем радиопрограммы является Правительство Республики Мордовия. При проведении конкурса участники должны были выполнить ряд условий. Это прежде всего наличие статуса юридического лица, производственных мощностей и оборудования, позволяющих осуществлять качественное выполнение работ по производству радиопрограмм. Немаловажными требованиями были наличие кадрового потенциала — лиц, имеющих необходимые профессиональные знания и квалификацию, стабильное финансовое состояние, платежеспособность, качественные бухгалтерский учет и делопроизводство.

Сегодня радио вещает на частоте 73,88 УКВ. Время вещания с 16.00 до 19.00 и с 16.00 до 17.00 — в эфир выходит программа «Казне» («Презент»), с 17.00 до 18.00 — тематические передачи на эрзянском языке; с 18.00 до 19.00 — передачи на мокшанском языке.

Главной целью общественно-политической и информационно-музыкальной радиопрограммы «Вайгель» являются пропаганда языка, литературы, культуры и традиций мордовского народа, сохранение и развитие мордовского этноса. В задачи передачи входят раскрытие самобытности и возрождение этнического самосознания эрзян и мокшан.

Передача отражает вопросы общественно-политической, социально-экономической, сельской, образовательной, культурной и духовной жизни республики. Деятельность журналистов выстраивается на принципах интернационализма, дружбы, взаимопонимания, толерантности по отношению к другим народам и конфессиям.

В эфирах освещаются наиболее значимые события жизнедеятельности мордовского народа, происходящие как в республике, так и за ее пределами. Дается информация о жизни мордовской диаспоры и всего финно-угорского мира. Ежедневно готовятся к эфиру «Новости республики» и «Финно-угорские новости». Новостные блоки состоят из трех-четырех новостей, которые обычно берутся из русскоязычных интернет-сайтов и переводятся на мордовские (мокша и эрзя) языки.

В эфире постоянно звучит мордовская музыка — самодеятельная и профессиональная. Активно пропагандируется эстрадная форма музыкальных традиций мордвы среди молодежи. В архиве собрана музыкальная коллекция. В самой студии программы «Вайгель» ведется запись мордовских песен, в том числе детских.

Популярны многие рубрики радиопрограммы. Большой интерес представляет рубрика «Сась инже» («Гость студии»), ее герои — певцы, композиторы, актеры, труженики села, педагоги, врачи и писатели.

Немаловажным в работе радиопередачи «Вайгель» является приобщение молодого поколения к языковым и культурным традициям. Еженедельно выходит в эфир рубрика «Тиринь вал» («Родное слово»), где слушатель знакомится с произведениями мордовских писателей. Нередко рубрика готовится совместно с самими авторами произведений. За несколько лет накопился значительный архив аудиопроизведений мордовских прозаиков и поэтов. Были записаны спектакли, которые шли на сцене Национального театра РМ.

Отдельное место занимают детские рубрики, цель которых учить младшее поколение бережно относиться к родной истории, языку и литературе, обычаям; повышать уровень национального образования и национального самосознания. Это рубрики «Пейдельканъ кужине» («Смешная полянка») и «Смузень арьзяня» («Детская полянка»). В эфире звучат сказки, стихи и рассказы, которые часто читают сами дети. В создании детской рубрики большую помощь оказывают воспитанники детских садов и учащиеся школ.

Журналисты радиопередачи стремятся не оставаться в стороне от жизни мордовского края в целом. Значимые события, происходящие в нашей многонациональной республике, отражаются в еженедельных передачах. Так, ежедневно обновляются рубрики «Содамочинь нупаль» («Светлица знаний», «Пингень гайть» («Звон века»), «Эрямонь тешкст» («Приметы жизни»), «Раськень вий» («Сила нации») и т. д.

По мнению Ю. А. Мишанина, «конец XX века и начало XXI в. —

это период, когда расширяется масштаб журналистской деятельности и повышается роль журналистики в современном обществе»[8]. И программа «Вайгель» тому подтверждение. Большая часть коллектива — выпускники Мордовского университета им. Н. П. Огарёва, окончившие филологический факультет. В течение десяти лет в редакции работали и работают С. В. Пивкина (редактор), Т. И. Ларина, Т. Н. Михалкина, М. Ф. Агеева, Е. А. Кирдяшкина, Л. И. Вирякина, С. П. Сюваева, Е. Н. Старкина, Н. А. Эрзяйкина, Л. И. Савостькина, звукорежиссеры А. П. Асташин и В. А. Акулинин.

Журналисты редакционного коллектива — народ творческий. Многие из них пишут стихи, которые публикуются в местных и российских журналах и газетах, занимаются исследовательскими работами, оформляют научные статьи, бывают на многих мероприятиях, проходящих как в республике, так и за его пределами. Прекрасно знают, как живут финно-угры, а это ощутимо помогает национальному корреспонденту передать информацию культурного характера аудитории.

Довольно часто день на радиостанции начинается с дискуссий. Темы — разнообразные. Например, обсуждается применение того или иного слова, точный перевод тех или иных выражений.

Сотрудники радиопрограммы являются участниками различных конкурсов, в том числе всероссийского «СМИротворца» (организаторы Министерство регионального развития РФ и Гильдия межэтнической журналистики) и ежегодного конкурса Главы Республики Мордовия. Победы в этих и других творческих состязаниях являются свидетельствуют, что передачи радио интересны, востребованы и профессиональны.

Наряду с основной работой, коллектив программы занимается общественной деятельностью. Сотрудницы являются членами МАФУНа, входят в союзы женщин Мордовии «Литова» и «Юрхтава», ведут благотворительную работу. В редакции организуются встречи, круглые столы и мастер-классы. Частые гости редакции школьники и студенты.

Студия программы оснащена современным оборудованием, что позволяет выпускать качественные по звучанию радиоэфиры. Однако существенными недостатками являются маленький диапазон и неудобная частота вещания, что вызывает постоянные нарекания. Следует учитывать и то, что основной радиослушатель — носитель языка, живет на селе, куда эфиры программы «Вайгель» не доходят. Кроме того, творческая работа корреспондентов и звукорежиссеров усложняется маленькой площадью студии и ее неудобным месторасположением.

Стремительное развитие современных технологий требует быстрого развития методики их использования. Для большей популяризации мордовской культуры и языка редакция радиоканала создала сайт (www.vaigel.ru), где выкладываются эфиры, что позволяет увеличить охват небольшого вещания. Кроме того, здесь размещены различные рубрики в звуковом и текстовом формате. Это один из немногих в республике порталов на мордовских (эрзя и мокша) языках, который отражает вопросы общественно-политической, социально-экономической, сельской, образовательной, культурной и духовной жизни Региона-13.

Следует также отметить, что у программы имеется страничка в соцсетях — ВКонтакте, и она весьма популярна. Расширение функционирования мордовских языков, таким образом, позволяет обеспечивать СМИ реализацию положений Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Мордовия о праве граждан на пользование родным языком и получение информации на родных языках, служит укреплению позиций национальных языков как на территории Мордовии, так и в регионах компактного проживания мокшанского и эрзянского населения за ее пределами.

Резюмируя вышесказанное, мы можем утверждать, что сегодня радио «Вайгель» — это полноправное СМИ, занявшее свою нишу в мордовской культуре в целом. А журналисты радио — не просто специалисты, владеющие секретами радиовещания, но и достойные представители мордовской интеллигенции.

Поступила 10.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] **Реснянская Л. Л.** Особенности процесса формирования системы современной периодики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1996. № 3. С. 6 — 13.

[2] Система средств массовой информации России : учеб. пособ. для студентов вузов, обуч. по специальности «Журналистика» / [Я. Н. Засурский, М. И. Алексеева, Л. Д. Болотова и др.]. М., 2003. С. 15.

[3] См.: **Антонова В. И.** Региональная пресса в системе российской журналистики: типология и жанрообразование. Саранск, 2006. С. 17.

[4] **Харитонова С.** Мы единный народ, один народ, и Россия у нас одна! // Финно-угорская газета. 2016. № 4. С. 1 — 2.

[5] См.: **Антонова В. И.** Указ. соч. С. 160.

[6] См.: Радио Мордовии: вчера сегодня, завтра / Филиал ФГУП ВГТРК Гос. телевизионная и радиовещательная компания «Мордовия» ; [сост.: В. А. Сульдин, И. В. Прохорова] ; общ. ред. и послесл. С. Н. Десяева. Саранск, 2010. С. 184.

[7] URL: evartist.narod.ru›text/65.htm

[8] **Мишанин Ю. А.** Мордовский народ в журналистике России (XIX — начало XXI в.) : монография. Саранск, 2014. С. 284.

УДК 82.0

Делгир Юрьевна Топалова

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛМЫЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1920 – 1930-е гг.

Вынужденный исход калмыцкого населения в годы Гражданской войны в страны Европы совершался в рамках первой волны русской эмиграции и явился, по сути, национальной трагедией. В ходе боевых действий белогвардейские войска (в лице донских калмыков и донских казаков) были постепенно вытеснены с калмыцкой территории. Остатки Добровольческой армии В. П. Врангеля, а вместе с ними и местные мирные жители были вынуждены уходить до Кубани, после в Крым, города Турции, Болгарии, Королевство сербов, хорватов, словенцев и Чехословакию. Став в одно мгновенье беженцами, люди потеряли все: семью, дом, социальное положение. Оказавшись на чужбине, каждый из них мечтал вернуться домой, поэтому изгнание многими воспринималось как временное явление. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. многие из калмыков мигрировали на север и юг Франции, единицы уехали в Словакию, Аргентину, некоторая масса вернулась в Россию. В начале 1950-х гг. многие эмигранты постепенно перебрались в США[1].

Вопрос репатриации калмыков является отдельной темой исследования. В начале 1920-х гг., когда активно проходил процесс образования Калмыцкой автономной области, некоторым эмигрантам посчастливилось осуществить мечту и вернуться домой. Согласно архивным документам, благодаря работе Президиума ВЦИК совместно с Коллегией Калмыцкого комиссариата по делам национальностей (Наркомнац), уполномоченными представителями которого были Антон Мудренович Амур-Санан[2] и Овше Шеринович Насунов[3], люди смогли обустроиться на родине и даже получить работу. Однако постановление ВЦИК от 21 ноября 1921 г.[4] «просуществовало» лишь до конца 1920-х гг. В 1931 г., приехав в родные края, репатрианты подверглись массовым репрессиям и расстрелам[5]. Понимая, что назад пути нет, эмигранты были вынуждены приспосабливаться к тяжелым условиям жизни. Нищенские условия существования сопровождались тяжелыми условиями труда. В основном люди занимались изнурительной физической работой: на цементном производстве, в шахтах, в поле, на заводах, на постройке шоссе и железных дорог и т. п.; лишь единицы могли позволить себе работать швеями, таксистами, поступить на военную службу.

В начале 1920-х гг. благодаря толерантной инициативе Правительства Чехословакии в лице первого президента страны (в 1918 — 1935 гг.) Томаша Гаррига Масарика (1850 — 1935), крупного ученого-гуманиста, Прага стала не просто гостеприимным приютом для калмыцкого народа, но и духовно-культурным, просветительским и литературным центром, направившим людей на «светлый путь знания»[6]. Люди имели возможность получить образование, работать, заниматься общественно-политической и культурной деятельностью.

Знаменательным событием в общественно-культурных кругах калмыцкой диаспоры Праги стало открытие в 1923 г. под председательством Б. Н. Уланова организации «Калмыцкая комиссия культурных работников» (КККР). Ее основную платформу занимали представители калмыцкой интеллигенции того периода: Б. Н. Уланов, С. Б. Баянов, С. Б. Балыков, Э. Д. Хара-Даван, Д. И. Ремелев, Н. Э. Нимбушов, Д. Н. Баянова, Ш. Н. Балинов, Б. Б. Кушлынов (позднее, в конце 1920-х гг., ввиду идеологических разногласий он был исключен из организации), Н. И. Маглинов, Э. М. Бурульдушев, Э. К. Николаев и др. В инокультурной среде, в отрыве от родного очага первая задача, остро стоявшая перед эмигрантами, — сохранение памяти и национальной идентичности. Адаптация в новых тяжелых условиях жизни и одновременно страх вечного забвения активизировали у калмыков непре-

© Топалова Д. Ю., 2017

одолимое желание во чтобы то ни стало сохранить национальные традиции и культурное наследие. Поэтому задачи, которые ставила перед собой КККР, сводились к следующим положениям: 1) создание духовных основ культурного возрождения калмыцкого народа; 2) возрождение калмыцкой национальной литературы; 3) собрание памятников калмыцкого устного народного творчества, литературы на калмыцком, монгольском, тибетском, санскритском языках; 4) собрание и приобретение предметов буддийского духовенства; 5) создание библиотеки из беллетристической литературы, исторической, этнографической, религиозно-философской и прочей литературы, отвечающей целям комиссии[7].

Помимо перечисленных вопросов перед членами КККР стояла еще одна важная миссия — создание собственной прессы. В целом, КККР было выпустила шесть книг — пять выпусков хрестоматии «Хонхо» («Колокол») и «Калмыцкую грамматику» В. Л. Котвича. Кроме того, КККР опубликован ряд журналов: «Ойрат» — один номер, «Улан Залат» — три номера, «Информация» — один номер.

Наряду с этим следует отметить, что в Калмыкии в тот момент также проводилась политика, нацеленная (помимо большой работы по организации Советов) на сохранение культурного наследия. Еще в 1910 г. Управление калмыцким народом (УКН) закупило полиграфическое оборудование и инвентарь, составляющие производственную базу. В июне того же года была организована небольшая типография, в которой выпускались брошюры, учебники и календари на калмыцком языке[8]. С 1919 г. стало выходить национальное периодическое издание «Улан хальмг» («Красный калмык»). К 1926 г. выходили такие газеты, как «Улан хальмг», «Вестник Калмыцкого обкома РКП(б)», «Ойратские известия», «Калмыцкая область», а также различные брошюры пропагандистского характера. В то же время ощущалась необходимость в выпуске литературы более широкого спектра: книжно-журнальной, учебно-педагогической. В связи с этим на заседании Калмыцкого областного исполнительного комитета было принято решение об образовании областного книжного издательства[9].

К концу 1920-х гг. наряду с развитием издательской деятельности в эмиграции печатное дело в Калмыкии начало развиваться особенно активно. Так, в 1925 г. обком ВКПБ(б) Калмыцкой автономной области и облисполком принял решение издавать журнал на калмыцком языке — «Мана келн». Он вышел 22 марта 1928 г. Первый журнал в Калмыкии носил общественно-политический и литературно-художественный характер, являяясь органом калмыцкого отделения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Издание выходило ежемесячно в объеме двух печатных листов. Тираж — 1 000 экземпляров. Редактором журнала был Ишля Бадмаев.

Следует отметить, что главной целью указанного издания являлось развитие новой калмыцкой литературы. Под непосредственным руководством редакции журнала в калмыцкой истории впервые была создана организация пролетарских писателей и поэтов. В нее входили от 25 до 35 членов: Нимгир Манджиев, Аксен Сусеев, Санджи Каляев, Баатр Басангов, Хасыр Сян-Белгин и др.

К 1928 г. печатное дело активизировалось. Так, за 1928 г. вышли шесть изданий: брошюра «Жиндиг гемни баса Жолкин Шанкр» (тираж 1 500 экземпляров), «Хорха гемни» и «Вредные национальные обычаи» У. Душана; «Буддо-ламаизм» Х. Канукова; перевод Лиджи Нармаева калмыцкого героического эпоса «Джангар»; четыре номера журнала «Мана келн»[10]. Во второй половине 1928 г. часть типографии была переведена из Астрахани в Элисту, где 1 августа того же года было открыто Элистинское отделение Типографии Калмиздата.

В истории калмыцкой эмиграции первый журнал вышел на три года раньше, чем на родине, в Калмыкии, — в 1925 г. в Белграде и имел символическое название для калмыцких читателей-эмигрантов — «Ойрат». Его инициаторами были Нури Маглинов, студент медицинского факультета, уроженец станицы Денисовской, Эренцен Бурулдушев, студент агрономического факультета, уроженец станицы Граббевской, и Санджа Степанов, студент юридического факультета, уроженец станицы Кутейниковской[11]. Ответственным редактором по просьбе «первооткрывателей» стала Данара Баянова, родная сестра руководителя КККР Бадмы Уланова.

Структура журнала была представлена в форме обмена мнениями по проблеме национального объединения — насильственного переселения донских калмыков в Калмыцкую автономную область, образованную в 1920 г. Издание журнала «Ойрат» было ограниченно лишь первым выпуском. Из-за разногласий в среде КККР относительно содержания второго издания последующие его номера не вышли. Полностью подготовленный второй выпуск журнала был сдан в архив КККР, судьба которого на сегодня неизвестна, равно как и архивов личного происхождения. Вероятнее всего, какая-то часть документальных материалов КККР сохранилась у родственников эмигрантов, а также в государственных архивных фондах в странах Западной Европы — Чехии (Прага) и Германии (Берлин). Эти ценные источники, а также рукописное наследие национальных деятелей, лидеров калмыцкого зарубежья по-прежнему недоступны для российских исследователей.

В 1927 г. вышел первый номер эмигрантского журнала «Улан Залат» («С красной кистью»[12]). Из трех изданных номеров: два были на русском и калмыцком языках и один на рус-

ском языке. Главным редактором журнала выступил Б. Н. Уланов, членами редакции — Э. К. Николаев, С. Б. Баянов и Д. И. Ремелев. По мнению исследователя Э.-Б. Гучиновой, издание явилось первым опытом калмыцкой эмиграции в области политической публицистики. Однако мы позволим себе не согласиться с этим, поскольку первый опыт эмигрантов в этой сфере деятельности был связан все-таки с изданием журнала «Ойрат», главной идеей которого было объективное обсуждение проблем, связанных с изучением социально-хозяйственных и политических факторов в послереволюционный период.

К началу 1930-х гг. деятельность КККР прекратилась. Тогда же во Франции под руководством ярких общественно-политических деятелей Санжи Балыкова и Шамбы Балинова была создана другая общественная организация — «Хальмг Тангачин туг» и открыт новый печатный орган — «Цahан өвсня дольган» («Ковыльные волны») на калмыцком и русском языках. В целом, вышли 16 номеров журнала «Ковыльные волны»[13]. В связи с тем, что размеры субсидий, выдаваемых правительством Чехословакии, к тому времени постепенно сошли на нет, журнал издавался на личные средства издателей, а также на сбор тех пожертвований, которые, несмотря на всеобщие тяжелые экономические условия в эмиграции, присылали из разных стран зарубежья земляки. Немаловажен был и капитал, получаемый от реализации издания.

Издание носило национально-политический и, как и все предыдущие, решительный антибольшевистский характер. Идейно-тематическое содержание издания определяла демократическая тенденция, направленная на освобождение народа совместно с казачеством от советской власти. В качестве посильной силы рассматривалась идея объединения всех народов в одну общую национально-территориальную единицу, центром которой было бы независимое федеративное Казачье Государство. Одной из его составных частей должны были быть донские калмыки-казаки.

Несмотря на определенную идейно-политическую направленность журнала, издавались и литературные материалы авторов-эмигрантов. Особую доброжелательность редакция проявляла к молодой поросли литераторов. Отбор материалов в журнал был не столь требовательным. Так, не имел значения общий объем поступившей в печать статьи. Наличие обратной работы с автором, по всей видимости, также отсутствовало, более принципиальное значение имела общая наполняемость номера. С особой благодарностью редакция принимала заметки о жизни эмигрантов на местах их пребывания, выдержки писем с родины, статьи по казачьим вопросам, а также по проблемам калмыцкой эмиграции. Для калмыцкой эмиграции на первом месте всегда стояло развитие общественной мысли, вот почему публицистике придавалось особое значение. Она касалась всевозможных тем общественно-политического, национально-исторического, художественного и эстетического характера. Таким образом, журнал был рассчитан как на простого обывателя, так и на интеллектуальную часть читателей.

Постоянными авторами были сами члены редакционной коллегии — С. Балыков (он же Аюл Манцынов, Шалвур Ниминов, Бадня Цагаков и др.) и Ш. Балинов, а также другие лидеры калмыцкой эмиграции и казачества — Э. Хара-Даван, С. Кульдинов, Г. Барашкин, В. Балабин, И. Быкадоров и др. Из калмыцких литераторов — С. Аршинов и др. В числе неизменных были также казацкие поэты и писатели: Владимир Поляков (возможно, он же Константин Поляков, Павел Поляков), Алексей Персидсков, Борис Кундрюцков и Петр Крюков, Николай Келин).

Выход печатного издания «Хонхо», запущенного в 1925 г., с воодушевлением встретили в среде калмыцкого зарубежья. Своеобразной манифестацией стал вектор работы КККР направленный на сохранение истинно художественной традиции устного народного творчества. Для эмигрантов, оказавшихся вдали от родины, калмыцкий фольклор представлял собой непреходящую ценность и основу дальнейшего развития национальной культуры. Преследуя цель сохранить национальные традиции, члены КККР целенаправленно занимались сбором и изданием фольклорных произведений, в частности текстов донских калмыцких песен, сказок, пословиц и поговорок. Основополагающее место в культуре калмыцкой диаспоры отводилось калмыцкому героическому эпосу «Джангар». Как отмечают исследователи И. В. Борисенко и А. Т. Горяев, содержание репертуаров любительского театра и музыкального ансамбля, основные мероприятия национально-культурного характера, просвещенческая и научная деятельность базировались на нем[14].

Выход первого номера «Хонхо» был особо знаменательным событием для представителей эмиграции. Хрестоматия выходила на ойратском «Ясном письме» («Тодо бичиг») литографским способом.

Говоря о визуальном оформлении хрестоматии «Хонхо», можно сказать, что оно было достаточно оригинальным. Так, художественное оформление титульных страниц всех номеров было ностальгически связано с темой родины и несло в целом этническую символику. В самом названии — «Хонхо» — первая буква имеет символическое изображение в виде колокола и буддийской ваджры[15]. Титульные страницы всех номеров, за исключением второго выпуска, были проиллюстрированы. Так, в первом номере изображена кибитка на фоне степи, в третьем, четвертом и пятом

номерах подобный рисунок дополнили образ лошади и изображение мужчины, по всей видимости, в военной форме. В последнем, пятом издании, основное содержание предваряло изображение тюльпана — главного символа калмыцкой степи. Шмуцтитулы некоторых номеров хрестоматии также сопровождаются дополнительным изобразительным оформлением, сделанным от руки. Например, в первом выпуске приклеены небольшие по размеру портреты людей, оказавших, духовную и материальную поддержку калмыцким эмигрантам в плане зарождения печатного дела, — профессора В. Л. Котвича[16] и Томаша Гаррига Масарика. На титульных страницах других номеров, например второго выпуска, также в знак особой признательности от представителей всей калмыцкой эмиграции наклеен фотопортрет национального деятеля Чехословакии, министра иностранных дел Эдварда Бенеша (1818 — 1945), ставшего впоследствии вторым президентом Чехословакии[17].

Идея создавать национальную литературу на калмыцком языке и родном письме[18] — письменности «Тодо бичиг»[19] — пришла, по словам видного деятеля калмыцкой эмиграции Бадмы Уланова, после прохождения месячного курса слушания лекций по национальной культуре В. Л. Котвича. Отмечалось, что, несмотря на искреннее желание достичь некоего изящества, легкости, стройности, внутренней гармонии, свойственной калмыцкому языку, в записях фольклорных текстов, ввиду отсутствия профильных специалистов, наблюдались некоторые шероховатости и неточности. Однако создатели хрестоматии старались учитывать при работе пожелания, которые были любезно предоставлены В. Котвичем.

Цель эмигрантского издания «Хонхо», согласно замыслу КККР, заключалась в создании национальной литературы на родном языке, сохранении языка и памятников духовного творчества. Одной из задач издателей хрестоматии выступало сохранение сведений о родине, о столь «близких, знакомых, милых, родных предметах калмыцкого быта и обихода»[20], что было особенно важно для молодого поколения и детей, проходивших социализацию вне пределов родины. Подобная информация была представлена в качестве примеров для чтения на «Тодо бичиг», обучение которой проводилось по привычной схеме: «от простого к более сложному».

Композиция всех номеров хрестоматии «Хонхо» практически одинакова. Каждый из них открывалась предисловием, представленным вначале на русском языке, а затем на калмыцком (на старокалмыцкой письменности «Тодо бичиг»). Так, вступительное слово к первому, второму и четвертому номерам было написано Б. Улановым. Основному содержанию третьего предшествует три предисловия. Первое было написано С. Баяновым, второе — Б. Улановым, третье содержало вступительное слово Ш. Болдырева, учебнику которого и был посвящен этот выпуск. Введение к пятой книге «Хонхо» было подготовлено С. Баяновым.

Следует отметить, что материал первых двух выпусков не был структурирован, за исключением лишь начала первого номера, выстроенного более логично. Так, после предисловия на четырех страницах первой книги составители представили алфавит «Тодо бичиг» и отдельные слоги. Закреплялась эта обучающая часть упражнениями на девяти страницах, систематизированными Д. Н. Баяновой (Улановой). Далее материал, ввиду отсутствия тематических рубрик, был распределен хаотично. Что касается калмыцкого письма, в среде калмыцких эмигрантов возникали разногласия, поскольку не все члены КККР были согласны с тем, чтобы издавать журнал именно на старокалмыцком. Так, в уже упомянутой статье «Краткий обзор калмыцкой печати в эмиграции» С. Балыков замечает: книга печаталась на «Тодо бичиг», и оказалась малодоступна калмыками, ибо лишь только два эмигранта из десяти знали и читали «Тодо бичиг». Поэтому издание не находило живого отклика и интереса у рядового читателя, а также для массового самосознания[21].

В содержании двух выпусков «Хонхо» обращает на себя внимание достаточно большое количество басен. По справедливому мнению Б. А. Бичеева, из общего содержания фольклорного материала они не выделяются: «Дидактическая мораль басен с действующими звериными персонажами близка по духу национальному фольклору»[22]. Исследователь имеет в виду санскритский памятник повествовательной прозы «Панчататра», сложившийся в III — IV вв. и ставший одним из источников басенного сюжета в мировой литературе. Более того, можно отметить, что, небольшие по объему и простые в плане содержания басни имели иллюстративный характер и несли методологическую важность, так как были представлены в качестве текстов для чтения.

Начнем с первого номера «Хонхо», который был выпущен в Праге в сентябре 1925 г. В него вошли часть материалов, собранных профессором В. Л. Котвичем, одна глава из эпоса «Джангар», заимствованная из изданной в России «Калмыцкой хрестоматии», сведения из калмыцко-тибетского календаря и названия хурулов (буддийских храмов), любезно предоставленные членом Комиссии Н. Э. Нимбушевым (бакшой (учителем) Новоалексеевского хурула[23]), легенда о нойоне Цебек-Дорджи, по памяти записанная воспитателем Пражской русской гимназии Доржи Ремелевым. В издание вошли и басни: индийская — «Савитри», обозначенная в содержании как повесть, и И. А. Крылова

в переводе С. Б. Баянова (на тот момент учителя калмыцкого языка и буддийского вероучения пражской Русской гимназии). Что касается песенного содержания, то большая часть музыкальных произведений, представляющих собой протяжные песни донских калмыков, была записана со слов Н. Д. Улановой[24]. Некоторые песни были взяты из коллекции записей гимназистов-калмыков. Ш. Н. Балинов представил в номер хрестоматии сведения, связанные с домашним обиходом калмыцкого быта, а также пословицы и поговорки. Приведем в качестве примера фрагмент содержания хрестоматии[25].

Содержание хрестоматии «Хонхо» (1925. № 1). Фрагмент

Предисловіе на русском языке	—	—
Предисловіе на калмыцком языке	—	—
Алфавит и отдѣльные слоги	—	—
Примеры для упражнений	—	—
Харā келң тоҗрун Песня	Хар келн тоһрун	Черноголовый журавль
Зӯн шарһ мөрн Песня	Зун шарһ мөрн	Сто соловых коней
Дни недели, названіе станиц и хурулов донских калмыков	—	—
Өвген арāта хоҗор Басня Крылова	Өвгн арат хойр	Старик и лиса
Сар мӧчң козилдур хоҗр Басня	Сар мөчн козлдур хойр	Мартышка и очки
Цаҗахін толһан дольҗані Песня	Цаһан толһан дольган	Волны белоголового ковыля
Хунә, цая, цурхj җурбен Басня	Хун, цая, цурх һурвн	Лебедь, рак и щука
Тӯла меклē хоҗр Басня	Туула меклэ хойр	Заяц и лягушка
Самрін җурсоң толҗа Песня	Самрин һурвн толһа	Три кургана Самри
Ямдэ дурта бāкра Басня [здесь составители, скорее всего, сделали опечатку, так как подобной басни в творчестве И. А. Крылова не было. Возможно, редакционная коллегия имела в виду, что это песня]	Ямд дурта баакра	Бакра, любящий Ямдю
Овшi хāнā дӯн Песня	Овш хаана дун	Песня о хане Убаши
Чонә тоҗорун хоҗр Басня	Чон тоһрун хойр	Волк и журавль
Манцэ гідек җол Песня	Манца гидг һол	Река, называемая Манц
Ψирн сӯгін усн Песня	Жирн сүүгин усн	Воды шестидесяти подножий
Ецегін сурҗмж Басня	Эцкин сурһмж	Наставление (урок) отца
Гӧрӧсн чонә хоҗр Басня	Гөрэсн чон хойр	Олень и волк
Урлдāнінтн бӧрэ Песня	Урлдана бөрэ	О трубе (используемой) на скачках [бүрэ — труба, рожок. Вероятно, на скачках он использовался для подачи стартового сигнала, например перед забегом]
Арäта зāн хоҗр Басня	Арат зан хойр	Лиса и слон
Арäт міс хоҗр Басня	Арат мис хойр	Лиса и кошка
Кермн чонә хоҗр Басня	Кермн чон хойр	Белка и волк
Ервлзксң шӯрани Песня	Эрвлзгсн шуурани	Покачивающаяся трава
Чонс болн нохāс Басня	Чонс болн нохас	Волки и собаки
Бӯтӯ бӯтӯ модон Песня калмыков, привезенная путешественником Илюмжа Дертиновичем Асаковым из Тибета	Бүтү бүтү модн	В темном дремучем лесу
Бӧкӱпі кӧвӱн җунун наста Бӱргд Песня	Бөкүнэ көвүн һунн наста бүргд	Сын комара и трехгодовалый беркут
Гесīген таткси шарда Песня	Гесэн татсн шарһ	Соловый, подобравший живот
Зāн мосн хоҗр Басня	Зан мөчн хойр	Слон и обезьяна
Нарн чіні мандлва Песня	Нарн чини мандлв	Твое солнце взошло

Окончание

Хобдг ноха	Басня	Ховдг ноха	Ненасытная собака
Арāта цая хоjр	Басня	Арат цая хойр	Лиса и рак
Хурһд	Басня	Хурһд	Ягнята
Эмгн кӯнӧ зӗрд	Песня	Эмгн күүнә зеерд	Рыжий (конь) старухи
Хоjр хулһәнін кӯр	Басня	Хойр хулһнын күр	Беседа двух мышей
Амбар доро бдсң хулҗәнин тӯшә	Басня	Амбар дор бәәсн хулһнын тууж (басня)	История о мыши, которая жила под амбаром
җалдан церен Ψиψетнә дӯн		Галдан Церен Жиҗетнә дун	Песня о Галдане Церене из Джиджятня
Тарāни бӱчр	Басня	Тарāни бүчр	Листы и корень
Арслңг хулҗна хоjр	Басня	Арслң хулһн хойр	Лев и мышь
Өвгн ӱкл хоjр	Басня	Өвгн үкл хойр	Старик и смерть
Худлін уртк	Басня	Худлын урдк	То, что предшествует смерти
Арслң арāта хоjр	Басня	Арслң арат хойр	Лев и лиса
җал мāніген җаңхӯлад	Песня	Һал мааниг һаңхулад	Развивающийся флажок мани [религиозный флажок, на котором написана молитва]
Цебек Дорψi ноjна тӯψi		Цебек Дорж нойна тууж	Легенда о Цебек Дорджи
Дӧрбн өнцкта Сӧмӧр ӯл		Дөрвн өнцгтә Сөмр уул	Гора Сумеру с четырьмя сторонами
Эмгн өвгн хойр	Сказка	Эмгн өвгн хойр	Старик и старуха
Хойр деглен хорōндә	Песня	Хойр деглән хоорнд (дун)	Между двух кибиток (песня)
Ψаңҗр, глава I	Поэма	Жаңһр глава 1	Джангар 1 глава (поэма)
Дуңг бӱрен ajсар	Песня	Дуң бүрән айсар	Под мелодию трубы и раковины [дуң — уст. музык инструмент из раковины]
Заңгта җолін экіндг	Песня	Заңгта һолын экнд	У истока своенравной реки
Алта дӗрнь җархнә	Песня	Алта деернь һархнь	Если взойти на (гору) Алтая
Харā нāнгка бішмӱдтә	Песня	Хар наанк бүшмүд	Черное миткалевое платье
Савитри Повесть		Савитри	Савитри
Сāрл сāрл мӧрднә	Песня	Саарл саарл мөрднә	Буланый преследует (идет по следам)
Манā ноха хуцāчі бомбрψан	Песня	Мана ноха хуцач бомбрцан	Наша гавкающая собака Бомборджан
Геліңгін кӗрә мӧрӧнә	Песня	Гелңгин кер мөрн	Гнедой конь гелюнга

Второй выпуск «Хонхо» был издан в ноябре 1926 г. Задачей комиссии, как и при издании первого номера, являлась запись памятников устного народного творчества. Во вступительном слове поясняется, что сохранение калмыцкого фольклора — неизбежный историко-культурный процесс, без которого и речи не может идти о создании калмыцкой литературы. Говоря о сохранении духовного наследия, автор предисловия с благодарностью упоминает имена русских ученых-ориенталистов, поддерживавших интерес к изучению калмыцкого наследия и немало сделавших для калмыцкой литературы и письменности: российских монголоведов К. Ф. Голстунского, В. П. Васильева, А. А. Бобровникова, А. А. Попова, А. М. Позднеева, В. Л. Котвича, А. Д. Руднева, Б. Я. Владимирцова, имена которых навсегда вписаны золотыми буквами в историю калмыцкой национальной культуры.

Интересно мнение Б. Н. Уланова относительно развития калмыцкой национальной литературы. По мысли калмыцкого публициста, оно было приостановлено двумя факторами. Первый был связан с преклонением людей перед тибетской литературой и языком. Традиционная национальная литература, созданная Зая-Пандитой в XVII в., вполне отвечала национальной психологии, формам мышления калмыцкого народа, имела достаточно литературных форм и стилей. Однако ярко выраженный религиозный характер постепенно отклонял развитие и изучение собственно литературы и языка. Второй фактор был связан с влиянием русской культуры, языка и грамотности на калмыцкий народ. Открытие русских школ, получение образования калмыцкой интеллигенцией на русском языке явилось, по сути, «проводником русификации». Таким образом, изучение калмыцкого языка и родной литературы находилось в незавидном

положении[26]. Исключение составляла лишь работа представителя калмыцкой интеллигенции конца XIX — начала XX в., известного калмыцкого просветителя, преподавателя калмыцкого языка в Астраханском калмыцком училище, Наймина Бадмаевича Бадмаева (1862 — 1912). В 1910 г. им был составлен и издан «Калмыцко-русский букварь», предназначенный для обучения калмыцко-русской грамоте по звуковому способу. Учебник сопровождался методическим пособием того же автора — «Руководством к „Калмыцко-русскому букварю“».

Во второй выпуск «Хонхо» вошли инсценировка первой части калмыцкого героического эпоса «Джангар», 8 калмыцких сказок, записанных со слов Намчи Улановой, 2 китайские сказки в переводе бакши Н. Нимбушева и 17 калмыцких народных протяжных песен донских калмыков, 15 из которых записали со слов Н. Улановой, 2 по памяти Ш. Балинова и С. Балыкова. Не обошелся номер без калмыцких поговорок и загадок. Кроме того, КККР представила в книге народные произведения татарского фольклора — три легенды в переводе Ш. Балинова: «Бичэ», «Тааралангду», «Ак бикэ». На возможный вопрос читателя, почему именно татарские, автор предисловия отвечает кратким замечанием о том, что легенды были включены в сборник, потому что по содержанию они были сходны с калмыцкими[27]. Помимо фольклорного материала сюда также вошли ставшие традиционными для хрестоматии тексты из русской классической литературы — пятнадцать басен А. В. Крылова. В качестве переводчиков с русского на калмыцкий язык выступили Ш. Балинов, Н. Уланова. В хрестоматию также вошла инсценировка первой главы калмыцкого героического эпоса «Джангар» в обработке Д. Баяновой.

Третий выпуск «Хонхо» вышел в 1927 г. По мнению С. Балыкова, она была самой удачной из всех и по содержанию, и по оформлению. В номер вошел рукописный сборник калмыцкой хрестоматии, составленный еще в 1906 г. Ш. Болдыревым. Учебник был написан в связи с началом обучения калмыков грамотности в 1904 г. Не довольствуясь улусными школами, люди создавали родовые школы, в которых число обучающихся ежегодно увеличивалось. Однако наряду с этим не хватало учебных пособий, легких по содержанию и разнообразных по образовательному материалу. Имевшиеся два пособия: Калмыцкая хрестоматия, составленная для чтения в старших классах калмыцких школ и «Русско-калмыцкий букварь» не совсем подходили для обучения в начальной школе. Первое в силу сложного содержания, второе, наоборот, по причине недостаточной информативности, что, разумеется, не способствовало развитию учеников[28].

Согласно методике Ш. Болдырева, начиная с элементарного материала, в живой разговорной речи ученик должен был обучиться чтению, письму, а потом путем перевода легких и кратких предложений, использования односложных слов и кратких фраз постигнуть более сложную информацию. В конце учебника автор разместил калмыцко-русский словарь, чтобы каждый ученик, читая, мог сделать перевод, если это необходимо. Исходя из четко структурированного содержания методики обучения Ш. Болдырева, нетрудно заметить, что педагога отличал и профессионализм, знание своего дела и особый творческий подход.

Нельзя не согласиться с мнением С. Баянова, автора предисловия к третьему номеру «Хонхо», который отмечал, что материал учебника определяли также педагогический опыт, знание калмыцкой школы, ее потребности и психологию. Именно поэтому учебник Ш. Болдырева не теряет актуальности и сегодня, в XXI в. Адаптированный как для школьного преподавания, так и для рядового читателя-калмыка, он как нельзя лучше подходит для изучения калмыцкого языка и письменности «Тодо бичиг». К сожалению, признание и ценность учебник Ш. Болдырева обрел лишь спустя двадцать лет после написания, в 1927 г. Как отмечает А. Т. Баянова, в 1908 г. учебник Ш. Болдырева был отдан на рецензию Алексею Матвеевичу Позднееву (1951 — 1920), известному востоковеду, профессору Санкт-Петербургского университета, написавшему еще в 1892 г. собственное учебное пособие, первую в России «Калмыцкую хрестоматию для чтения в старших классах калмыцких народных школ»[29]. Как предполагает исследователь, решив издать свой труд, он написал, вероятнее всего, отрицательный отзыв на пособие[30]. В итоге лишь летом 1927 г. единственный рукописный экземпляр был передан КККР в дар от профессора В. Л. Котвича. Признав культурную ценность этой книги, члены КККР решили незамедлительно издать ее, отдавая дань памяти Учителю, человеку, совершившему своеобразный «прорыв», интеллектуальную революцию в обучении калмыцкому языку.

Хрестоматия состоит из нескольких параграфов. В § 1 — 58 помещены краткие предложения, в § 59 — 107 — переводные статьи для чтения и перевода, взятые из второго «Русской речи» Вольпера[31], а также «Книги для чтения» Л. Толстого, в § 108 — 115 — нравоучительные пословицы и наставления, в § 116 — 128 — народные сказания, рассказы и сказки. Таким образом, важное место в учебнике занимал иллюстративный материал, в роли которого выступило культурное наследие калмыцкого народа (исторические материалы, биографии великих калмыцких просветителей — Зонкава, Зая-Пандита, а также известный сборник сказок «Сиддиту күрин туульс» / «Сказки волшебного мертвеца»)[32].

Четвертый выпуск «Хонхо» вышел в 1927 г. В издание были включены перевод повести «Капитанская дочка» Александра Сергеевича Пушкина (1799 — 1837). Эту сложную и в то же время тонкую работу удалось осуществить Д. Н. Улановой. Выбор автора и его знаменитого произведения, безусловно, не случаен. Гений русской литературы, непревзойденный мастер русского слова служил духовно-нравственным ориентиром не только для русского народа, но и для калмыков, воспринимавших его как «особый дар Неба народу»[33].

Известно, что сам поэт, как и его произведения, имели прямое отношение к калмыкам. Из исторических записей ученого-востоковеда Никиты Яковлевича Бичурина (1777 — 1853), мы узнаем, что А. С. Пушкин, с большим увлечением изучавший быт и культуру народов России, узнал о калмыках задолго до поездки на Кавказ в 1829 г. Есть вероятность предполагать, что в первый раз он узнал о них, благодаря общению с родственником Никитой Афанасьевичем Бекетовым (в монашестве отец Иакинф) (1729 — 1794). Бывая у него в гостях, Пушкин и встретился с известным ученым, историком Иакинфом Бичуриным, автором книги об истории ойрат-калмыков. На сегодня известно, что Бичурин часто дарил книги поэту, среди которых последнего особо заинтересовала еще неизданная книга — «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени»[34]. Материал был впоследствии использован Пушкиным в «Истории Пугачева» и в эпизодах повести «Капитанская дочка». Говоря о калмыцкой теме в творчестве русского писателя и поэта[35], нельзя не вспомнить о стихотворении «Калмычке», связанное с посещением поэта калмыцкой степи в 1829 г. и о калмыцкой «Сказке об орле и вороне», которую, согласно содержанию повести «Капитанская дочка», Емельяну Пугачеву рассказала старая калмычка. Б. А. Бичеев подчеркивает, что эта сказка записана не у нынешних калмыков, а у оренбургских калмыков-казаков, фольклор которых на сегодня считается утерянным для исследователей (ввиду насильственного переселения этой группы в 1920 — 1930-е гг. на территорию Калмыкии, лишив, таким образом, оригинальный фольклор среды бытования)[36]. На южном Урале бытует сказание про орла-сокола и ворона-ведуна, представляющее собой переработанную калмыцкую сказку[37].

Калмыцкий писатель, народный поэт Хасыр Бикинович Сян-Белгин (1909 — 1980), превосходный знаток калмыцкого устного народного творчества, переводчик, свидетельствовал, что произведения А. С. Пушкина переводились калмыками. Он отмечал, что после того, как были переведены «Сказка о рыбаке и рыбке» (в переводе на калмыцкий «Золотая рыбка») и «Сказка о царе Салтане», эти произведения стали расцениваться как подлинно калмыцкие и бытовали в прозаической форме. По его предположению, грамотные калмыки, видимо, читали Пушкина, а слушатели, в свою очередь, по всей вероятности, слегка переработав содержание (например, со стороны сюжета), относили их впоследствии к устным традициям калмыцкой культуры[38].

Следует отметить, что Калмыцкая комиссия культурных работников планировала составить и издать еще несколько выпусков хрестоматии. Так, для следующего, шестого, номера, были подготовлены переводы Д. Баяновой (Улановой) произведений русской классики: «Тарас Бульба», «Дубровский», «Недоросль», «Скупой рыцарь» на калмыцкий язык, а также фрагмента из калмыцкого героического эпоса «Джангар» на «Тодо бичиг». Однако ни одно издание «Хонхо» после пятого номера, к сожалению, так и не вышло в свет. Скорее всего, причиной тому послужили финансовые затруднения, а также возможные разногласия между членами КККР распавшейся к 1930 г.

Небольшой сравнительно-сопоставительный ракурс зарождения калмыцкой советской литературы и литературы калмыцкого зарубежья позволяет увидеть, что решение культурно-просветительских задач в целях поддержки менталитета калмыцкой нации было свойственно двум потокам одной литературы. На страницах советских изданий также появлялись сочинения русской классической литературы в переводе на калмыцкий язык. Так, в 1930-е гг. в Советском Союзе, в Калмыкии, особой популярностью пользовались произведения Демьяна Бедного и Владимира Маяковского, а также А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и А. М. Горького. Для калмыцких писателей переводческая работа была одним из способов обогащения, учитывая, что русская литература всегда являлась для национальных художников слова главным ориентиром и импульсом в плане профессионализма и мастерства, оттачивании художественного форм и приемов, а также в изображении и использовании реалистических традиций. Аналогичные тенденции литературного развития объясняются тем, что в эмиграции культурные работники старались находиться в курсе всех событий родного края. В свою очередь, в Калмыкии партийно-культурные представители всегда знали о тенденциях в культурном сообществе эмиграции. О похожих направлениях, происходивших в культурных сообществах эмиграции и Калмыкии, говорит, на пример, выход в 1922 г. книги Н. Н. Пальмова «Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России». Спустя пять лет эта же книга, воспринимаемая как «исключительное явление» в жизни

калмыцкого народа, в переводе Ш. Балинова вышла в эмиграции в пятом, последнем выпуске калмыцкой хрестоматии «Хонхо» (1927 г.).

Хрестоматия «Хонхо» по возможности рассылалась во все калмыцкие колонии Европы. Несколько ее образцов поступило в Монгольское представительство в Германии для переправки их в Монголию и Бурятию. Благодаря помощи В. Л. Котвича через Академию наук издание дошло в Астрахань. В академических журналах и сборниках на него были даны положительные отклики. Немаловажную роль в этом деле сыграло Общество культурной связи с заграницей, организованное в Москве в 1927 — 1928 гг. и участвовавшее в распространении печатной продукции российской эмиграции[39]. Хрестоматия «Хонхо» представляет собой своеобразный общекультурный феномен, главная эстетическая функция которого, несмотря на вынужденное нахождение в инонациональной среде, была направлена на продвижение национально-культурных идей.

В издательской деятельности калмыцкой эмиграции, условно можно выделить два общих тематических аспекта, которых, как правило, придерживались авторы статей: 1) воспоминания о прошлой жизни в Калмыкии; 2) «заочное» участие в событиях, происходящих в родном крае. Можно сказать, что в этом калмыки-эмигранты черпали силу, а также духовную энергию для того, чтобы жить дальше. Издательская деятельность являлась важной стороной культуры калмыцкой эмиграции. Во-первых, она сыграла большую роль в развитии общественной мысли. Во-вторых, печатное слово способствовало, как выяснилось, пропаганде национально-политических идей, а также развитию социальной работы, связанной с улучшением условий жизни калмыков за рубежом. Однако главное, на что была направлена издательская работа, — это сохранение и развитие калмыцкой культуры, истории, литературы и письменной традиции в иноэтнической среде. Эта задача была первоочередной для всей калмыцкой диаспоры и драматизм заключался не только в массовом исходе, но и в безвозвратной потере родины, кризисе национальной идентификации. Острая необходимость сохранить и не утратить духовное наследие предков (язык, письменность и культуру) в условиях угрозы массовой ассимиляции сыграла, безусловно, консолидирующую роль, о чем свидетельствует издание в 1920 — 1930 гг. хрестоматии «Хонхо», а также журналов «Улан Залат» и «Ковыльные волны».

Поступила 10.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ, КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вопрос о переселении в Америку встал перед калмыками-эмигрантами еще в 1930-е гг. Несколько сотен человек желали туда переселиться, чтобы заняться привычным для себя занятием — сельским хозяйством.

[2] Антон Мудренович Амур-Санан (1888 — 1938) — писатель, публицист, выдающийся государственный и общественно-политический деятель, основоположник калмыцкой литературы. В 1915 г. поступил в Народный университет им. Шанявского на юридический факультет. В 1920-е гг. активно участвовал в процессе установления Советской власти в Калмыкии. С 1918 г. заведовал отделом юстиции исполнительного комитета Совета депутатов калмыцкого народа. В марте 1919 г. Антона Амур-Санан заведовал Калмыцким отделом при Народном комиссариате по делам национальностей РФРСР в г. Москве. В дальнейшем представлял Калмыцкую область при Наркомнаце и ВЦИКе. Одновременно с политической деятельностью вел литературную работу. Самым известным произведением писателя стал роман-хроника «Мудрешкин сын» (1925). Им также были написаны произведения «В степи», «Аранзал» и др., судьба некоторых повестей и рассказов на сегодня остается неизвестной. В 1937 г. был арестован и обвинен в контрреволюционной деятельности. В 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован (см.: **Джамбинова Р. А.** Амур-Санан Антон Мудренович (1888 — 1938) // Литературы народов России: XX в. : слов. М., 2005. С. 129).

[3] Овше Шеринович Насунов (1898 — 1934) — сотрудник Калмыцкого представительства при Наркомнаце в Москве. В 1916 — 1920 гг. работал и учился в Ставропольской учительской семинарии. С 1920 — 1921 гг. был заведующим отделом Рабоче-крестьянской инспекции Калмыцкого облисполкома. С 1921 г. являлся членом большой коллегии Наркомнаца. В 1923 — 1924 гг. вступил в президиум ВЦИК. С 1925 — 1926 гг. был председателем Больше-Дербетовского улусного исполкома (URL: http://www.centrasia.ru/person2.php?st=1404902386 (дата обращения 15.06.2017)).

[4] НА РК. Ф. Р. 3. Оп. 10. Д. 496. Л. 57.

[5] НА РК. Ф. Р. 112. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 — 31.

[6] **Уланов Б. Н.** Предисловие // Хонхо. 1925. Вып. 1. С. I — X.

[7] См.: О деятельности Калмыцкой Комиссии культурных работников в Ч.С.Р // Информация. 1930. № 1. С. 36 — 50.

[8] См.: **Стоянов В. А.** Основные этапы развития полиграфии республики Калмыкия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 3 — 4. С. 207 — 211.

[9] Там же. С. 208.

[10] НА РК. Ф. Р. 114. Оп. 2. Д. 70. Л. 1.

[11] См.: **Алексеева П. Э.** Люди и время. Элиста, 2010. С. 149.

[12] Словосочетание «улан залат» переводится как «красная кисточка или «обладающий красной кисточкой», элемент мужских национальных шапок у калмыков. На титульной странице первого номера при пояснении этого распространенного среди калмыцкого народа значения редколлегия журнала сделала акцент, прежде всего, на слове «народ», так как именно этот символ отличает калмыков от других монгольских народов. На титульных страницах всех номеров журнала было написано: «„Улан залат“ — народ, носящий красные кисти на шапках».

[13] Точное количество номеров журнала «Ковыльные волны» в настоящее время устанавливается.

[14] См.: **Борисенко И. В., Горяев А. Т.** Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С. 105.

[15] Ваджра (в переводе с санскрита «молния; алмаз») — ритуальный буддийский предмет, символизирующий силу и твцрдость духа.

[16] Владислав Людвигович Котвич (1871 — 1944) — русский и польский лингвист, востоковед, профессор Санкт-Петербурского университета, собиратель монгольского фольклора. До начала Великой русской революции он неоднократно приезжал в Калмыкию для сбора фольклорного материала и исследования калмыцких говоров. Совместно с Лиджи Нармаевым и Номто Очировым издал «Калмыцкий букварь». По просьбе калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии В. Л. Котвич организовал курсы для подготовки учителей калмыцких школ при Петроградском университете, куда были направлены 12 человек. В 1923 г. ученый репатриировался в Польшу, став заведующим кафедрой восточных языков Львовского университета. Будучи там, Котвич незамедлительно откликнулся на предложение калмыков, оказавшихся в эмиграции, приехать. К тому времени КККР добилась права обучения калмыцких детей в русской гимназии в Праге. Профессор читал лекции по калмыцкому языку, истории калмыков и основам буддизма. В Праге в 1929 г. В. Котвич переиздал «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» (см.: **Алексеева П. Э.** Указ. соч.).

[17] См.: **Баянова А. Т.** «Хонхо» как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья // Язык и культура. [Новосибирск]. 2013. № 8. С. 15 — 19.

[18] См.: **Музраева Д. Н.** Литературное наследие // Калмыки / отв. ред.: Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская М., 2010. С. 387 — 406. (Народы и культуры).

[19] Зая-Пандита Намкай Джамцо (1599 — 1662) — калмыцкий и ойратский просветитель, деятель буддизма, создатель алфавита «Тодо бичиг» («Ясное письмо»), переводчик (см.: **Раднабхадра**. Лунный свет: История рабджам Зая-Пандиты. СПб., 1999. (Памятники культуры Востока); **Норбо Ш.** Зая-Пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьменного монгол. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова ; науч. ред. В. П. Санчиров. Элиста, 1999.

[20] **Уланов Б. Н.** Указ. соч. С. VII.

[21] См.: **Балыков С. Б.** Краткий обзор калмыцкой печати в эмиграции // Ковыльные волны. 1932. № 4. С. 15.

[22] **Бичеев Б. А.** Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20 — 30 гг.). Гл. III. Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (20 — 30 гг.) : дис. … канд. филол. наук. М., 1991. Л. 127.

[23] Новоалексеевский хурул — буддийский монастырь, находящийся в станице Новоалексеевской, которая входила в состав Сальского округа области Войска Донского. После 1944 г. хутор был упразднен и включен в состав Зимовниковского района Ростовской области, переименован в хутор Новогашунский.

[24] Намча Дертыновна Уланова — мать Бадмы Нарановича Уланова (1880 — 1969), одного из ярких представителей калмыцкого зарубежья, видного общественного деятеля, выпускника Новочеркасского реального училища и юридического факультета Петербургского университета.

[25] С конца 1920-х гг. до второй половины 1930-х гг. калмыки использовали латинизированный алфавит калмыцкого языка (см.: **Номинханов Ц. Д.** Очерк истории калмыцкой письменности. М., 1976. С. 6 — 11).

[26] См.: **Уланов Б. Н.** Предисловие // Хонхо. 1926. Вып. II. С. XXIII.

[27] Там же.

[28] **Баянов С. Б.** Предисловие // Хонхо. 1927. Вып. III. С. XXVII.

[29] См.: **Сартикова Е. В.** «Роль А. М. Позднеева в развитии системы образования Калмыкии» // Грамота. 2011. № 2 (8) : в 3 ч. Ч. 1. С. 158 — 160; **Баянова А. Т.** Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков // Культурная жизнь юга России. 2012. № 3 (46). С. 79 — 81.

[30] **Баянова А. Т.** Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков… С. 80.

[31] В оглавлении «Хонхо» была допущена опечатка. Под фамилией Вольтер подразумевалась фамилия российского и литовского педагога, а также писателя Вольпера Михаила Иокимовича (псевдоним — Перлов Михаил Иакимович) (1851 — ?) автора учебника по древнееврейскому языку «Новая метода» (1874), а также учебника под названием «Русская речь». Выпущенный в трех выпусках, последний был предназначен для преподавания русского языка в школах, а именно для старших школьников, невладеющих русским языком. Учебник представляет собой сборник статей писателей для классного и домашнего чтения (см.: **Баянова А. Т.** «Хонхо» как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья // «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» : сб. ст. по материалам XXXIX междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2014. С. 6 — 9).

[32] См.: **Баянов С. Б.** Предисловие // Хонхо. 1927. Вып. IV. С. X.

[33] Там же.

[34] См.: **Бичурин Н. Я.** Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

[35] См.: **Кичикова Б. А.** Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 43 — 51; **Ее же.** «Путевые заметки» А. С. Пушкина: эпизод в калмыцкой кибитке (из материалов к комментарию) // Там же. 2015. № 4. С. 171 — 178; **Ее же.** Калмыцкая сказка в сказочно-символическом контексте романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 78 — 84; **Ее же.** Калмыцкая сказка в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: к вопросу об источниках // Монголоведение. 2016. № 8. С. 104 — 113.

[36] См.: **Сян-Белгин Х. Б.** Белый берег. Элиста, 1970. С. 143.

[37] См.: **Бичеев Б. А.** Указ. соч. Л. 127.

[38] См.: **Блинова Е. М.** «Устное народное творчество в произведениях Пушкина о Пугачеве и фольклор Южного Урала» // Пушкин А. С. Капитанская дочка. История Пугачева. Челябинск, 1937. С. 312 — 320.

[39] См.: **Баянов С. Б.** Предисловие // Хонхо. 1927. Вып. IV.

УДК 398.21:81’37

Босха Халгаевна Борлыкова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ «СЕМЕЙНЫЙ СТАТУС» ПЕРСОНАЖЕЙ КАЛМЫЦКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Выявляя семантические признаки, характеризирующие семейный статус персонажей калмыцкой волшебной сказки, впервые в калмыцкой фольклористике мы использовали опыт по систематизации сказочных персонажей Е. С. Новик, которая описывает систему персонажей «в том виде, в каком они представлены в самой волшебной сказке, независимо от „корней“, их породивших»[1]. Системный подход к изучению персонажей русской волшебной сказки ранее был представлен в работе В. Я. Проппа «Морфология сказки». Автор монографии исследовал сказки по функциям персонажа и установил семь действующих лиц: герой, вредитель, даритель, помощник, царевна, отправитель и ложный герой[2].

Семантические признаки персонажа, по мнению Е. С. Новик, не только определяют характер сказочных коллизий, но и могут меняться по ходу сюжета, поскольку персонаж представляет собой пучок признаков, иначе говоря, многосоставное образование, легко распадающееся и так же легко комплектующееся в новое. Эта черта структуры персонажа делает ее удобной для функционирования по законам сказочного повествования, так как она оказывается хорошо приспособленной для работы в условиях сюжета, построенного на ритмах потерь и приобретений»[3].

Источниковой базой для изучения семантических признаков, характеризирующих семейный статус персонажей калмыцкой волшебной сказки, служат тексты волшебных сказок, опубликованные в книге «Буутан Санжин туульс» («Сказки Санджи Бутаева»)[4]. Санджи Шургучиевич Бутаев (1926 — 1979 гг.) — один из талантливых калмыцких сказителей XX в. Его репертуар включает сказки различных жанров (о животных, волшебные, богатырские и бытовые), легенды, предания, а также короткие юмористические рассказы. Они были записаны сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ Э. Ч. Бардаевым (1967 г.), Н. Д. Мучкиновой (февраль 1971 г.), Н. Ц. Биткеевым и Б. Б. Оконовым (сентябрь 1974 г.), Б. Э. Мутляевой (июнь 1978 г.). В 2008 г. нами был подготовлен и издан сборник сказок «Буутан Санжин ту-

Сказитель Санджи Бутаев, пос. Шинмер, 1973 г.

ульс», который открыл серию «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»)[5].

В системе персонажей волшебной сказки калмыков центральное место занимает главный герой, вокруг которого происходят все события и раскрываются остальные образы. Изучению персонажей калмыцкой сказки посвящены работы М. Э. Джимгирова[6], И. С. Надбитовой[7], Б. Б. Горяевой[8], Т. Г. Басангова[9] и др. В монографии М. Э. Джимгирова «О калмыцких народных сказках» дана общая характеристика персонажей волшебных сказок калмыков: младший брат, «золушка», сиротка и герой[10]. Фольклорист И. С. Надбитова в работе «Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок» рассматривает персонажи калмыцкой волшебной сказки по двум категориям: по социальному положению (младший брат, сиротка, герой-богатырь) и по происхождению (чудесные герои, противники героя, помощники ц антропоморфные, зооморфные персонажи)[11].

Итак, рассмотрим признаки, характеризирующие семейный статус (оппозиции родной/брачный, родители/дети, родной/неродной) персонажей калмыцкой волшебной сказки.

Признаки семейного статуса надстраиваются над признаками пола и возраста. Это четко фиксируется в традиционных формулах, таких, как в сказке «Аңһуч өвгн» («Старик охотник») младшая сестра, купаясь в озере, лишается одежды, просит ее ей вернуть: «Эгч-дү уга юмн авсн болхла, эгч-дү болнав, ах-дү уга юмн авсн болхла, ах-дү болнав, эм уга юмн болхла, эм болнав» («Если взял [человек], у которого нет сестры, то буду вам сестрой, если взял [человек], у которого нет брата, то буду вам братом, если взял [человек], у которого нет жены, то буду вам женой»)[12].

Термины родства, встречающиеся в сказках Санджи Бутаева, можно поделить на термины кровного родства и термины свойства (брачного родства). К терминам кровного родства относятся: *эк*, *ээж*, *аак* «мать», *аав*, *баав* «отец», *ах* «брат», *ах-дү* «братья», *дү* «младший брат (сестра)», *эгч* «сестра», *эк-эцк*, *ээж-аав* «родители», *көвүн* «сын», *күүкн* «дочь»; к терминам брачного родства: *бер* «невестка», *күргн* «зять», зеенр «внуки, племянники (по женской линии)», *зе күүкн* «племянница, внучка (по материнской линии)», *зе бер* «жена племянника, внука», *зе күргн* «муж племянницы, внучки», *гергн* «жена», *авһ-жңивһнь* «родственники (по отцовской линии)», *төркн-төрл* «родители, родня (замужней женщины)», *хадмуд* «сваты», *наһцнр* «родные (по материнской линии)», *наһц* «родные (по материнской линии)», *наһц эгч* «сестра матери», *наһц эцк* «дедушка (по материнской линии)», *наһц ээж* «бабушка (по материнской линии)», *наһц аав* «дедушка (по материнской линии)».

Все перечисленные родственники являются основными персонажами волшебной сказки. Каждая калмыцкая сказка начинается с описания семьи, в которой есть родители, дети, братья и сестра, например: «Кезәнә ах-дү һурвн көвүн бәәж» («Давным-давно жили три брата»)[13]; «Кезәнә Буҗһр бор мөртә Буҗлда Мергн гидг көвүн бәәж. Экнь зүүдч» («Давным-давно жил юноша по имени Буджилда Мерген с сивым конем. Мать — толкователь снов»)[14].

Часто в калмыцких сказках родители предстают бездетными: «Кезәнә нег һууль һуудг көгшн эмгн өвгн хойр бәәж, үрн-садн уга» («Давным-давно жили нищие бездетные старик со старухой»)[15]; «Кезәнә нег аңһуч өвгн бәәж. Бийнь үрн-садн уго күн бәәж тер» («Давным-давно жил старик-охотник. У него не было детей»)[16]; Кезәнә бәәж, өвгн эмгн хойр бәәж. Элңкә гертә, өвсн ората, һууль һуудг эмгн өвгн хойр бәәж, нег цаһан бүрүтә» («Давным-давно жили нищие старик со старухой. У них были старый дом, с соломенной крышей и белый бычок»)[17].

Дети-сироты — также частое явление в калмыцких волшебных сказках, например: «Кезәнә нег хаани орн-нутг бәәж. Салькн тавг саарлта Манжин Ваня гидг хан. Тер хаани орн-нутгт нег өнчн көвүн аңшову харвдг, Хо һалзн мөртә Хоодан көвүн Чоода гидг» («Давным-давно в одном ханстве жили хан Манджин Ваня и юноша-сирота по имени Чода со светлым Лыско»)[18]; «Кезәнә нег хаани орн-нутгт өнчн көвүн бәәдг» (Давным-давно в одном ханстве жил юноша-сирота)[19]; «Кезәнә нег Өнчн Борлда гидг көвүн бәәж. Һурвн зун боргч гүүтә. Тер Өнчн Борлда элгнчн уга, саднчн уга, ээжчн уга, аавчн уга, һурвн зун боргч гүнь ээждән — ээж, аавдан — аав, ах-дүүдән — ах-дү болсн» («Давным-давно жил юноша-сирота по имени Борлда. У него не было ни родственников, ни родителей, только были триста сивых кобылиц, которые были ему и матерью, и отцом, и братом»)[20].

Родители и дети в калмыцкой волшебной сказке могут быть родными (отец, мать, сын, дочь) и неродными (мачеха, падчерица, пасынок). Так, в сказках «Һурвн көвүтә өвгн» («Старик с тремя сыновьями») и «Һурвн көвүтә эмгн» («Старуха с тремя сыновьями»): «Кезәнә һурвн көвүтә өвгн бәәсмн» («Давным-давно жил старик с тремя сыновьями»)[21]; «Кезәнә һурвн көвүтә эмгн бәәж» («Давным-давно жила старуха с тремя сыновьями»)[22]. Персонажи мачеха (*хөөт эк*), падчерица (*өмнк герә күүкн*), пасынок (*өмнк герә көвүн*) встречаются в сказке «Үмкә төрлт хаани тууж» («История о хане Умкя Тёрлтя»). В рассматриваемой сказке шулмуска со стальным клювом, обманом заняв место ханши, став мачехой для детей хана, пытается извести их[23].

Отношения между родственниками одного и того же поколения определяются следующими противопоставлениями: для поколения родителей это различие старых отца (*аав*)

и матери (*ээж*), которые часто фигурируют как единый персонаж (*ээж-аав* «родители», *өвгн эмгн хойр* «старики»), и молодых, которые предстают в сказке обычно как муж (*герин эзн залу*) и жена (герин күн) либо хан и ханша (*хатн*); для поколения детей — это противопоставление старших братьев (*ахнр*) или сестер (*эгчнр*) к младшим (*дү*), родных братьев, сестер к неродным (*өмнкә герә күүкд* «сводным»).

В калмыцких волшебных сказках упоминается обряд побратимства (*анда бәрлһн, ах-дү бәрлһн*), который широко был распространен среди монгольских народов, в частности у калмыков. Известный монголовед Б. Я. Владимирцов в «Работе по истории и этнографии монгольских народов» пишет: «К области междуродовых отношений принадлежит институт побратимства. Два лица, обычно принадлежащие к разным родам, хотя бы и близким, заключают между собой союз дружбы и непременно обмениваются подарками, после этого они становятся anda „названными братьями“ — таков древний монгольский обычай»[24]. Л. Н. Гумилёв в книге «В поисках вымышленного царства» пишет о побратимстве древних монголов: «Побратимство считалось выше кровного родства; *анды* — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности»[25]. Так, в сказке «История о бурхане Седкюр» шесть побратимов (сын ясновидца, сын кузнеца, сын лекаря, сын резчика, сын маляра и сын астролога) оживляют сына богача: «Эмч көвүн ясинь хугтнь тус-тустнь, эв-эвтнь тәвәд, эмәр шавад, үүд-түүд күрглго үүлн цаһан эм түркәд, дотр ки орулад оркна эн» («Сын лекаря, собрав и разложив кости сына богача, смазав мазью из жира горностая, вдохнул в него воздух и оживил»)[26].

Обряд побратимства калмыков совершался разными способами, например: «Бурхнд мөргәд, бууһин ам долалцад ах-дү бәрдг» («Поклонившись изображению Будды, облизывали дуло ружья (либо острие ножа) и клялись в побратимстве»). У калмыков побратимами считались также дети, вскормленные одной матерью. Так, в сказке «Старуха с тремя сыновьями» хан с коровьими ушами, случайно съев сушеный творог, приготовленный из материнского молока, стал младшим братом вдовьему сыну[27].

Среди персонажей калмыцкой волшебной сказки особую группу составляют бездетные родители, которым обрести ребенка помогает лама, либо ребенок сам просит людей стать ему родителями. В сказке «История о бурхане Седкюр» бездетные старики, обратившись к праху ламы, совершают буддийский обряд *даллһ авх*, т. е. обряд призвания помощи в благополучии и процветании. Для его проведения верующие приносят в хурул *даллһ* (подношение сладостями, молочными продуктами, одеждой, деньгами и др.). После молебна божествам на алтарь подносится *дееҗ* (лучшая часть пищи), а оставшуюся часть берут домой. В рассматриваемой сказке бездетные старики для проведения обряда *даллһ авх* приносят ламе *цаһан идән* («молочные продукты») и одежду: «Ламин күүрт тосар-өрмәр дееҗ-дүүҗ бәрәд, үлдләрнь цә-чигәһән кеҗ уһад, өмскүл-өлгцтә ламин күүрт ирхлә, өмскүл-өлгцәрнь дееҗ бәрәд, наадкарнь хувц уйҗ авад, бәәһәд бәәнә өвгн эмгн хойр. Тиигәд бәәһәд бәәтл, өвгн эмгн хойрас күүкн һарна» («Старики, поднеся праху ламы масло и сметану в виде „дееҗ“, из оставшейся части приготовили чай и чигян [кумыс. — *Б. Б.*], поднеся в подарок одежду, из оставшейся [ткани] сшили одежду. Спустя некоторое время у стариков родилась дочь»)[28].

Фольклорист Т. Г. Борджанова в своей монографии пишет, что «жертвоприношение молочными продуктами „цаһан идән“ издавна в ритуальной традиции калмыков и связано с образом Чингис-хана как культурного героя»[29]. В сказке «Мудрая девушка» лягушка на человечьем языке просит стариков стать ему родителями: «Үрн-садн угаднь — үрн-садн болнав, ах-дү угаднь — ах-дү болнав» («У кого нет детей — стану им ребенком, у кого нет братьев ц стану им братом»)[30].

Иллюстрация Г. Нуровой к книге «Сандаловый ларец» (сост. и перевод Т. Г. Басанговой. Элиста, 2002. С. 140)

Следует отметить, что в калмыцкой волшебной сказке отношения родственников и свойственников определяют основное действие сказочного сюжета. Конфликты между родителями и детьми — крайне редкое явление для текстов калмыцких сказок. В репертуаре Санджи Бутаева имеется лишь одна сказка «История о хане Умкя Тёрлтя», где мачеха-шулмуска пытается избавиться от пасынка и падчерицы[31]. В калмыцких сказках чаще встречаются конфликты между женами — две старшие ханши-шулмуски пытаются убить младшую жену хана[32]; между супругами — хан по наговору двух старших жен изгоняет младшую жену[33], мужлягушка покидает супругу после нарушения табу[34]; между сестрами — старшие сестры мучают младшую, чтобы она им показала обличие му-

жа-лягушки, после чего они сжигают лягушачью шкурку[35] и др.

В калмыцких сказках часто описываются родственные или свойственные отношения сверхъестественных существ и животных с человеком. Например, в образе жен главных героев в волшебных сказках калмыков представлены: *чон гергн* («жена-волк»), *шовун гергн* («жена-птица»), *Усн хадын арвн тавта арагни дан* («пятнадцатилетняя дочь Хозяина Воды, рагни»); *шулм күүкд* («чертовки»), которые обладают фантастической красотой и фигурируют как вредители, оборотни. В сказке «История о хане Умкя Тёрлтя» шулма описывается как зооморфное существо, вампирша со стальным клювом (*болд хоңшарта*). Мужские образы представляют: муж или сын *меклә көвүн* («юноша-лягушка»); тесть *Усн хадын эзн* («Хозяин Воды»); свекр *Деедин орна күн* («Небожитель»).

Необходимо отметить, что брачные отношения между сверхъестественными существами или животными и человеком оказываются «правильными», когда соискателем является последний. Так, в сказке «Старик с тремя сыновьями» младший сын старика Улада Мерген подвергается трудным испытаниям со стороны дочери Хозяина Воды и ее отца, стремящихся уничтожить претендента на руку[36].

Таким образом, систематизация сказочных персонажей по принципу Е. С. Новик позволила понять, что признаки, определяющие «семейный статус» персонажей калмыцкой волшебной сказки, определяют характер сказочных коллизий, создают конфликтные ситуации и обыгрываются в пределах всего сюжета или эпизода. Персонажи калмыцкой волшебной сказки по признакам семейного статуса были нами подразделены по оппозициям: кровный (*эк, ээж* «мать», *аав, баав* «отец» и др.)/брачный (*бер* «невестка», *күргн* «зять», *зеенр* «внуки, племянники (по женской линии)» и др.); родители (*аав ээц хойр* «родители», *эмгн өвгн хойр* «старики»)/дети (*көвүн* «сын», *күүкн* «дочь»); родной (*аав* «отец», *эк* «мать», *көвүн* «сын», *эгч* «дочь»)/неродной (*хөөт эк* «мачеха», *өмнк герә* күүкн «падчерица», *өмнк герә көвүн* «пасынок», *анда* «побратим»). Кроме того, мы рассмотрели семейные и родственные отношения сверхъестественных существ (*шулм күүкд* «чертовки», вампирши, *Усн Хадын эзн* «хозяин Воды») и живых существ (*чон гергн* «жена-волк», *шовун гергн* «жена-птица», *меклә көвүн* «юноша-лягушка») с человеком. Следует отметить, что калмыцкая волшебная сказка сохранила следы очень многих древних обрядов, об этом свидетельствуют их описания — *анда бәрлһн, ах-дү бәрлһн* («обряд побратимства») в «Истории о бурхане Седкюр», «Старухе с тремя сыновьями», либо *даллһ авх* («обряд призвания помощи благополучии и процветании») в «Истории о бурхане Седкюр».

Полученные результаты послужат основой для дальнейшего изучения персонажей калмыцкой волшебной сказки и составления базы данных «Калмыцкие сказочные персонажи».

Поступила 28.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Новик Е. С.** Система персонажей русской волшебной сказки [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/novik8.htm (дата обращения — 20.08.2017).

[2] См.: **Пропп В. Я.** Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 72 — 75.

[3] См.: **Новик Е. С.** Указ. соч.

[4] См.: Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева) (2008) Записи 1971 — 1978 годов : в 2 книгах / вступ. ст. Н. Г. Очировой ; сост., подготовка текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста, 2008. Кн. 1.

[5] См. об этом: **Борлыкова Б. Х.** О сюжетных типах калмыцких волшебных сказок (репертуар сказителя Санджи Бутаева) // Вестник КИГИ РАН. 2015. № 3. С. 137 — 141.

[6] См.: **Джимгиров М. Э.** О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970.

[7] См.: **Надбитова И. С.** Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста, 2011.

[8] См.: **Горяева Б. Б.** Волшебные сказки из репертуара сказителя Санджи Бутаева // Буутан Санцин туульс… С. 252 — 26; **Ее же.** Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста, 2011.

[9] См.: **Басангова Т. Г.** Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Mongolica. Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН, 2010. № IX. С. 95 — 98.

[10] См.: **Джимгиров М. Э.** Указ. соч. С. 41.

[11] См.: **Надбитова И. С.** Указ. соч. С. 108.

[12] Буутан Санжин туульс… С. 76.

[13] Там же. С. 21.

[14] Там же. С. 47.

[15] Там же. С. 25.

[16] Там же. С. 73.

[17] Там же. С. 87.

[18] Там же. С. 50.

[19] Там же. С. 93.

[20] Там же. С. 39.

[21] Там же. С. 64.

[22] Там же. С. 97.

[23] Там же. С. 79 — 87.

[24] **Владимирцов Б. Я.** Работа по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 356.

[25] **Гумилёв Л. Н.** В поисках вымышленного царства [Электронный ресурс]. URL: http://gumilevica.kulichki.net/SIK/sik03.htm (дата обращения — 20.08.2017).

[26] Буутан Санжин туульс… С. 33.

[27] Там же. С. 100. Более подробно об этом сюжете см.: **Борлыкова Б. Х.** О международном сказочном сюжете «Ослиные уши» (уши Мидаса) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 — 2. С 191.

[28] Буутан Санжин туульс… С. 25 — 26.

[29] **Борджанова Т. Г.** Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007. С. 361.

[30] Буутан Санжин туульс… С. 87.

[31] Там же. С. 82.

[32] Там же. С. 95.

[33] Там же. С. 93 — 97.

[34] Там же. С. 91.

[35] Там же. С. 91.

[36] Там же. С. 97 — 101.

УДК 7.036(470.47)

Светлана Гарриевна Батырева,
Кермен Петровна Батырева

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ:

к постановке проблемы исследования (на материале калмыцкого искусства начала XXI в.)*

Исследовать межэтнические установки общества, значит, рассматривать их как чуткий индикатор направленности — позитивной или негативной — гражданской идентичности, уровня солидаризации и принятия культурного разнообразия. Одним из способов снятия межэтнического напряжения является формирование идентичности, общей для граждан России. В ходе реализации проекта планируется проанализировать: какие новые условия, действия элит, общественности и социальные практики сдерживают гиперэтничность, препятствуют дезинтеграции республики с соседними регионами, и страны в целом в солидаризации общества[1].

Художественная культура регионов России развивается в сложных этнокультурных процессах постсоветского времени. В их противоречивом взаимодействии рождается новое полиэтничное сообщество. Оно адаптируется в условиях кардинальных социальных перемен на рубеже веков и в первые десятилетия XX в. Предметом осмысления в искусстве становятся изменения социокультурной сферы, сопровождаемые конфессиональной адаптацией населения. Во многом это сопряжено с поисками идентичности этнических сообществ в поликультурной России, характеризующими национальные интересы, границы и перспективы государства[2]. Явления рефлексии постперестроечной эпохи определяют в той или иной степени содержание изобразительного искусства Калмыкии 10-х гг. XXI столетия.

В пространстве меняющейся культуры динамика изменения психологических установок стереотипов поведения личности актуализирует глубинную этническую потребность. По сути своей это утверждение «самости»[3], которое недостаточно хорошо изучено на материале калмыцкого искусства данного периода.

Потребность личности, входящей в конкретную этническую общность, реализуется в самоидентификации различными средствами, в том числе и выразительными средствами искусства. Этим объясняется заинтересованное обращение этнического сообщества в эпоху перемен к своей традиционной культуре, и в частности, к художественным традициям. Интересно отметить, что в российском искусстве, проецирующем динамику этнокультурных процессов, параллельно обнаруживаются две основные тенденции. С одной стороны, охранительная, отражающая потребность этнической культуры к демонстрации самобытной индивидуальности. С другой, параллельно ей наблюдаемой, — стремление к преодолению культурных границ как

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта «Основные социальные идентичности населения Республики Калмыкия в 2010-е годы: факторы и ресурсы», 17-46-080755 а (р).

© Батырева С. Б., Батырева К. П., 2017

осознанная (или неосознанная) попытка нивелировать свою этническую идентичность в приобщении к российскому культурному ареалу и мировой цивилизации в целом. В этом спектре происходит развитие художественной культуры России, важнейшей частью которой является искусство регионов, во взаимообусловленной связи явлений.

Действительно, российские народы ориентированы на сохранение себя в процессе освоения и трансляции культурного наследия, реализующих преемственность поколений. Фактором формирования этнокультурной идентичности творческой личности выступает уникальное наследие. В процессе этнической мобилизации, наблюдаемой в национальных регионах России рубежа веков, происходят освоение пространства культуры, формирование ее нового содержания. В совокупности явлений закладываются новые мировоззренческие основы этнической общности и российского общества в целом[4].

В спектре мировидения принято рассматривать идентичность в ее разновидностях: этническая, локальная, республиканская, гражданская идентичность, зависящая от уровня солидаризации и принятия культурного разнообразия. Одним из способов снятия межэтнического напряжения является формирование идентичности, общей для граждан России.

Отметим, процесс в искусстве во многом связан с необходимостью восполнения утрат социалистических ценностей культуры распавшегося Союза в обращении к национальным, и в частности, к этноконфессиональным. Средоточием духовности выступает традиционная культура, заполняющая идеологическую лакуну социальным опытом культуры этнической, несущей традиционное мировоззрение предков. Стремление опереться на культурное наследие в водовороте бурных постперестроечных явлений приводит к осмыслению этнических традиций и их трансляции на новом уровне творческой деятельности. Интеграция этнической идентификации народов России формирует взаимосвязанную социокультурную сферу и ее органичной части — искусства, — в современном цивилизационном процессе[5].

Г. Рокчинский.
Мать — земля родная. 1964 г.

Социокультурологический аспект исследования художественного процесса очевиден. Так, в содержании учебных программ культурологического направления в национальных регионах России и наполнение их материалом искусства в системе общего и высшего образования соединяются универсализм, идея общего Отечества и исторические традиции культуры народов. Этнорегиональный компонент становится залогом сохранения единого культурного пространства России. Формирование «суверенных» этнических полей культуры, востребованной в системе образования, во многом обусловливает перспективу развития художественной культуры России и такой ее части как искусство.

В искусстве Калмыкии XXI в. ощутима тенденция к воспроизводству, реконструкции элементов этнической культуры. Этнокультурные процессы на новом уровне бытия развиваются центробежно в отличие от центростремительных процессов глобализации, органично поле их соединения в регионе и художественной культуре страны в целом.

В развитии общества с традиционной доминантой к обществу с современным «модернистским кодом» сформирована идентичность творче-

ской личности. Иногда «коллективное бессознательное» слагается в сумму культурного опыта всех поколений этноса. Архетипы сознания одухотворяют художественное творчество, определяя процесс создания произведения в его этнической выразительности. Двигателем процесса является осмысление художественных традиций на уровне творческой личности. Стремление к самопознанию и самоутверждению в искусстве актуализируется на фоне утрат культурного наследия, но под воздействием массовой культуры размывается в процессе всеобщей глобализации.

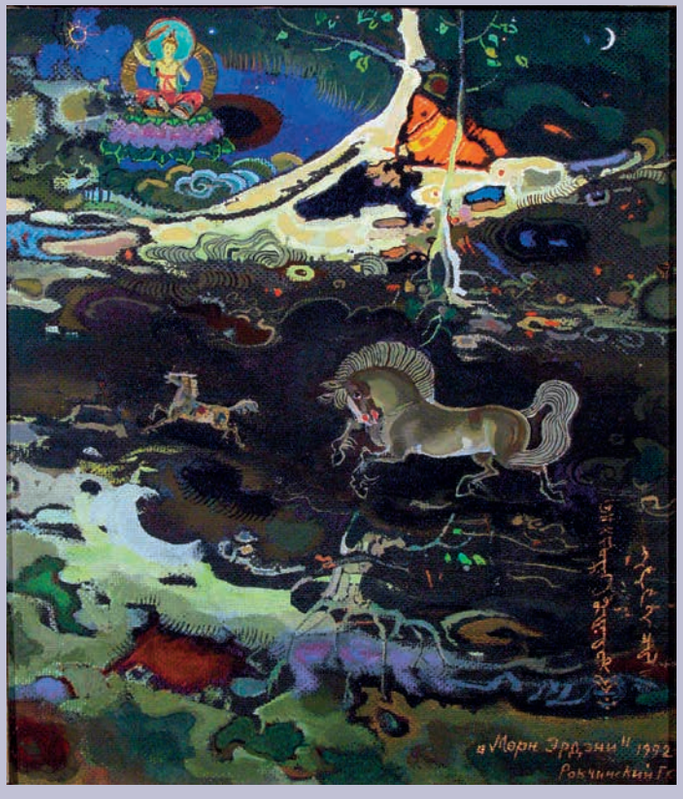
Калмыцкое изобразительное искусство XX в., его историю невозможно представить без произведений Г. Рокчинского, народного художника РСФСР. Этническое мироощущение, одухотворяющее, во многом позволяет рассматривать искусство мерилом состоятельности национальной культуры. В оптимистическом самоутверждении этноса искусство шестидесятых годов XX в. возрождалось в обращении к мифопоэтическим истокам творчества. Ими проникнут жизнеутверждающий образ произведения «Мать — земля родная» Г. Рокчинского, полотна «Калмыцкий хотон. 1943» О. Кикеева, «Похороны при луне» В. Ургадулова, «Красная иконография» Е. Баинхараева. Появляющееся в перестроечный период рубежа веков искусство провозглашает гласность и демократические свободы в творчестве. Депортация как кризисная веха в истории народа, ставившая под вопрос его физическое бытие, находит высокоэмоциональное выражение в творческой деятельности. В реализме воплощения исторической темы в той или иной степени взаимообусловлены фольклорные и религиозные тенденции искусства Калмыкии[6].

Спектр идентичности от позитивной до этноцентричной[7] в целом характеризует творческую деятельность в динамике изменений российского общества. А именно: от традиционной доминанты к обществу с современным «модернистским кодом» синтезированы формы межкультурного взаимодействия. Ими определяется эволюция культуры, проецируемая в искусстве, создаваемом творческой деятельностью художника.

В исследовании изобразительного искусства Калмыкии мы опираемся на современное понимание культуры как способа бытия человека, искусства как «образной модели» и мифопоэтического «кода» культуры[8]. В русле теорий этноса, этничности и этнического развития[9] применяем структурно-типологические, сравнительно-исторические, мировоззренческие и семиотические подходы в изучении искусства в системе культуры[10].

Опыт исследования социально-культурной инфраструктуры обще-

Г. Рокчинский.
Морн Эрдэни («Сокровище „Джангара“»). 1992 г.



Г. Рокчинский.
Баатр («Богатырь»). 1990 г.

ства, социологический метод в изучении культуры[11] предполагает применение системного подхода в анализе искусства. Таким образом, комплексное историко-культурное исследование искусства возможно при междисциплинарном подходе, сочетающем методы искусствознания, истории, социологии, этнопсихологии, семиотики, культурологии и философии.

В интегрированном поле исследования важно обратиться к экспозиционному материалу выставочного зала Музея традиционной культуры имени Зая-Пандиты КалмНЦ РАН (2014 — 2016). Выставки современного искусства Калмыкии представляли живопись, скульптуру и графику 10-х гг. XXI в. Экспозиция произведений, преподнесенная в том или ином тематическом ракурсе, выступает своеобразной знаковой сферой деятельности творческой элиты Калмыкии. Произведения искусства представляются в логике концепции художественного образа, что реализуется в дизайне, пространственно-художественном решении выставки.

Культурное наследие, к которому обращаются авторы, формирует этническую идентичность современника, отождествляемую с опытом предков, творческим потенциалом народа. Его средоточием являются сохраняемые фольклор и духовные ценности. Структурированная выразительными средствами искусства модель мироздания несет в себе ценностные доминанты культуры[12]. Самосознание калмыцкого художника адекватно реализуется в творчестве, представляемом в персональной тематической экспозиции[13].

Изобразительное искусство Калмыкии живо памятью поколений, выработанной на протяжении истории этноса, уходящей истоками в Центральную Азию и протекающую ныне в Европе. Нарушенная преемственность художественных традиций восполняется реализацией памяти в творческой деятельности. В целом сохраняется интегрирующее положение исторического жанра в изобразительном искусстве 10-х гг. XX в., что получает развитие в спектре этничности авторов. Отметим, чем больше утрат целостности национальной культуры, тем более сосредоточено в творчестве художника, выражающем самосознание, реконструктивное начало искусства[14]. Действительно, путеводная нить этнического самосознания сохраняет нравственно-духовные ценности в почитании предков, стремлении жить с природой и другими общностями в разумном равновесии. Духовный стержень этноса не дает ему раствориться в сложном современном мире с его попытками все унифицировать и стандартизировать. В целом это можно охарактеризовать зрелостью осознания своего наследия, актуального и в постсоветскую эпоху развития культуры начала XXI в. Здесь синтезированы стилистика, концептуально-образные модели художественного мышления в жанровых структурах и композиционных схемах изображения[15].

Отметим, в процессе культурной адаптации этнические особенности культуры все менее запечатлеваются в отдельных формах и все более — в неповторимом взаимодействии элементов. Это наглядно демонстрирует современный художественный процесс Калмыкии[16]. Многообразно проявление этнического: в исторической памяти, фольклорных и буддийских мотивах творчества. Органична ли в целом реализуемая в произведениях авторов картина мира? Как проявляется идентичность художника: ограничивается этнической или получает развитие в российской, гражданственной? На эти вопросы призвано ответить социокультурное исследование искусства как явления деятельности творческой элиты калмыцкого общества начала XXI столетия.

Предварительно отметим: в сохраняющемся самосознании авторов ясно осознается европейская судьба калмыков, сформировавшихся как этнос на территории России. Предметом осмысления становятся Человек и Мир, их особые взаимоотношения в мироощущении художника, сохраняющем историческую память предков[17]. Это демонстрирует тематика произведений: ойратская, уходящая в отдаленную историю калмыков, а также буддийские сюжеты А. Поваева («Амазонка», «В пути», «Разрушение Мандалы»), калмыцкая тематика Ю. Хаджинова («Хатун», «Альчики»), восточные мотивы в творчестве В. Хлебникова, осмысливаемые в графике С. Ботиева. Вместе с тем сознание личности на качественно ином уровне развития открыто веяниям глобализации XXI столетия. В наибольшей степени это представлено в произведениях С. Ботиева, заслуженного художника Калмыкии. Его многолетняя разработка хлебниковской темы в графике и скульптуре свидетельствует о последовательном осмыслении в творчестве евразийской сути отечественной культуры, понятой и раскрытой поэтом В. Хлебниковым в произведении «Есир». Книжная графика С. Ботиева посвящена иллюстративному ряду повести, трепетно воспроизводящему калмыцкие сюжеты произведения.

Многоликая идентичность авторов (от российской до этнической), представленная в спектре исторической памяти, привлекает внимание исследователей, поскольку в них отражается психоэмоциональное состояние общества. Оно интегрировано в направлении консолидации, меняющихся ценностных ориентаций[18]. Для исследования идентификационных процессов в Республике Калмыкия необходим глубокий анализ особенностей идентичности творческой элиты общества, что позволит определить готовность социума участвовать в деятельности, направленной на сохранение этничности, культурного наследия. И в целом — эффективного развития региона и стра-

ны. Постановка проблемы и реализация данного проекта позволит определить возможности и характер совмещения гражданской, национально-государственной идентичности, с одной стороны, и региональной (республиканской), этнической, конфессиональной идентичности — с другой.

Исследование в рамках проекта предполагает проанализировать межэтнические установки, которые рассматриваются как чуткий индикатор направленности — позитивной или негативной — гражданской идентичности, уровня солидаризации и принятия культурного разнообразия российского мира. В данном проекте большое внимание будет уделено анализу проблем этничности — широко используемой в науке категории, теоретическое и прикладное значение которой определяется нарастанием глобализационных процессов, резким ростом миграционной подвижности населения мира и, как следствие, усилением межкультурного и межэтнического взаимодействия[19]. Проблема в национальных регионах страны стоит особенно остро в связи с ассимиляционными процессами, утратой этнической культуры. Все эти явления находят отражение в творческой деятельности. В таком социокультурном ракурсе изобразительное искусство Калмыкии 10-х гг. XXI в. как показатель этничности общества исследуется впервые.

Поступила 27.07.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Намруева Л. В.** Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере калмыков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2011. № 2. С. 87 — 92.

[2] См.: **Яковенко И. Г.** Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.

[3] См.: **Червонная С. М.** Все наши боги с нами и за нас. Этническая идентичность и этническая мобилизация в современном искусстве России / под ред. М. Н. Губогло ; Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1999. С. 35.

[4] См.: **Мнацаканян М. О.** Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М., 2004.

[5] См.: **Мосолова Л. М.** Современный цивилизационный процесс, проблемы актуализации традиций этнических культур и образование // Проблемы изучения регионально-этнических культур России и образовательные системы : тез. докл. на междунар. науч. конф. СПб., 1995.

[6] См.: **Батырева С. Г.** Изобразительное искусство Калмыкии XX века (1957 — 2000). Элиста, 2014. С. 112 — 124.

[7] См.: **Мнацакян М. О.** Указ. соч. С. 175, 177 — 179.

[8] См.: **Каган М. С.** Искусство как феномен культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган // Искусство в системе культуры. Л., 1987. С. 6 — 22.

[9] См.: **Арутюнов С. А.** Механизм усвоения нововведений в этнической культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур : материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 7 — 8; **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990; **Бромлей Ю. В.** Очерки теории этноса / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1983; **Тишков В. А.** Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. Омск, 9 — 12 июня 2003 г. М., 2003. С. 14 — 31.

[10] См.: **Топоров В. Н.** К реконструкции некоторых мифологических представлений на материалах буддийского искусства // Народы Азии и Африки. 1964. № 3. С. 101 — 110; **Лотман Ю. М.** Феномен культуры // Труды по знаковым системам. Т. X. Семиотика культуры : учен. зап. Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1978. Вып. 463. С. 3 — 17; **Хренов Н. А.** Опыт культурологической интерпретации переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н. А. Хренов. М., 2002. С. 11 — 55.

[11] См.: **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. Философия неравенства. М., 1990; **Данилевский Н. Л.** Россия и Европа. М., 1991; **Моль А.** Социодинамика культуры : пер. с фр. М., 1973.

[12] См.: **Батырева К. П., Батырева С. Г.** Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия / Министерство культуры РФ; Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Южный филиал ; отв. ред. И. И. Горлова. М. ; Краснодар, 2015. С. 345 — 356.

[13] См.: **Батырева С. Г.** Современное искусство в музее КИГИ РАН: от этнографизма к этничности // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие : материалы II Междунар. науч. конф. / Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук. Элиста, 2016. С. 74 — 76.

[14] См.: **Батырева С. Г.** Изобразительное искусство Калмыкии… С. 131 — 133.

[15] См.: **Бадмаев В. Н., Батырева С. Г., Намруева Л. В., Овшинов А. Н.** [и др.] Народы Калмыкии в системе евразийских историко-культурных ценностей: прошлое, настоящее и перспективы развития / Министерство образования и науки РФ, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. Элиста, 2016; **Батырева С. Г.** Калмыцкое изобразительное искусство: евразийский аспект изучения // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия : материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Элиста, 2009. С. 389 — 392.

[16] См.: **Батырева С. Г.** Изобразительное искусство Калмыкии…

[17] См.: **Batyreva K. P., Batyreva S. G.** Figurative Art and Epic Imagery in Kalmykia in Light of the Ethnic Identity of the Creative Individual // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2015. Vol. 5. Issue 3. P. 6 — 23. (Art, Identity and Ethnicity: Republics of Kalmykia, Buryatia, Altai, and Sakha (Yakutia).

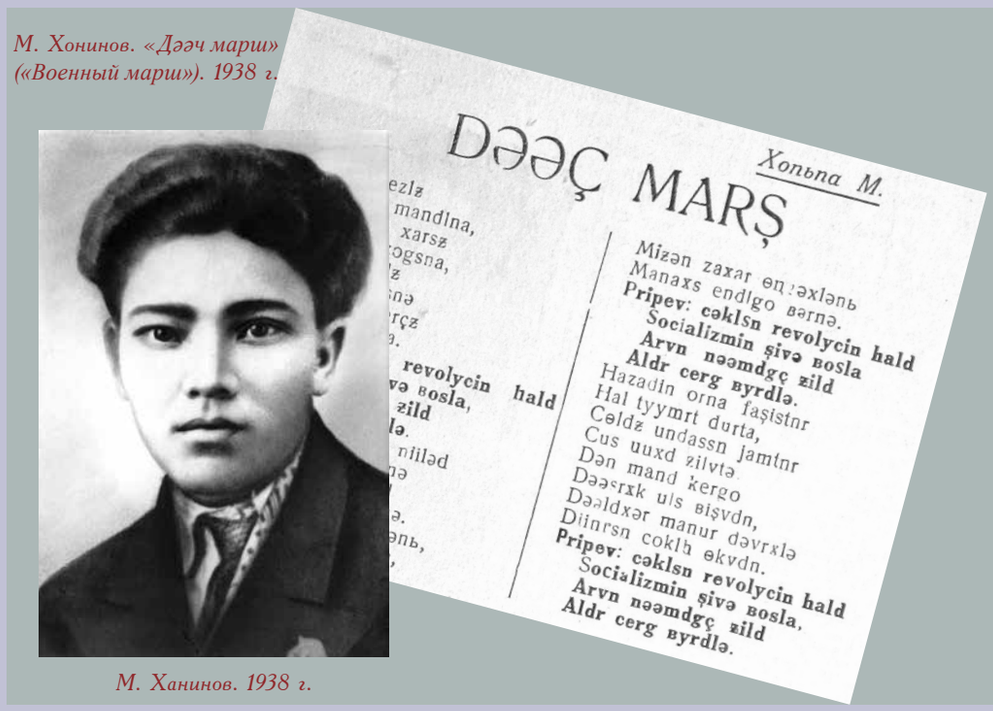
[18] **Намруева Л. В.** Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия. Элиста, 2015. С. 131 — 133.

[19] См.: **Гунаев Е. А., Марзаева М. Б., Намруева Л. В.** Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе Российской Федерации (на примере) Республики Калмыкия. Элиста, 2014.

УДК 82.09(470.47)

Римма Михайловна Ханинова

ЛИРИКА МИХАИЛА ХОНИНОВА 1937 – 1938 гг.



М. Хонинов. «Дәәч марш» («Военный марш»). 1938 г.

М. Ханинов. 1938 г.

Литературный дебют Михаила Ванькаевича Хонинова (1919 — 1981) относится к 1935 г., когда в республиканской газете «Улан хальмг» было опубликовано его первое стихотворение «Адуч» («Табунщик»).

Из ранней лирики Михаила Хонинова нами обнаружены в республиканской печати 1930 — 1940-х гг. 25 стихотворений на калмыцком языке. Они опубликованы в разных изданиях — в газетах «Улан хальмг» («Красный калмык»), «Улан баһчуд» («Красная молодежь»), «Ленинә ачнр» («Внучата Ленина»), в журнале «Улан туг» («Красное знамя»), а также в сборнике «Ленин — Сталин: хальмг дуд болн стихмүд» («Ленин — Сталин: калмыцкие песни и стихи»).

Эти произведения подписаны поразному: Хоньна М. (21), Хоньна Мууда (1), красноармеец Хоньна М. (3). Мууда — домашнее имя Михаила Хонинова, так его называли в семье.

Часть стихотворений написана в Элисте: автор после окончания Калмыцкого техникума искусств в Астрахани работал в Калмыцком драматическом театре актером с 1936 по 1939 г., меньшая часть — в Забайкальском крае: служил в Красной армии с октября 1939 г. до лета 1941 г., когда началась Великая Отечественная война.

Большинство стихотворений относится к 1930-м гг., четыре стихотворения — к 1940 и 1941 гг.

Несколько стихотворений было напечатано в 1936 г. Одно стихотворение «Бовгадан Кичг» («Кичик Бовгадаев») посвящено орденоносцу-табунщику. Два стихотворения адресованы активу, в том числе делегатам II съезда Советов Калмыкии: «Комсомол», «Мана диилвр» («Наша победа»), два других стихотворения — актерам Калмыцкого драматического театра в связи с его открытием в Элисте: «Бичкн наста актермуд...» («Молодые актеры...»), «Бидн, бичкн актермуд...» («Мы, молодые актеры...»). Эти произведения, таким образом, связаны с биографией и профессией автора: членством в комсомольской организации и работой в Калмыцком драматическом театре.

Тексты стихотворений разного объема, разбиты строфически на катрены, два из пяти произведений не имеют названия. Автор демонстри-

© Ханинова Р. М., 2017

ровал навыки калмыцкого стихосложения, обратившись к его традиционной особенности — единоначатию в виде анафоры и аллитерации. В основном он использовал парную анафору (АА / ББ).

Рассмотрим лирику М. Хонинова 1937 — 1938 гг.

К 1937 г. относятся пять стихотворений: «Сталинд» («Сталину»), «Өвгн теегт» («Старик в степи»), «Нөкд мана Сталин...» («Товарищ наш Сталин...»), «Ончта өдр» («Знаменательный день»), «Шота Руставелид» («Шота Руставели»). Все они связаны с определенными событиями — политическими и литературными.

Появление первых четырех стихотворений обусловлено принятием Конституции СССР — основного закона страны — 5 декабря 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Она получила название сталинской, поскольку создавалась под руководством И. В. Сталина, причем часть статей была написана им самим. После Конституции СССР 1924 г. новая Конституция широко обсуждалась в стране, строившей социалистическое государство. Не остались в стороне и писатели. Стихотворение комсомольца М. Хонинова «Сталинд» («Сталину») не было исключением. Автор прямо обращается к адресату, используя личное местоимение «ты» и снимая дистанцию между первым человеком в стране и народом, демонстрируя, таким образом, единение и единомыслие. По мнению молодого поэта, дорогой вождь Сталин, обеспечивший прекрасную жизнь, своим быстрым достойным умом создал великую Конституцию: «Элвг сәәхн җирһлин / Эңкр көтлврч Сталин, / Ачта гүн ухаһарн / Алдр Конституц һарһвч»[1]. Автор считал, что нет величественней советской страны, метафорически сравнил жизнь в ней с солнцем. «Нарт делкән аһуһар / Негнчн улмар алдршв, / Наласн советин нутгар / Нарн-җирһл дүркрв»[2]. Другая метафора передавала, по мысли поэта, отношение советского народа к прославленному закону страны, действующему уже несколько месяцев: «Зурһадгч хүвднь, һазрин / Зөрмг Конституцчн туурв, / Зун дали сай әмтнчн / Зүркндән шахҗ эңкрлв»[3] («сто семьдесят миллионов людей любовно прижали к сердцу книжку Конституции»).

Как известно, не все единодушно приняли сталинский проект, но инакомыслие жестко подавлялось, оппозиция преследовалась и уничтожалась. Тем не менее автор стихотворения утверждал, что созданная умом Сталина новая конституция на вечные четыре времени года станет для всех путеводной: «Чини ухаһар чимгдсн / Чинртә шин Конституц / Мөңкин дөрвн цагт / Мандан залмҗ болх!..»[4].

В четырех катренах стихотворения поэт придерживается традиционной анафоры. Все катрены имеют парную анафору. Так, в первом катрене парную анафору представляют в лексическом плане эпитеты (*элвг — эңкр*, *ачта — алдр*). В четвертом катрене есть парная анафора фонетического типа (***чини — чинр**тә*, ***мөңкинд — мандан***). Во втором катрене и третьем катрене наблюдаем сплошную аллитерацию в единоначатии строк соответственно на **н** и **з**. Во втором катрене аллитерация **н** распространяется и внутри строк: «**Н**арт делкә**н** аһуһар / **Н**егн**чн** улмар алдршв, / **Н**алас**н** совети**н** **н**утгар / **Н**арн-җирһл дүркрв». Здесь используются парная анафора синтактического типа, а также рифма в перекрестной рифмовке (*аһуһар — нутгар*, *алдршв — дүркрв*). Рифма в перекрестной рифмовке видна и в третьем катрене (*һазрин — әмтнчн*, *туурв — эңкрлв*). Но в первом и четвертом катренах рифма не соблюдена.

Политическая лексика представлена в стихотворении партийным псевдонимом исторического деятеля И. В. Джугашвили-Сталин, историческим документом — Конституцией. Наименование главного закона страны в тексте дано безэквивалентной лексемой, но с усечением русского окончания **-ия**, в калмыцком падеже: именительное *Конституц* и *Конституцчн* (суффикс **-чн-** указывает на принадлежность). Многочисленные эпитеты, метафоры, восклицательное утверждение с многоточием в конце стихотворения передали эмоциональные переживания лирического субъекта. Обращение к Сталину, организатору новой конституции, авторские размышления о роли вождя и принятии Основного закона в жизни страны подчеркивали создание характерной для 1930-х гг. сталинианы в художественной советской литературе.

О том, как степняки восприняли новый государственный документ, — стихотворение «Өвгн теегт» («Старик в степи»). Лирический субъект ранним утром встретился в степи со старым калмыком, пасущим скот. Разговор о новой счастливой жизни поддержан песней старика. Новая действительность входит в текст появлением в небе самолета, который сбросил на землю почтовую корреспонденцию, грамотностью старого скотовода, читающего в газете по складам слово «Конституция» и дающего наказ летчику скорее донести новости землякам. «„Кон-с-ти-туц!“ — гиҗ умшчкад, / Көгшә самолетур заңһв. / — „Менд шулуһар йовад, / Манахст күргәд өг!!!“»[5]. Эмоциональный накал усилен с помощью трех восклицательных знаков. Сам же степняк развернул газету и торопливо стал читать текст конституции: «Иигж өвгн келчкәд, / Инәмсглж газетән делгв, / Көтлврч Сталинә билглсн / Конституц адһж умшв»[6]. Оставшись один в степи, старик воспроизвел звучание домбровой игры и в знак благодарности посвятил Сталину короткую песню: «Кеер өвгн һанцарн / Амарн домбр цокв, / Амрг Сталинд ханҗ, / Ахр дууһан нерәдв»[7]. Уточнение о песне в стихотворении связано с классификацией калмыцких народных песен —

ут дун («протяжная песня») и *ахр дун* («короткая песня»). Отношение к Сталину автора и лирического субъекта (старика) передано характеристикой его деятельности и личности: *көтлврч* — «вождь», *билглсн Конституц* — «Конституция как подарок», *амрг Сталин* — «товарищ Сталин», а также короткой песней-посвящением.

Пятнадцать катренов стихотворения организованы разными видами анафоры: полную анафору (АААА) наблюдаем в первом, третьем, седьмом и восьмом катренах. Например, в первом катрене: «**Өрән / Өр / Өмн / Өрән**»[8]. В остальных катренах — парная анафора (ААББ). Так, в четвертом катрене: «**Һа**рад / **Һәәх**ж / **Та**лвасн / **Та**алх»[9]. Исключением стал последний катрен, в котором анафора не соблюдена.

Новая лексика в стихотворении представлена такими словами, как «самолет», «газета», «Конституция», «вождь». Связь с национальной культурой указана фольклорным жанром, музыкальным инструментом: *ахр дун* — «короткая песня» (сочинение песни), *домбр* — «домбра» (домбровый наигрыш). У калмыков есть такие фольклорные жанры, как *йорял* — «благопожелание» и *магтал* — «восхваление». Автор же не выделил эти формы, ограничившись определением «ахр дун», но в контексте это, скорее всего, магтал.

Пейзажная зарисовка в стихотворении, с одной стороны, являет традиционную картину раннего утра — радостный полет жаворонка, восход солнца, утренняя звезда (Венера), с другой — тучные стада, табуны быстрых коней-аранзалов (*аранзал* — эпический конь). Все это призвано передать общее представление о счастливой новой жизни в калмыцкой степи.

Стихотворение «Өвгн теегт» перекликается по теме со стихотворением «Нөкд мана Сталин...», напечатанным в том же номере. Оно состоит из трех катренов, организованных парной анафорой, но без рифм, за исключением второго катрена, где есть перекрестная рифма (*саршң — мандлтха — усншң — налатха*»). Здесь главный герой — шестидесятилетний чабан, который в степи поет песню (два первых катрена) во славу конституции. В песне старика товарищ Сталин сравнивается с солнцем («Нөкд мана Сталин / Нарн мет мандлна»), а данная сталинской конституцией прекрасная жизнь — с пятнадцатидневной луной: «Мандан өгсн Конституцнь / Маш сәәхн җирһл / Арвн тавна саршң / Алдршгсн Конституц мандлтха»[10]. Эти сравнения передают картину мира степняков, для которых солнце — это жизнь, а пятнадцатидневная луна — символ красоты.

Стихотворение М. Хонинова под названием «Ончта өдр» («Знаменательный день») вызвано выборами в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. Оно было опубликовано среди газетных корреспонденций о том, как проходили эти выборы в республике: «Байрта өдр — декабрин 12 Лаганд» («Радостный день — 12 декабря в Лагани»), «Кезә чигн мартгдшго» («Никогда не забудется»), «Олн суңһачнрин күсл болгч ончта өдр — декабрин 12» («Мечта всех избирателей исполнилась в знаменательный день — 12 декабря»). Материалы этой газетной полосы «Улан баһчуд» вышли под общим заголовком, характерным для тех лет: «Хальмг республикин күч-көлсчнр СССР-н Верховн Советин Суңһврмудин өдриг маш ик өргмҗтәһәр болн байртаһар тосцхав» («Трудящиеся Калмыцкой республики встретили день выборов в Верховный Совет СССР с большим воодушевлением и радостью»).

Молодой поэт подтвердил это торжество стихотворением в тот же день (судя по дате под газетным текстом). Свою причастность к выборам подчеркнул тем, что он, *советский* артист, держит в правой руке желанный бюллетень, напечатанный большевиками: «Большевистск барар барлгдсн / Бахмҗта суңһврин бюллетениг, / Би, советск артист, / Барун һартан атхҗанав»[11]. Важность момента и тайну голосования автор декларирует тем, что его бюллетень никогда не увидят заклятые враги, что никто не узнает, за кого он отдал свой тайный голос: «Мини һартк бюллетень / Муульта хортдт үзгдшго, / Нуувчинәр өгчәх дууһим / Негчн күн медшго»[12]. В подробностях голосования (положил бюллетень в конверт, основательно подумал о трех кандидатурах большевиков) показана выборная процедура: «Бюллетенән конвертдән дүржәнәв, / Болһамҗта кевәр ухалув, / Большевикүдт дууһан өгчәнәв — / Карпов, Озеркин, Изотовд»[13]. М. Хонинов, как и многие люди, участвовавшие в выборах, верил в тогдашнюю демократию и свободу, поэтому призвал молодежь: «Бюллетенән һанцарн умшув, / Болд Сталинцнриг суңһур, / Бахтад эднәрн дуулв. / Баһчуд! Тадниг дуудув»[14]. Лексика стихотворения включает новые для степняков слова: *бюллетень*, *суңһвр* («выборы»), *большевистск* («большевистский»), *ду* (в значении «голос выборщика»), *конверт*, *советск артист* («советский артист»).

Стихотворение состоит из четырех катренов, организованных разными видами анафоры: первый и четвертый катрен имеют полную анафору, аллитерацию на букву **б**, второй катрен — парную анафору, третий катрен — три строки имеют аллитерацию на букву **б**, а четвертая строка — на букву **к**. В стихотворении не соблюдена конечная рифма.

Восемнадцатилетним поэтом, впервые принимавшим участие в выборах, все происходившее воспринималось наивно. В выборах, по статистическим данным того времени, приняли участие 96,8 % избирателей, против коммунистов проголосовало менее 1 % избирателей. Сегодня эти первые парламентские выборы в СССР многие историки на-

зывают декоративными, потому что они были безальтернативными.

Грузинскому поэту XII в. адресовано пятое стихотворение М. Хонинова. В 1934 г. в Грузии приняли решение о подготовке к празднованию 750-летия со дня рождения великого поэта и о переводе его поэмы «Витязь в тигровой шкуре» на языки народов СССР. В 1930-е гг. эта поэма была переведена на русский язык К. Бальмонтом (1933), П. Петренко, Г. Цагарели и Ш. Нуцубидзе (1937). Поскольку перевод П. Петренко был издан в 1938 г., а Ш. Нуцубидзе — в 1941 г., то М. Хонинов в 1937 г., в год празднования юбилея, вероятно, мог познакомиться с неоднократно переизданным русским переводом К. Бальмонта.

Стихотворение М. Хонинова «Шота Руставелид» — прямое обращение к автору поэмы «Витязь в игровой шкуре». Поэт в первом же катрене назвал его великим грузинским поэтом, подчеркнул его принадлежность к литературе народов СССР притяжательным местоимением «наш», указал на причину появления произведения — прочитал книгу Руставели, которая не выходит из его памяти: «Алдр грузинск поэт, / Мана Шота Руставели, / Чини дегтричин умшув, / Чеежәсм төрүц һархш»[15].

Хониновский текст имеет 7 строф с пятью катренами и двумя терцетами. В первом катрене автор не соблюдает ни анафору, ни рифму. Во втором катрене поэт прибегнул к перекрестной анафоре: в 1-й и 3-й строках — синтактической (*Чини кесн көдлмшиг*), во 2-й и 4-й строках — к неполной синтаксической (*Советск — Советск*). Здесь и перекрестная рифмовка (*көдлмшиг — меднә, көдлмшиг — эңкрлнә*) с повтором рифмы в 1-й и 3-й строках (*көдлмшиг*). С помощью приема градации (от всесоюзного к автономному читателю) показано знание советскими гражданами главного труда Руставели, оцененного ими по достоинству. В третьем и

Дни калмыцкой литературы и искусства. М. Хонинов в первом ряду третий слева. Москва, 1939 г.

четвертом терцетах первые строки начинаются уже с восклицательного обращения к грузинскому поэту: «Шота Руставели!». Там же выражается уверенность в бессмертии бесценной книги автора. В пятой строфе Хонинов использовал в 1-й и 3-й строках перекрестную анафору синтаксического вида (*Өргн советск нутгм* — «Великая советская страна»), перекрестную рифмовку (*нутгм — дуулҗана, нутгм — санҗана*) с тем же повтором рифмы в 1-й и 3-й строках (*нутгм*). Шестая строфа построена по тому же принципу: перекрестная анафора с неполной синтаксической конструкцией, с прямым обращением к поэту, с перекрестной рифмовкой и рифмой: «Шота Руставели, кезәнә / Күүнд тоолгдго билəч, / Шота Руставели, ода / Кезəд чигн манлач»[16]. В этом катрене калмыцкий поэт, обращаясь к собрату по перу, выразил удовлетворение: несмотря на то, что тот не был оценен в свое время, теперь ему воздают заслуженные почести. Здесь переданы авторские размышления в контексте стихотворения: все истинное обычно подтверждается временем. Завершающий текст катрен в контекстуальном плане имеет тот же прием градации: от обращения к конкретному грузинскому поэту XII в. в первом катрене к советскому грузинскому народу в конце стихотворения: «Өнр советск грузинəхн, / Ончта эн өдрлəтн / Сарул у теегəсн / Стихəн таанрт нерəдҗənəв»[17]. Посвящая стихи из просторных калмыцких степей потомкам Руставели, Хонинов актуализировал время их написания: в эти знаменательные для грузин дни.

Обратим внимание на политическую лексику эпохи в стихотворении: «советские граждане», «советская Калмыкия», «советская страна», «советские грузины». Пиетет молодого калмыцкого поэта перед грузинским классиком проявился в неоднократном обращении к нему по имени и фамилии — Шота Руставели, в том числе с восклицательным знаком, но в то же время есть братская дистанция — в личном местоимении «ты», а также в сочетании — «твоя книга», «твой труд» и т. д. Эпитеты позволяют передать эмоциональный заряд произведения: *алдр* — «великий» (поэт), *өргн* — «высокий, возвышенный», *сарул у* — «широкие, просторные, бескрайние». Оценочный критерий дан через сравнение книги Руставели с золотом (*алтн унтə*), метафора *чеежəсм төрүц һархш* («не выходит из ума, из души») по отноше-

нию к грузинской книге акцентирует воздействие поэмы на калмыцкого поэта.

Хонинов использовал русское слово «стихи» в калмыцких падежах и во множественном числе (стихәрчн, стихән), что было характерно для калмыцкой поэзии 1930 — 1940-х гг. Так, в первой книге Д. Кугультинова в заглавии читаем калмыцкое слово *шүлгүд*: «Бағ насна шүлгүд» («Стихи юности»), а в стихотворении «Керм деер» («На пароходе») — уже русское слово «стихи» («Стихмүдән чамд умшлав» — «Стихи тебе читал»)[18].

К 1938 г. относятся три стихотворения М. Хонинова. Два из них написаны на военную тему, связанную с уходом старшего брата-артиста Лиджи в Красную армию. Первое стихотворение написано в жанре военного марша и названо «Дәәч марш». Напечатано было 23 февраля — в праздничный день. Стихотворение состоит из трех строф по 8 строк и четырехстрочного куплета.

Для калмыцкой лирики 1920 — 1930-х гг. более характерен жанр военной песни, чем марш. Например, «Дәәчнрин дун» («Военная песня»), «Улан цергә дун» («Песня Красной армии»), «Кавалеристин дун» («Кавалерийская песня»)[19]. Авторы двух последних песен — поэты С. Эрдюшев и Л. Инджиев.

Военный марш М. Хонинова также построен в основном на парной анафоре, за исключением последних четырех строк, которые имеют сплошную анафору. «**Дә**н манд керго, / **Дәә**срхк улс бишвдн, / **Дәә**лдхәр манур дәврхлә, / **Ди**инрсн цоклһ өквдн»[20]. Поэт заверяет, что нам не нужна война, мы не завоеватели, но напавшие на нас получат достойный отпор. В стихотворении автор придерживается перекрестной рифмовки с женской рифмой, чуть нарушив ее в конце. Здесь враг назван фашистом, а его агрессивность передана метафорически: «Һазадин орна фашистнр / Һал түүмрт дурта...» («Зарубежные фашисты / любят пожар...»)[21].

М. Хонинов на коне в степи. Начало 1970-х гг.

Отражение военной ситуации накануне Второй мировой войны, когда СССР был готов отразить нападение агрессора. Поэтому не случайны военные лозунги в калмыцкой лирике тех лет. Например, «Оньдин „белн болтн“» («Всегда „будь готов“») Г. Дамбинова, «Болх дәәнд белдий!» («Готовься к будущей войне!») Б. Дорджиева[22]. Как отмечает исследователь М. А. Лиджиев, «обращение калмыцких поэтов к традициям народной песни и создание на их основе массовых калмыцких песен в 1920 — 1930-е гг. явились началом процесса жанрообразования и формирования авторской лирики песенного типа»[23].

Второе стихотворение М. Хонинова «Ахдан» («Старшему брату»), написанное в сентябре 1938 г., опубликовано 5 декабря того же года. Оно делится на три неравномерные строфы. В первой строфе слиты девять катренов, во второй — четыре, в третьей — пять. Несмотря на то, что конкретное имя старшего брата не указано в тексте, другая информация идентифицирует адресата: служба на границе, участие в боях с самураями на Халхин-Голе и Хасане, возраст — двадцать один год. Из трех братьев автор был дружен с Лиджи, который тоже писал стихи и опубликовал в республиканской печати несколько текстов. Поэтому вначале младший брат пишет о том, что старается подобрать нужные слова, передавая горячий привет и пожать руку старшему брату: «Үзгән ниилүлҗ босхад, / Үгән сиилүлҗ чимәд, / Үнтә ах, чамд / Зүркни халун менд!.. / Һарлцсн чини дүүнрчн / Һаран өгч мендлҗәнә...»[24].

Он выражает уверенность, что тот будет надежно охранять государственную границу, чтобы ни один враг не прошел, как не прошли самураи, когда Красная армия пришла на помощь братской Монголии.

Во второй строфе автор призывает старшего брата не беречь сил, следовать приказам командира, гнать врага с родной земли. При этом он упоминает лезвие шашки, которой старший брат может рубить неприятеля, хотя тот не служил в кавалерии. И, если старшего брата настигнет вражеская пуля, младший брат готов заменить его: «Хортна хорта сумнд / Харһад одвчн, ардчн, / Ормичн сольх дүүчн / Оньдин белн, менд!..»[25].

Третья строфа продолжает авторскую мысль: младший брат не будет сожалеть о смерти старшего брата, отдавшего жизнь за родину. Он пойдет в Красную армию, не отступится от своего решения. И верит, что старший брат научит большевистской науке других, что он будет готов к будущей войне, повысит свое военное мастерство, станет настоящим воином.

В этом тексте поэт придерживается в основном парной анафоры с некоторыми отступлениями, рифмовка парная и перекрестная, рифма женская. Например, в конце стихотворения: «**Боль**шевизмәр сурһулян *сурич*, / Болх дәәнд бед*рич*, / **Дәә**нә медрлән гүүтк*ич*, / **Дәә**ч цергч бо*лич*!»[26]. Автор использует частые

восклицания, обращения (*ах, чи*), эпитеты (*үнтә, халун, шуурһта, киитн, һалзу, хәәртә, хорта, эңкр, шүрүн, күчтә, килмҗтә*), военную лексику (*Улан Цергг, межҗә, дән, дәәч, өшәтнр, хортн, сумн, бу, командир, заквр, цергчнр, чашк*).

Третье стихотворение М. Хонинова 1938 г. «Мандан Сталин җирһтхә» («Да здравствует Сталин») тематически перекликается со стихотворениями 1937 г. — «Өвгн теегт», «Нөкд мана Сталин...», «Ончта өдр». Здесь та же картина огромной счастливой страны, живущей под мудрым руководством вождя Сталина и работающей на благо Отечества. Автор убежден, что нигде в мире нет такой жизни, нет такой силы у фашистов, которая сравнивалась бы с советской. «Нань иим җирһл / Нарта делкәд уга, / Манла әдл чидл / Махсг фашистнрт уга»[27]. В этом стихотворении появляется новое политическое имя — народный комиссар внутренних дел СССР в 1936 — 1938 гг. Н. И. Ежов. Молодой поэт, прославляя имя наркома, непримиримого к врагам родины, не понимал тогда природу политических репрессий 1937 — 1938 гг., известных под названием «Большой террор». И заканчивает стихотворение здравицей И. В. Сталину, давшему народу конституцию: «Күмни хортыг ширгәҗәх / Нарком Ежов тууртха, / Конституц һарһҗ өгсн / Сталин оньдинд бәәтхә»[28]. Соседство двух этих имен в конце текста и упоминание главного закона страны, с одной стороны, отражало общую официальную линию в политической жизни того времени, с другой — передавало заблуждения части интеллигенции, верившей сталинским лозунгам и мифам. В стихотворении нет деления на строфы и четкой структуры анафоры, в целом ориентирующейся на парную анафору, здесь также перекрестная рифмовка с женской рифмой.

Подводя итоги, отметим, что 5 стихотворений 1937 г. и 3 стихотворения 1938 г. М. Хонинова в республиканских газетах имеют много общего в тематике: политика, идеология, Конституция, выборы в Верховный Совет СССР, государственные деятели — Ленин, Сталин, Ежов, большевистская партия, Красная армия, защита Отечества, готовность к будущей войне, новая жизнь в калмыцкой степи. В этих произведениях отражена активная жизненная позиция автора. Стихотворение, посвященное юбилею грузинского классика Шота Руставели, подтверждает интерес поэта к инонациональной литературе и ее переводам на русский язык. Заметно отсутствие любовной и пейзажной лирики в ранних стихотворениях М. Хонинова. Если такие стихи и были, то не сохранились из-за Великой Отечественной войны и депортации калмыцкого народа в период сталинских репрессий (1943 — 1956).

Начинающий поэт осваивал азы художественного мастерства, ориентируясь на фольклорные традиции и на современную ему калмыцкую лирику. В жанровом отношении его стихи разнообразны: марш («Дәәч марш»), посвящение («Сталинд», «Шота Руставелид», «Ахдан»), здравицы («Мандан Сталин җирһтхә»), жанровая сценка («Өвгн теегт»), песня («Нөкд мана Сталин...») и др. Поэт придерживался традиционной калмыцкой версификации, основанной на анафоре, преимущественно у него парной, аллитерации, часто использовал перекрестную рифмовку и женскую рифму. Художественно-изобразительные средства в его текстах передают национальный колорит (образ, метафора, сравнение, эпитет и т. п.). В этом плане ранняя лирика М. Хонинова отмечена синтезом традиций и новаций.

Поступила 09.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] **Хоньна М.** Сталинд // Улан хальмг. 1937. Апрелин 7. Х. 2.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] **Хоньна М.** Өвгн теегт // Улан хальмг. 1937. Августын 22. Х. 2.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] **Хоньна М.** «Нөкд мана Сталин…» // Улан хальмг. 1937. Августын 22. Х. 2.
[11] **Хоньна М.** Ончта өдр // Улан баһчуд. 1937. Декабрин 13. Х. 6.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] **Хоньна М.** Шота Руставелид // Улан хальмг. 1937. Декабрин 29. Х. 2.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] См.: **Көглтин Д.** Баһ насна шүлгүд. Элст, 1940. Х. 65.
[19] См.: Дуулич, теегм, дуулич! Хальмг дуудин хураңһу. Элст, 1958. Х. 157 — 158, 167 — 168, 183.
[20] **Хоньна М.** Дәәч марш // Улан баһчуд. 1938. Февралин 23. Х. 4.
[21] Там же.
[22] См.: Дуулич, теегм, дуулич! Х. 161 — 162, 163 — 164.
[23] **Лиджиев М. А.** Фольклорные традиции в калмыцкой поэзии (1920 — 1980-е гг.) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2006. С. 14.
[24] **Хоньна М.** Ахдан // Ленинә ачнр. 1938. Декабрин 5. Х. 4.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] **Хоньна М.** Мандан Сталин җирһтхә // Улан баһчуд. 1938. 1 мая. Х. 4.
[28] Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ

Лаптун Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики МГПИ им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: vil160@rambler.ru

«ТАК КТО ЖЕ ТАКОЙ НИКОЛАЙ КРАСОВСКИЙ — ПАЛАЧ, ЖЕРТВА ИЛИ ГЕРОЙ?»

На основе различных источников автор прослеживает жизненный путь полковника Н. В. Красовского. В первой части статьи речь идет о его деятельности в роли наркома внутренних дел Мордовской АССР.

Ключевые слова. Большой террор, репрессии, нарком, НКВД, Н. В. Красовский, палач, жертва, герой.

Сартикова Евгения Викторовна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН, г. Элиста, Россия,
e-mail: sartikova _ evgeniya@mail.ru

РОЛЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАЛМЫКИИ В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1920—1930)

Статья посвящена деятельности партийной организации Калмыкии по развитию народного образования. Работа отдела образования постоянно находилась в центре внимания партийных и советских органов, рассматривалась на партийных конференциях и областных съездах Советов, пленумах, заседаниях президиума и секретариата областного комитета партии. Благодаря этому расширялась школьная сеть, росла численность учащихся, разворачивалась система подготовки педагогических кадров, что привело к повышению уровня грамотности населения. Научная новизна исследования определяется тем, что автор, привлекая ранее не публиковавшиеся архивные материалы, комплексно рассматривает деятельность региональной организации компартии по развитию школьного образования области.

Ключевые слова. Калмыкия, партия, партийная конференция, программа, образование, подготовка кадров, национальная школа.

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого научного центра РАН, г. Элиста, Россия,
e-mail: en-badmaeva@yandex.ru

РЕПРЕССИИ НАРОДА ДИСКРЕЦИОННОЙ ВЛАСТЬЮ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОКУМЕНТОВ ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР

В статье на основе изучения феноменов социальных явлений, проявившихся в советском обществе особенно в первые годы Великой Отечественной войны, по документам правового и оперативного характера анализируются софизм высших органов партийной и государственной власти и исполнительная роль карательного органа страны. Дискреционная власть действовала по сложившемуся в годы репрессий стереотипу: при неудачах, просчетах обвинить «вредителей», «врагов народа» и расправиться с ними, а органы НКВД по отработанному методу — сфабриковать дело, сфальсифицировать документы. Произвол, беззаконие, софистика диктаторского режима и его карательного органа полностью отражаются в документальных материалах.

Ключевые слова. ЦК ВКП(б), СНК СССР, НКВД СССР, диктаторский режим, репрессии, документы, фальсификация.

Фролов Дмитрий Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного филологического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва, научный сотрудник отдела средневековой и дореволюционной истории МРОКМ им. И. Д. Воронина, г. Саранск, Россия, e-mail: frolovdv@list.ru

ВЕТЕРАН ТРЕХ ВОЙН. Дмитрий Кузьмич Шеянов

В статье повествуется о ветеране, прошедшем три войны, с привлечением фотографий и материалов начала и второй половины XX в. из семейного архива.

Ключевые слова. Д. К. Шеянов, ветеран, Первая мировая война, Великая Отечественная война, старообрядчество, артель, бондарное дело.

Laptun Vladimir Ivanovich — Candidate of History, Assistance Professor of Department of Pedagogy, M. E. Evsevyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: vil160@rambler.ru

"SO WHO IS NIKOLAY KRASOVSKY — AN EXECUTIONER, A VICTIM OR A HERO?"

The life of Colonel N. V. Krasovsky is described in the article on the basis of on various sources. The first part of it is devoted to his work as a People's Commissar for Internal Affairs of the Mordovian ASSR.

Key words. Great terror, repressions, People's Commissar, NKVD, N. V. Krasovsky, executioner, victim, hero.

Sartikova Evgeniya Viktorovna — Doctor of History, Associated Professor, Leading Researcher of Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia, e-mail: sartikova _ evgeniya@mail.ru

THE ROLE OF THE PARTY ORGANIZATION OF KALMYKIA IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION (1920—1930)

The article is devoted to the activity of the party organization of Kalmykia to develop public education. The work of the department of education was constantly at the center of attention of the party and Soviet bodies, it was considered at party conferences and regional congresses of the Soviets, plenums, the presidium and the secretariat of the regional party committee. That is why, the school network expanded, the number of pupils grew, the system of pedagogical staff training developed, which resulted in the improvement of the literacy level of the population. The fact that the author considers the activities of the local organization of the Communist Party for the development of school education in the region in complex, involving previously unpublished archival materials, determines the scientific novelty of the study.

Key words. Kalmykia, party, party conference, program, education, training of personnel, national school.

Maksimov Konstantin Nikolayevich — Doctor of History, Professor, Principal Researcher of Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia, e-mail: en-badmaeva@yandex.ru

REPRESSIONS OF THE PEOPLE BY THE DISCRETE POWER OF THE SOVIET STATE: ACCORDING TO DOCUMENTS OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE VKP (b), COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE USSR, NKVD OF THE USSR

Based on the study of the phenomena of social facts, manifested in Soviet society, especially in the first years of the Great Patriotic War, on documents of a legal and operational nature, sophism of the supreme bodies of party and state power and the executive role of the punitive organ of the country is analyzed in the article. The discretionary authority acted according to the stereotype developed in the years of repressions: to accuse and punish "wreckers" and "enemies of the people" in case of failures and other blunders, while the NKVD bodies used proven methods — to fabricate a case and to falsify documents. Outrage, lawlessness, sophistry of the dictatorial regime and its punitive body are represented in the documentary materials in details.

Key words. Central Committee of the VKP(b), SNK of the USSR, NKVD of the USSR, dictatorial regime, repressions, documents, falsification.

Frolov Dmitry Viktorovich — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Russian as a Foreign Language of Faculty of Philology, National Research Mordovia State University, Researcher of Department of Medieval and Pre-Revolutionary History, United Museum of Local Lore of the Republic of Mordovia named after I. D. Voronin, Saransk, Russia,
e-mail: frolovdv@list.ru

A VETERAN OF THREE WARS. DMITRY KUZMICH SHEYANOV

The article tells of a veteran, who took part in three wars, using photos and materials of the beginning and the second half of the XX century from the family archive.

Key words. D. K. Sheyanov, veteran, World War I, the Great Patriotic War, Old Believers, artel, cooperage.

Махаев Виктор Борисович — кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой архитектуры и дизайна МГУ им. Н. П. Огарева, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, член ИКОМОС и Союза архитекторов России, г. Саранск, Россия,
e-mail: haus _ maler@mail.ru

ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ЛАГЕРЕЙ ТРЕБУЮТСЯ АРХИТЕКТОРЫ

В статье рассматривается политика репрессий по отношению к советским архитекторам в 1930 — 1950-е гг., рассказано о драматических судьбах реставратора П. Д. Барановского, архитекторов В. К. Олтаржевского, Т. Я. Бардта, Н. Е. Лансере, историка архитектуры А. И. Некрасова.

Ключевые слова. Тоталитарная культура в СССР, репрессии 1930 — 1950-х гг., архитектурное проектирование, строительство в ГУЛАГе.

Makhaev Viktor Borisovich — Candidate of Arts, Professor, Head of Department of Architecture and Design, National Research Mordovia State University, Counselor of Russian Academy of Architecture and Building Sciences, Member of ICOMOS and the Russian Union of Architects, Saransk, Russia, e-mail: haus _ maler@mail.ru

THE MAIN ADMINISTRATION OF CAMPS WANTS ARCHITECTS

The article deals with the policy of repression towards the Soviet architects in 1930 — 1950s, it tells about the dramatic fates of a restorer P. D. Baranovsky, architects V. K. Oltarzhevsky, T. Ya. Bardt, N. T. Lansere and a historian of architecture A. I. Nekrasov.

Key words. Totalitarian culture in the USSR, repressions of 1930 — 1950s, architectural design, building in the Gulag.

Борисов Борис Александрович — аспирант отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В ТРУДАХ КАНАДСКОГО ПОЛИТОЛОГА И ИСТОРИКА П. СОЛОМОНА

В статье анализируются взгляды известного канадского политолога, историка и правоведа П. Соломона на процесс формирования системы советской юстиции в первое десятилетие советской власти. Особое внимание уделено его трактовке связей органов юстиции с местными партийными и советскими органами, их взаимовлиянию.

Ключевые слова. Советская юстиция, судебная система, трибунал, местные органы власти, монография, дискуссия, западная советология.

Borisov Boris Aleksandrovich — Postgraduate Student of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

PROBLEMS OF THE SYSTEM OF SOVIET JUSTICE FORMATION IN THE WORKS OF CANADIAN POLITICAL SCIENTIST AND HISTORIAN P. SOLOMON

The views of the famous Canadian political scientist, historian and jurist P. Solomon on the process of formation of the Soviet justice system in the first decade of Soviet power are analyzed in the article. Particular attention is paid to his interpretation of relations of the organs of justice and local party and Soviet bodies, as well as to their mutual influence.

Key words. Soviet justice, judicial system, tribunal, local authorities, monograph, discussion, Western Sovietology.

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: amkatorova@mail.ru

СПЕЦИФИКА ОТОБРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются пути формирования исторических жанров в мордовской литературе, анализируются наиболее репрезентативные произведения о национальной истории, особенно древней, делаются выводы об особенностях художественной интерпретации деятельности исторических личностей и их характеров разными писателями, в частности К. Г. Абрамовым, М. И. Брыжинским, А. М. Дорониным, А. И. Пудиным и др.

Ключевые слова. История мордвы, крестьянская литература, эпос, произведения по мотивам фольклора, исторический жанр, роман, повесть, драма, поэма.

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Doctor of Pedagogics, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: amkatorova@mail.ru

SPECIFICS OF NATIONAL HISTORY DESCRIPTION IN THE MORDOVIAN LITERATURE

The ways of formation of historical genres in the Mordovian literature are considered in the article, as well as the most representative works about national history, especially the ancient one, are analyzed and conclusions about the features of artistic interpretation of the activities of historical figures and their characters by different writers, in particular K. G. Abramov, M. I. Bryzhinsky, A. M. Doronin, A. I. Pudin and others, are made.

Key words. History of the Mordvins, peasant literature, epos, works based on folklore motifs, historical genre, novel, novelette, drama, poem.

Белоусов Сергей Владиславович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия,
e-mail: sergbel _ 1812@mail.ru

«БОЛЬШОЙ КУБАНСКИЙ ПОГРОМ» В ПЕНЗЕНСКОМ И САРАНСКОМ УЕЗДАХ

Восстановление хронологии событий по документам канцелярии саранского ландрата Льва Аристова

В статье на основе комплекса документов канцелярии саранского ландрата Льва Федоровича Аристова восстанавливается хронология «большого кубанского погрома» на территории Пензенского и Саранского уездов.

Ключевые слова. «Большой кубанский погром» 1717 г., Пензенский и Саранский уезды, саранский ландрат Л. Ф. Аристов.

Belousov Sergey Vladislavovich — Doctor of History, Associate Professor, Head of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Penza, Russia, e-mail: sergbel _ 1812@mail.ru

"THE GREAT KUBAN RIOT" IN THE PENZA AND SARANSK UYEZDS

Restoration of the chronology of events according to the documents of the Office of the Landrat of Saransk Lev Aristov

The chronology of the "Great Kuban Riot" in the territory of the Penza and Saransk Uyezds is restored in the article on the basis of the complex of documents from the Office of the Landrat of Saransk Lev Fedorovich Aristov.

Key words. "Great Kuban Riot" of 1717, the Penza and Saransk Uyezds, the Landrat of Saransk Lev Aristov.

Артамонова Людмила Михайловна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Самарского государственного института культуры, г. Самара, Россия, e-mail: artamonovoi@mail.ru

УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯН ПОВОЛЖЬЯ В СБОРЕ ПЕРВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены фольклорные записи, которые были сделаны в 1847 г. крестьянами селений на Средней Волге для Русского географического общества. Это стало первым шагом в деле собирания русских народных песен и произведений других жанров фольклора.

Ключевые слова. Россия в середине XIX в., история Поволжья, культура, фольклор.

Artamonova Lyudmila Mikhaylovna — Doctor of History, Professor, Head of Department of History of the Fatherland, Samara State Institute of Culture, Samara, Russia, e-mail: artamonovoi@mail.ru

PARTICIPATION OF THE VOLGA REGION PEASANTS IN THE COLLECTION OF THE FIRST ETHNOGRAPHIC AND FOLKLORE MATERIALS FOR THE RUSSIAN GEOGRAPHIC SOCIETY

The folklore records made in 1847 by peasants of villages in the Middle Volga Region for the Russian Geographic Society are considered in the article. That was the first step in collecting Russian folk songs and works of other genres of folklore.

Key words. Russia in the middle of the XIX century, history of the Volga Region, culture, folklore.

Васильева Ольга Ивановна — кандидат исторических наук, главный специалист Центрального государственного архива Удмуртской Республики, г. Ижевск, Россия, e-mail: vasilyeva-60@rambler.ru

Воронцов Владимир Степанович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Россия,
e-mail: vvorontsov@rambler.ru

«...ПРОВИНЦИИ НУЖЕН ПОРЯДОК И СТРОЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАЗОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1917 ГОДУ

В статье рассматривается деятельность Глазовской городской думы по решению наиболее насущных проблем населения уездного города в переломный для страны 1917 год. Анализ архивных документов свидетельствует о том, что в условиях политического и социально-экономического кризиса реализовать свои функции в полной мере местным органам власти не удалось.

Ключевые слова. Уездный город, городское самоуправление, революция 1917 г., Глазовский Совет солдатских депутатов, демократизация общественной жизни, социально-экономические проблемы, смена власти.

Vasilyeva Olga Ivanovna — Candidate of History, Principal Specialist, Central State Archives of the Udmurt Republic, Izhevsk, Russia,
e-mail: vasilyeva-60@rambler.ru

Vorontsov Vladimir Stepanovich — Candidate of History, Senior Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia,
e-mail: vvorontsov@rambler.ru

"...THE PROVINCE NEEDS ORDER AND PROPER ORGANIZATION OF FOOD": THE ACTIVITIES OF THE GLAZOV TOWN DUMA IN 1917

The activities of the Glazov Town Duma in resolving the most vital problems of the population of the uyezd town in 1917 as a crucial point for the country. The analysis of archival documents shows that the local authorities failed to implement their functions to the full in the conditions of the political, social and economic crisis.

Key words. Uyezd town, town government, the revolution of 1917, the Glazov Soviet of Soldiers' Deputies, democratization of public life, social and economic problems, change of power.

Пивкина Светлана Васильевна — кандидат филологических наук, редактор национальной радиопрограммы «Вайгель», г. Саранск, Россия, e-mail: Sve-pivkina@yandex.ru

Пыреськина Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики филологического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: pireskina.elena@yandex.ru

ТИПОФОРМИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: АУДИТОРИЯ, ТЕМА, ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

(на примере радиопрограммы «Вайгель» («Голос»))

В статье рассматриваются типоформирующие факторы региональных средств массовой информации; исследуется целевое назначение национальной радиопрограммы «Вайгель» («Голос»); выявляются креативно-информационные признаки журналистики.

Ключевые слова. Национальная журналистика, медиаобразования, регион, средства массовой информации, периодика, радио, программа, передача, аудитория, жанровая палитра, типоформирующий фактор, язык, культура.

Pivkina Svetlana Vasilyevna — Candidate of Philology, Editor of the National Radio Program "Vaygel", Saransk, Russia,
e-mail: Sve-pivkina@yandex.ru

Pyreskina Elena Mikhaylovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Journalism of Faculty of Philology, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia,
e-mail: pireskina.elena@yandex.ru

THE TYPE-FORMING FACTORS OF REGIONAL MASS MEDIA: AUDIENCE, TOPIC, INTENDED PURPOSE

(on the example of the radio program "Vaygel" ("the voice"))

The type-forming factors of regional mass media are considered in the article, as well as the intended purpose of the national radio program "Vaygel" ("The Voice") is studied and creative and information features of journalism are identified.

Key words. National journalism, media institutions, region, mass media, periodicals, radio, program, broadcast, audience, genre palette, type-forming factor, language, culture.

Топалова Делгир Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН, г. Элиста, Россия, e-mail: delya.top@yandex.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛМЫЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1920 — 1930-е гг.

В статье анализируется издательская деятельность калмыцкой эмиграции, проходившая в контексте приоритетной задачи и сохранение богатейшего духовного наследия в условиях забвения, другой культуры и угрозы массовой ассимиляции. Автором выделяются основные особенности издательской деятельности калмыцкой эмиграции, обусловленные общественно-историческими факторами.

Ключевые слова. Калмыцкая эмиграция, печатные издания, калмыцкая культура, память, забвение, родина, преемственность традиций.

Topalova Delgir Yuryevna — Candidate of Philology, Researcher of Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia, e-mail: delya.top@yandex.ru

PUBLISHING ACTIVITY OF THE KALMYK EMIGRATION IN 1920 — 1930s

The publishing activity of the Kalmyk emigration that took place in the context of the priority task to preserve the richest spiritual heritage in the conditions of oblivion, another culture and the threat of mass assimilation is analyzed in the article. The author distinguishes the main features of publishing activity of the Kalmyk emigration caused by social and historical factors.

Key words. Kalmyk emigration, printed publications, Kalmyk culture, memory, oblivion, homeland, continuity of traditions.

Борлыкова Босха Халгаевна — старший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН, г. Элиста, Россия, e mail: borlboskha@mail.ru

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ «СЕМЕЙНЫЙ СТАТУС» ПЕРСОНАЖЕЙ КАЛМЫЦКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

В статье на основе известной работы Е. С. Новик «Система персонажей русской волшебной сказки» представлен опыт описания семантических признаков, определяющих «семейный статус» персонажей калмыцких волшебных сказок из репертуара Санджи Бутаева. В результате анализа семантических признаков, определяющих «семейный статус» персонажей калмыцкой волшебной сказки, установлено, что они определяют характер сказочных коллизий и создают конфликтные ситуации, которые обыгрываются в пределах всего сюжета или эпизода.

Ключевые слова. Калмыцкие волшебные сказки, персонаж, семантические признаки, семейный статус.

Borlykova Boskha Khalgayevna — Senior Researcher of Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia, e mail: borlboskha@mail.ru

ON SEMANTIC FEATURES, DETERMINING THE "FAMILY STATUS" OF KALMYK FAIRY TALE CHARACTERS

The experience of the description of semantic features, determining the "family status" of the characters of the Kalmyk fairy tales from the repertoire of Sanji Butaev, is represented in the article on the basis of the well-known work "The System of Characters of Russian Fairy Tale" by E. S. Novik. Analyzing the semantic features of the "family status" of the Kalmyk fairy tale characters it is established that they determine the nature of fairy-tale collisions and create conflict situations which are played out within the whole story or episode.

Key words. Kalmyk fairy tales, character, semantic features, family status.

Батырева Светлана Гарриевна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого научного центра РАН, г. Элиста, Россия, e-mail: sargerel@mail.ru

Батырева Кермен Петровна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры фольклора и социокультурной деятельности Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета, г. Элиста, Россия, e-mail: sargerel@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ: к постановке проблемы исследования (на материале калмыцкого искусства начала XXI в.)

Социально-экономические и политические реформы, проводимые в современной России, в значительной мере изменили статусные позиции и социально-психологическое самочувствие жителей Калмыкии. В преобразовании всех сфер жизнедеятельности общества есть как явно положительные, так и отрицательные стороны. Опыт исследований 2000-х гг. свидетельствует, что у населения доминировали такие виды идентичности, как этническая, локальная, республиканская. Вместе с тем актуализирована проблема трудовой миграции из региона, последующей ассимиляции этой части населения. В 2010-е гг. крупных исследований по изучению доминантных типов идентичности у населения республики не проводилось.

Своеобразный показатель этничности несет среда творческой элиты Республики Калмыкия. Впервые предметом изучения является изобразительное искусство Калмыкии 10-х гг. XX в. Сохраняется ли в произведениях постсоветского периода историческая память народа? Его самосознание взаимосвязано с этнической идентичностью творческой личности. В условиях изменения экономики, культуры и идеологии повышается потребность в данных исследованиях. В этой сфере активно формируется пространство меняющихся идентичностей, их ценностно-нормативный и коммуникационный потенциал.

Ключевые слова. Современное искусство, культура, история, творческая личность, идентичность, этническое самосознание, историческая память.

Ханинова Римма Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН, г. Элиста, Россия,
e-mail: khaninova@bk.ru

ЛИРИКА МИХАИЛА ХОНИНОВА 1937 — 1938 гг.

В статье рассматривается ранняя лирика Михаила Хонинова 1937 — 1938 гг. в аспекте жанрового своеобразия, проблемно-тематического диапазона, автобиографизма, национального стихосложения, влияния фольклорных и литературных традиций на становление молодого поэта в связи с эпохой.

Ключевые слова. Калмыцкая лирика 1930-х гг., жанр, национальная версификация.

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otdel _ istorii@mail.ru

ПОКОЛЕНИЕ СОЗИДАТЕЛЕЙ
Григорий Яковлевич Меркушкин

Статья посвящена жизненному пути и вкладу в развитие образования, науки и культуры Мордовской АССР Г. Я. Меркушкина, столетний юбилей которого отмечается в ноябре 2017 г.

Ключевые слова. Г. Я. Меркушкин, ровесник Октябрьской революции, народное просвещение, научно-исследовательская работа, Мордовский государственный университет, ректор, редактор, драматург, государственный деятель, депутат Верховного Совета.

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

ОТ «СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ» — К «МАСТОРАВЕ»
К юбилею Г. Я. Меркушкина

Статья посвящена одному из сложных этапов становления мордовской фольклористики и литературоведения — созданию мордовского народного эпоса, активным участником которого был Г. Я. Меркушкин.

Ключевые слова. Мордовский народный эпос, сводное произведение, литературная переработка, устно-поэтическое творчество, Г. Я. Меркушкин.

Batyreva Svetlana Garrievna — Doctor of Art Studies, Leading Researcher of Department of History, Ethnology and Archeology, Kalmyk Research Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia, e-mail: sargerel@mail.ru

Batyreva Kermen Petrovna — Candidate of Philosophy, Senior Lecturer of Department of Folklore and Sociocultural Activities of Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Kalmyk State University, Elista, Russia,
e-mail: sargerel@mail.ru

ETHNIC IDENTITY OF THE CREATIVE PERSONALITY: to the formulation of the research problem (on the material of the Kalmyk art of the early XXI century)

Social, economic and political reforms in modern Russia have significantly changed the status positions and social and psychological well-being of the inhabitants of Kalmykia. There are both clearly positive and negative sides in the transformation of all spheres of the life of society. The experience of researches in the 2000s shows that the population was dominated by such types of identity as ethnic, local and republican. At the same time, the problem of labour migration from the region, the subsequent assimilation of this part of the population, is actualized. In the 2010-ies large-scale researches to study dominant types of identity were not conducted among the population of the republic.

The environment of the creative elite of the Republic of Kalmykia contains an original indicator of ethnicity. The fine arts of Kalmykia of the 10s of the XX century is the subject-matter of the study for the first time. Is the historical memory of the people preserved in the works of the post-Soviet period? Their self- consciousness is interconnected with the ethnic identity of the creative personality. The need for these studies is increasing in the conditions of changes in the economy, culture and ideology. In this sphere, the space of changing identities, their value-normative and communicative potential is actively formed.

Key words. Modern art, culture, history, creative personality, identity, ethnic self-consciousness, historical memory.

Khaninova Rimma Mikhaylovna — Candidate of Philology, Associated Professor, Senior Researcher of Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia,
e-mail: khaninova@bk.ru

MIKHAIL KHONINOV'S LYRICS OF 1937 — 1938

The early lyrics of Mikhail Khoninov, written in 1937 — 1938, is discussed in the article in the aspect of genre peculiarity, topical range, autobiographism, national versification, the influence of folklore and literary tradition on the formation of the young poet in the connection with the epoch.

Key words. Kalmyk lyrics of the 1930s, genre, national versification.

Bikeykin Evgeny Nikolayevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otdel _ istorii@mail.ru

GENERATION OF THE CREATORS
Grigory Yakovlevich Merkushkin

The article is devoted to the life of G. Ya. Merkushkin, whose centenary is celebrated in November 2017, his contribution to the development of education, science and culture of the Mordovian ASSR.

Key words. G. Ya. Merkushkin, age mate of the October Revolution, public education, research work, Mordovia State University, rector, editor, playwright, statesman, deputy of the Supreme Soviet.

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

FROM "SALVATION OF LIFE" TO "MASTORAVA"
To the jubilee of G. Ya. Merkushkin

The article is devoted to one of the difficult stages in the formation of Mordovian folklore and literary criticism, associated with the creation of the Mordovian folk epos, whose active participant was G. Ya. Merkushkin.

Key words. Mordovian folk epos, composite work, literary processing, oral folk arts, G. Ya. Merkushkin.

УДК 929(470.345)

Евгений Николаевич Бикейкин

ПОКОЛЕНИЕ СОЗИДАТЕЛЕЙ

Григорий Яковлевич Меркушкин

Г. Я. Меркушкин

Поколение, к которому принадлежат фронтовики, особое. Это поколение людей было рождено революцией, и судьба их складывалась равно как и судьба страны. Они росли вместе с ней и с ней же переносили все тяготы и беды, с ней радовались удачам и успехам. Это легендарное поколение победителей и созидателей, которое с честью прошло через тяжелейшие испытания военного времени, восстановило страну, создало тот фундамент, который служит нам и сегодня. Их жизненный путь, любовь к Родине, сопричастность ее судьбе — являются достойным примером для молодежи, для всех нас.

Григорий Яковлевич среди них выделялся особо. В одной из официальных характеристик Г. Я. Меркушкина, имеющихся в его личном деле и датированной 2 февраля 1960 г., говорится: «...Будучи на руководящей партийно-советской работе, показал себя принципиальным, оперативным работником, принимал активное участие в проведении важнейших хозяйственно-политических мероприятий, пользовался среди трудящихся республики заслуженным авторитетом». Между тем за этими сухими, казенными словами скрыта богатейшая биография незаурядной личности советского ученого и государственного деятеля*.

Ровесник Октябрьской революции родился 23 ноября 1917 г. в с. Новые Верхисы Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне Инсарский район Республики Мордовия) в семье крестьянина-середняка. Очень рано потеряв родителей (мама умерла в 1918 г., отец — в 1921 г.), Григорий Яковлевич испытал на себе, что такое беспризорное детство. В 1930 г. поступил, а в 1934 г. экстерном окончил Инсарскую среднюю школу. После школы работал секретарем комсомольской организации в совхозе им. Желябова Инсарского района Мордовской АССР. С 1934 по 1938 г. он учился в Мордовском государственном педагогическом институте, окончив его с дипломом первой степени. Наряду с учебой в институте Григорий Яковлевич активно участвовал в работе комсомольской организации, являясь членом комсомольского бюро факультета и членом комитета ВЛКСМ института. Одновременно он преподавал географию и историю в Саранской средней школе № 9. В 1938 — 1939 гг. будущий ученый и государственный деятель преподавал историю в Темниковском педагогическом училище.

С 1939 г. начинается армейский период жизни Григория Яковлевича. В 1939 — 1940 гг. он служил на Дальнем Востоке, где окончил школу средних командиров запаса, работал заместителем командира школы младших командиров 22-го стрелкового полка. В 1940 г. демобилизовался из Красной армии и работал директором Рыбкинской средней школы в Мордовской АССР.

---

* Биография Г. Я. Меркушкина подготовлена на основе личного дела: Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 269-П. Оп. 25. Д. 419. Л. 1-75, а также электронного ресурса http://www.e-mordovia.ru/news/view

© Бикейкин Е. Н., 2017

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Г. Я. Меркушкин в первые же дни добровольцем ушел на защиту Родины. Он участвовал в боях на Ленинградском, Калининском, Северо-Западном (в дальнейшем — 1-й Прибалтийский) фронтах (командиром батальона 1009-го стрелкового полка, начальником штаба 275-го стрелкового полка 117-й стрелковой дивизии 34-й армии, заместителем начальника штаба 117-й стрелковой дивизии). В 1942 г. стал членом ВКП(б). За образцовое выполнение заданий командования он в 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды. В 1945 г. награжден медалью «За победу над Германией», а в 1946 г. — медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

В июне 1944 г. после третьего тяжелого ранения Григорий Яковлевич демобилизовался из рядов Красной армии в звании майора. Пройдя лечение в г. Иванове и Саранске, он постановлением бюро Мордовского обкома ВКП(б) от 16 ноября 1944 г. был утвержден директором Научно-исследовательского института при Совете Народных Комиссаров Мордовской АССР. В то же время начал работу над диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Восточные походы Ивана IV Грозного». С 1945 г. занимался лекторской работой.

В институте Григорий Яковлевич проводил большую работу по подготовке научных работников, составлению мордовских словарей, сбору и обобщению материалов по истории мордовского народа. Так, уже в 1945 г. археологическими и геоморфологическими отрядами была проведена комплексная научно-исследовательская экспедиция в районы республики. Было открыто несколько ранее не известных памятников, относящихся ко II тыс. н. э.

11 ноября 1946 г. Г. Я. Меркушкин постановлением бюро Мордовского обкома ВКП(б) был утвержден министром просвещения Мордовской АССР. Сегодня трудно себе представить, но ему тогда было всего 29 лет. А 11 февраля 1947 г. решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР ему присвоили ученую степень кандидата исторических наук.

Итогом упорной деятельности Григория Яковлевича в должности министра просвещения были введение всеобщего семилетнего обучения в республике, увеличение сети семилетних и средних школ, специализированных, дошкольных и внешкольных детских учреждений, повышение педагогического мастерства учителей в начальных и средних школах, увеличение издания книг на мордовских языках. 10 января 1950 г. в связи с двадцатилетней годовщиной Мордовской АССР и за большой вклад в развитие народного просвещения республики Указом Президиума Верховного Совета СССР Г. Я. Меркушкин был награжден орденом Ленина.

Постановлением Мордовского обкома ВКП(б) от 19 мая 1950 г. Григория Яковлевича утвердили в должности заместителя Председателя Совета Министров Мордовской АССР. При этом он продолжал заниматься научной работой. 6 сентября 1950 г. его утвердили главным редактором «Русско-мокшанского лексического словаря». Постановлениями Мордовского обкома КПСС от 12 октября 1954 г. он избран секретарем обкома партии, а от 28 января 1960 г. — утвержден ректором Мордовского государственного университета.

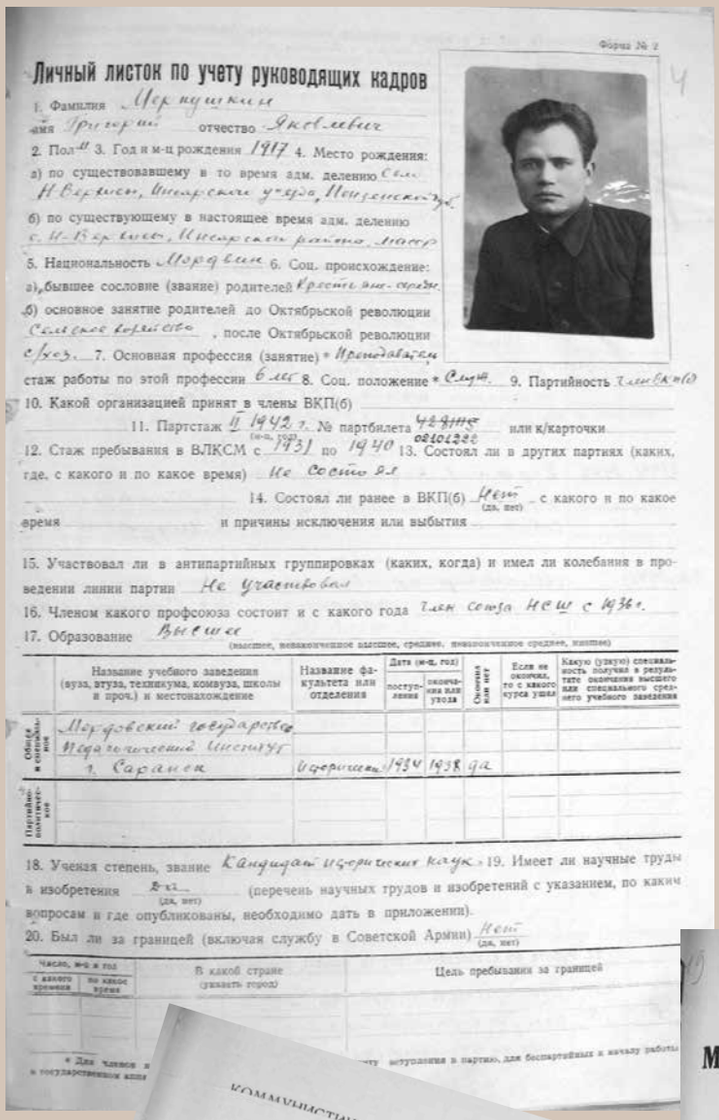
За годы работы ректором Григорий Яковлевич внес большой вклад в становление и развитие университета: открылись новые факультеты, (их количество увеличилось с 5 до 10), кафедры (с 34 до 50) и лаборатории; расширился контингент студентов; увеличился профессорско-преподавательский состав. Для чтения лекций и преподавания предметов приезжали ученые из других республик и областей СССР. В 1968 — 1969 гг. запустили в эксплуатацию новый учебный корпус № 2 по ул. Большевистской.

Труд Г. Я. Меркушкина в сфере высшего образования был отмечен высокими наградами: в 1960 г. он удостоен медали «За трудовую доблесть», в 1961 г. — ордена Знак Почета, в 1965 г. — почетного звания «Заслуженный работник народного просвещения Мордовской АССР» (за заслуги в подготовке педагогических кадров), в 1967 г. — ордена Трудового Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 января 1967 г.; за заслуги в развитии высшего и среднего специального образования, подготовке квалифицированных специалистов для народного хозяйства и достигнутые успехи в развитии научных исследований). Также награждался почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР (1960 г.) и Президиума Верховного Совета МАССР (1967 г.).

Будучи ректором университета, Г. Я. Меркушкин продолжал заниматься научно-исследовательской работой. В 1968 г. он подготовил к защите диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «История развития культуры и науки Мордовской АССР».

В июле 1969 г. Г. Я. Меркушкин перешел на преподавательскую работу — был назначен заведующим кафедрой истории СССР историко-филологического факультета Мордовского государственного университета, а 6 апреля 1970 г. приказом ректора Мордовского государственного университета Г. Я. Меркушкин был переведен на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР историко-филологического факультета, где и проработал до конца жизни.

3 января 1979 г. Г. Я. Меркушкин ушел из жизни, но оставил богатое



Форма № 2

Личный листок по учету руководящих кадров

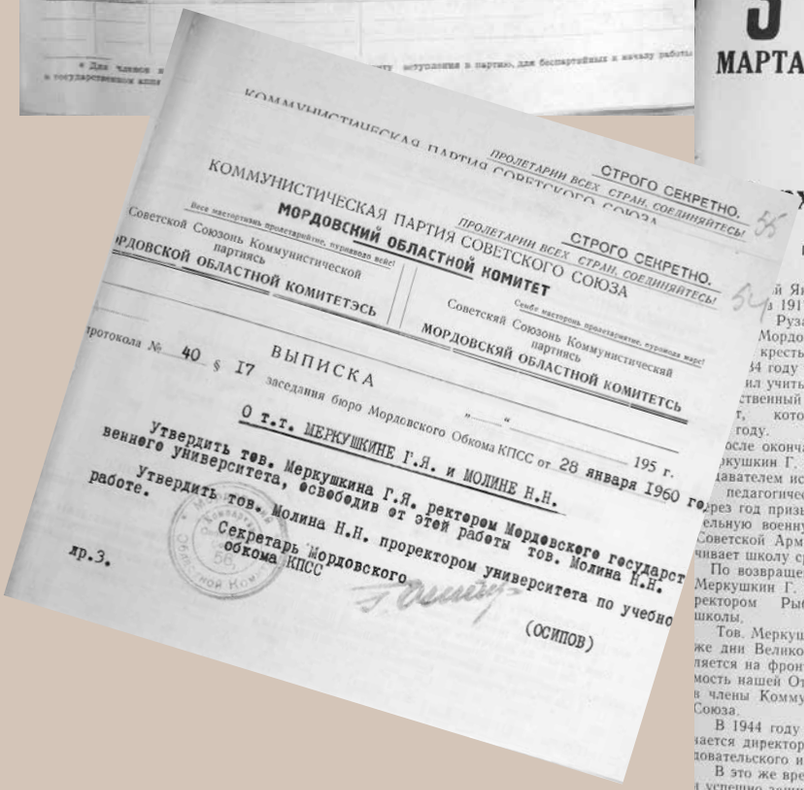
1. Фамилия Меркушкин
имя Григорий отчество Яковлевич
2. Пол М 3. Год и м-ц рождения 1917 4. Место рождения:
а) по существовавшему в то время адм. делению Сел. Н-Вершины, Инсарского уезда, Пензенской губ.
б) по существующему в настоящее время адм. делению с. Н-Вершины, Инсарского района, Мазор
5. Национальность Мордвин 6. Соц. происхождение:
а) бывшее сословие (звание) родителей Крестьянск. средн.
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции Сельское хозяйство, после Октябрьской революции с/хоз. 7. Основная профессия (занятие) * Преподаватель
стаж работы по этой профессии 6 лет 8. Соц. положение * Служ. 9. Партийность член ВКП(б)
10. Какой организацией принят в члены ВКП(б)
11. Партстаж II 1942 г. № партбилета 428115 02101222 или к/карточки
12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с 1931 по 1940 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) Не состоял
14. Состоял ли ранее в ВКП(б) Нет (да, нет) с какого и по какое время и причины исключения или выбытия
15. Участвовал ли в антипартийных группировках (каких, когда) и имел ли колебания в проведении линии партии Не участвовал
16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года член союза НСШ с 1936 г.
17. Образование Высшее (высшее, незаконченное высшее, среднее, незаконченное среднее, низшее)

	Название учебного заведения (вуза, втуза, техникума, комвуза, школы и проч.) и местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц, год) поступления	Дата (м-ц, год) окончания или ухода	Окончил или нет	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (узкую) специальность получил в результате окончания высшего или специального среднего учебного заведения
Общее и специальное	Мордовский государственный педагогический институт г. Саранск	Исторический	1934	1938	да		
Партийно-политическое							

18. Ученая степень, звание Кандидат исторических наук 19. Имеет ли научные труды и изобретения Да (да, нет) (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
20. Был ли за границей (включая службу в Советской Армии) Нет (да, нет)

Число, м-ц и год с какого времени	Число, м-ц и год по какое время	В какой стране (указать город)	Цель пребывания за границей

* Для членов и ... в государственном апп... ...ту вступления в партию, для беспартийных к началу работы



КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
СТРОГО СЕКРЕТНО.
55

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
СТРОГО СЕКРЕТНО.
54

МОРДОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

Все мастертизмы пролетарийтие, пуроводо вейс!
Советской Союзонь Коммунистической партиясь
МОРДОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТЭСЬ

Сембе мастерень пролетариятие, пуронода марс!
Советскяй Союзонь Коммунистическяй партиясь
МОРДОВСКЯЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТСЬ

ВЫПИСКА

Протокола № 40 § 17 заседания бюро Мордовского Обкома КПСС от 28 января 1960 года

О т.т. МЕРКУШКИНЕ Г.Я. и МОЛИНЕ Н.Н.

Утвердить тов. Меркушкина Г.Я. ректором Мордовского государственного университета, освободив от этой работы тов. Молина Н.Н.

Утвердить тов. Молина Н.Н. проректором университета по учебной работе.

Секретарь Мордовского обкома КПСС

(ОСИПОВ)

лр.3.

3 МАРТА ВСЕ НА ВЫБОРЫ! 1963 ГОДА

КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ
...ховного Совета Мордовской АССР
по Демократическому избирательному округу № 6

...й Яковлевич Меркушкин ...в 1917 году в селе Новые ... Рузаевского сельского ... Мордовской АССР в мор... крестьянской семье.

...34 году тов. Меркушкин Г. Я. ...ил учиться в Мордовский го...ственный педагогический ин...т, который окончил в ... году.

...осле окончания института тов. ...ркушкин Г. Я. назначается пре...давателем истории Темниковско... педагогического училища, а ...рез год призывается на действи...ельную военную службу в ряды Советской Армии. Здесь он оканчивает школу средних командиров.

По возвращении из армии тов. Меркушкин Г. Я. назначается директором Рыбкинской средней школы.

Тов. Меркушкин Г. Я. в первые же дни Великой Отечественной войны отправляется на фронт защищать честь и независимость нашей Отчизны. В 1942 году он вступает в члены Коммунистической партии Советского Союза.

В 1944 году тов. Меркушкин Г. Я. назначается директором Мордовского научно-исследовательского института.

В это же время тов. Меркушкин Г. Я. пишет и успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

МЕРКУШКИН Григорий Яковлевич

В 1946 году тов. Меркушкин Г. Я. утверждается министром просвещения Мордовской АССР.

Трудящиеся Мордовской АССР оказали тов. Меркушкину Г. Я. большое доверие, избрав его в 1950 году депутатом Верховного Совета СССР. Григорий Яковлевич четыре раза избирался депутатом Верховного Совета Мордовской АССР.

В 1950 году т. Меркушкин Г. Я. был выдвинут на работу заместителем Председателя Совета Министров Мордовской АССР.

В октябре 1954 года Григорий Яковлевич Меркушкин избирается секретарем Мордовского обкома КПСС. С 1960 года тов. Меркушкин — ректор Мордовского государственного университета.

Советское правительство наградило тов. Меркушкина Г. Я. орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За трудовую доблесть».

Трудящиеся Демократического избирательного округа № 6 г. Саранска единодушно выдвинули тов. Меркушкина кандидатом в депутаты Верховного Совета Мордовской АССР.

Тов. Меркушкин Г. Я. — достойный кандидат народного блока коммунистов и беспартийных.

научно-литературное наследие. Его вклад в науку республики трудно переоценить. Григорий Яковлевич оказался одним из первых региональных историков, эффективно использовавших открывшиеся в связи с произошедшими в 1940-е гг. идеологическими новациями благоприятные возможности для развития исторической науки в Мордовии. Суть данных новаций состояла в отходе от классовой интерпретации сущности советского патриотизма, основанной на искусственном противопоставлении советского периода отечественной истории дооктябрьскому периоду развития России, от крайне субъективных теоретических построений о «несамостоятельности» и угнетении народов Российской империей и переходе к реализации доктрины патриотизма в историческом контексте, при котором монархическая Россия рассматривалась как предшественница СССР.

Г. Я. Меркушкин первым из региональных исследователей особое внимание обратил на прогрессивное значение политики колонизации Российского государства, которая позволяла многим народам, в силу тех или иных объективных причин задержавшимся в культурно-историческом развитии, вырваться из эпохи родоплеменных отношений между людьми. Г. Я. Меркушкин доказывал, что мордву не завоевывали, а имел место естественный процесс вхождения мордвы в состав Московского государства. Таким образом, ученый аргументировано поставил под сомнение культивировавшуюся ранее парадигму «царизм — тюрьма народов», являвшуюся тормозом для развития дальнейших изысканий ученых-историков. С его подачи предметом исследований для работ местных историков отныне становилась история Мордовии, на территории которой проживал полиэтнический, поликонфессиональный народ. Мордва стала рассматриваться как часть целостного народа Мордовии, который сам в свою очередь рассматривался как часть полиэтнического советского социума. Историческим правопреемником России стал Советский Союз, а действительным наследником славных ратных и трудовых подвигов российского народа стал советский народ — победитель немецко-фашистской Германии. Такой подход в региональной исторической науке способствовал универсализации социокультурных ценностей жителей многонациональной Мордовии. К тому же не будет преувеличением сказать, что научные новации Григория Яковлевича явились первым камнем в основании концепции 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства.

Г. Я. Меркушкин является автором многочисленных работ по истории, культуре, науке, литературоведению Мордовии: «Народное образование в советской Мордовии» (1948 г.), «Народное образование в Мордовской АССР» (1951 г.), «Вхождение мордовского народа в состав Русского централизованного многонационального государства» (1964 г.), «Литературоведение в Мордовии» (1966 г.) и др.

Подготовленные им материалы вошли в учебники и учебные пособия по истории Мордовской АССР «История Мордовской АССР» (1976 г.), «Мой край, Мордовия» (1976 г.); опубликованы в книгах «Очерки истории Мордовской АССР» (1955 г.; Г. Я. Меркушкин — член редколлегии), «Светотехническая промышленность Мордовской АССР» (1965 г.), «Этногенез мордовского народа» (1965 г.), «Мордва» (1981 г.) и др.

Вершиной научной и творческой деятельности Г. Я. Меркушкина стала изданная в 1967 г. книга «Развитие науки в Мордовии». Большой вклад он внес и в воссоздание мордовского народного эпоса «Масторава».

С начала 1950-х гг. Григорий Яковлевич создавал пьесы. Продолжая лучшие традиции родной драматургии, творчески осваивая опыт многонациональной литературы нашей страны, он обогатил мордовскую драматургию новыми произведениями, расширил круг ее тем, глубоко раскрыл душу мордовского народа, показал богатство чувств человека-труженика, человека-созидателя. Г. Я. Меркушкин за недолгую творческую жизнь написал драмы «Народть лемса» («Во имя народа», 1955), «Шинь стяма» («На рассвете», 1957), «Дорогой жизни» (1962), «Голубое сияние» (1967), «Огненные дороги» (1975), «Поэтть тяштец» («Звезда поэта», 1985) и др.

Григорий Яковлевич Меркушкин избирался депутатом Верховного Совета СССР 3-го созыва (1951 г.), Верховного Совета Мордовской АССР 3—7-го созывов, а также делегатом XXIII съезда КПСС (29 марта — 8 апреля 1966 г.); являлся членом Мордовского обкома КПСС (с 1951 г.) и членом бюро обкома партии (1954 — 1960 гг.), внештатным пропагандистом Саранского горкома ВКП(б) (вторая половина 1940-х гг.), председателем правления Мордовского республиканского общества по распространению политических знаний (первая половина 1950-х гг.).

Революция 1917 г. создала условия для проявления многогранных талантов выходцев из крестьянской и рабочей среды. Жизнь и деятельность Григория Яковлевича, его стремительный рост от беспризорного мальчика до крупного государственного деятеля и ученого — яркое подтверждение этого тезиса. Во многом благодаря усилиям таких «детей Октября», как Г. Я. Меркушкин, была создана социально-экономическая, культурная и научно-образовательная база нашей республики.

Поступила 01.09.2017

УДК 929(470.345)

Игорь Васильевич Зубов

ОТ «СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ» – К «МАСТОРАВЕ»

К юбилею Г. Я. Меркушкина

В 2017 г. исполняется 100 лет со дня рождения советско-партийного работника, историка, педагога, драматурга, кандидата исторических наук (1947), заслуженного работника народного просвещения МАССР (1965), лауреат премии Комсомола Мордовии (1968) Григория Яковлевича Меркушкина. Вспоминая детали творческой или научной биографии людей многогранных, разносторонних, талантливых и активных, к которым, безусловно, относится Г. Я. Меркушкин, велика вероятность не охватить вниманием те большие дела, значимые успехи, которые были ими достигнуты. Поэтому сосредоточимся на его работе по созданию мордовского эпоса, наличие которого, по общему признанию ученых, является свидетельством богатого духовного наследия любого народа и развитости литературного процесса.

Возникновению идеи воссоздать эпос мордовского народа способствовали обширные полевые материалы, собранные в разные годы экспедициями НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР (НИИЯЛИЭ; с 2001 г. — НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН)), которые наглядно демонстрировали сохранение в народной памяти не только знаковых событий и поворотных моментов в истории родины или оценочных характеристик явлений социокультурного и этнокультурного пространства, но и архаичных элементов, складывавшихся в единый контекст представлений о возникновении земли, людей, народов, формировании культурных традиций, эстетических идеалов и предпосылок этноэтики. Во многих образцах устно-поэтического творчества выделялись элементы эпического начала, что и подтолкнуло ученых к комплексным исследованиям для подтверждения этих гипотез. Безусловно, поставленная задача требовала применения соизмеримых сил большого коллектива, без которого добиться успеха было бы невозможно. Именно тогда одновременно с коллективом сектора фольклора к работе над эпосом были привлечены и другие исследователи. В июле 1970 г. между НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР и Г. Я. Меркушкиным, В. В. Горбуновым и А. Д. Шуляевым был заключен договор, согласно которому исполнители должны были составить сводное произведение под названием «Эрямонь идема» («Спасение жизни») и подготовить его первую композицию не позднее декабря 1972 г.[1]

Первый вариант произведения был подготовлен достаточно быстро, но рецензенты предложили его доработать. Поразительная работоспособность составителей Г. Я. Меркушкина и А. Д. Шуляева позволила им уже в сентябре 1970 г. подготовить новый вариант рукописи, получившей название «Сын Молнии». Композицией и расшифровкой текстов представленного в институт варианта эпоса занимался Г. Я. Меркушкин. Нужно отметить, что, сосредоточившись на создании единого целого, составители проделали огромную работу, фактически впервые предложив рабочий вариант структуры сводного варианта эпоса.

Зачин «Сына молнии» начинается с повествования о создании богом Шкаем земли, где в процессе творения принимает участие его антипод

© Зубов И. В., 2017

Шайтан. Сюжет о создании земли, действительно, очень популярен не только в мордовском фольклоре и фольклоре многих народов, его варианты были зафиксированы в разных губерниях и уездах с компактным проживанием мокшан и эрзян. Вероятно, именно поэтому в рукописи «Сына Молнии» Григорий Яковлевич и Алексей Дмитриевич решили использовать данный сюжет. Чутье Г. Я. Меркушкина как писателя и постоянные консультации с мордовскими учеными-фольклористами подсказали ему, что это и есть отправная точка повествования мордовского народного эпоса, конечный вариант которого сегодня хорошо известен широкому кругу читателей по изданиям 2009 г. и последующих. Анализируя текст этой рукописи, приходишь к выводу о том, что он стал фактически первой попыткой в мордовской литературе максимально использовать при создании эпоса разножанровые произведения, их стилистику, сюжеты и образы, встроив их в единую канву повествования. В частности, речь идет о былинах о русских богатырях, известных на Русском Севере, или Нижегородской земле, где еще в XIX в. фиксировались небольшие очаги живой эпической традиции: «Тут старый казак да Илья Муромец / Он поехал по раздольицу чисту полю, / Не мог конца краю силушки наехати. / Посмотрел на все на три-четыре стороны — / Конца — краю силы насмотреть не мог»[2]. С неменьшим успехом интегрировались в текст эпоса отрывки произведений мордовских писателей, в частности «Сияжара» В. К. Радаева, дискуссии об эпичности которого долгое время были в фокусе внимания ученых Мордовии.

Композиция, предложенная в рукописи Г. Я. Меркушкиным, состояла из семи разделов (песен).

Песня первая — о Литове, ее замужестве, переходе на небо.

Песня вторая — о божестве Хмеля, Нороваве и других божествах, выборы Тюштяна. Причем в тексте в качестве Тюштяна фигурирует сын Молнии — богатырь, повествование о котором основывалось на литературной переработке существовавших и уже известных материалах о Тюште. Сюда же составители включили сюжет о коне и соколе.

Песня третья описывает борьбу с волшебными силами (дракона Миняши), дружбе с богатырями, захвате земель Тюштяна, с использованием сюжетов и мотивов мордовских и русских сказок.

Песня четвертая посвящена возвращению Литовы домой, на землю, сюда же были включены сюжеты об охотнике и утке, плавно переросшие в сватовство и свадьбу земной девушки Азравки. Объем этой части в рукописи стал самым большим, поскольку она включила в себя множество элементов традиционной мордовской свадьбы.

Песня пятая содержательно раскрывает дальнейшее развитие событий, а именно возвращение Литовы на небо, показывает войну Тюштяна, его дружбу с русским царем ради спасения земли и народа от захватчиков.

Песня шестая тематически включает в себя произведения о ногайском полоне.

Песня седьмая содержит произведения, охватывающие походы Ивана Грозного на Казань, взятие города с помощью помощников из мордвы и счастливый финал, воспевающий единение русского и мордовского народа.

Столь подробное описание структуры представленного Г. Я. Меркушкиным и А. Д. Шуляевым варианта произведения неслучайно, поскольку позволяет понять, насколько глубоко нужно было погрузиться составителям в фольклорную среду, какой труд ими проделан по переработке фольклорных и литературных источников, как складывалась единая сюжетная линия эпического повествования. В конечном счете исследователям, и прежде всего филологам, будет интересно провести сравнительный анализ текста этой рукописи и того фундаментального произведения, которое увидело свет лишь через многие десятилетия под названием «Масторава», обнаружив там многочисленные параллели.

Нужно отметить, что, несмотря на положительные эмоции, которые способна вызвать эта работа, обозначившая собой важную ступень в развитии литературы и фольклористики Мордовии, были в ней и определенные недостатки, отмеченные коллегами составителей при обсуждении. Большая часть текстов включалась, обрабатывалась и встраивалась в структуру исходя из общей задачи — создать произведение для массового читателя. Весьма размытым и противоречивым получился образ главного героя — сына Молнии, который часто уходил на второй план или подменялся другим героем — Тюштей. Существование подлинно фольклорных источников, способных сделать эту работу лучше, а также событий и персонажей, помогающих дополнить намеченные Г. Я. Меркушкиным и А. Д. Шуляевым контуры эпоса, требовали внести соответствующие коррективы. Именно поэтому данный вариант было предложено доработать, чтобы развернуть впоследствии перед читателем поистине эпическое полотно повествования. Да и сам подход составителей рукописи «Сын Молнии», взявших на вооружение, например, такой прием, как использование частей литературных произведений, подсказывал им привлекать более широкий круг материалов.

Масштабность проводимой творческим коллективом работы накладывала на его членов дополнительный груз ответственности. Не только ученые, но и творческая интеллигенция с нескрываемым интересом следила за ходом работы. В писательской

среде высказывались сомнения относительно возможности осуществления столь грандиозного проекта по созданию эпоса. В непростой ситуации, подразумевающей дальнейшее приложение титанических усилий для достижения поставленной цели, упорство Г. Я. Меркушкина сыграло, пожалуй, ключевую роль. Об этой особенности его характера говорил еще один участник создания эпоса — М. В. Дорожкин: «Ради справедливости надо сказать, что составители, особенно В. В. Горбунов, Г. Я. Меркушкин сами не допускали ненужных авторских добавлений. Они решительно выступают против искажения текстов песен. Но зато попробуй-ка снять из подготовленного ими варианта какой-нибудь песенный текст, который редакторам кажется почему-то лишним, а составителям совершенно уместным и нужным. Тут 5 редакторов и 3 директора не в силах их столкнуть со своих позиций»[3].

Сложности и замечания по работе над эпосом снимались Г. Я. Меркушкиным не только в его творческой мастерской, но и в постоянной совместной работе с учеными института. Так, в сохранившихся протоколах заседания сектора фольклора за 1971 г. отмечается активная позиция Григория Яковлевича по формированию концепции структуры произведения. Во время обсуждения проекта издания академической версии «Мордовского народного эпоса» и издания сводного эпоса К. Т. Самородов, обозначая сложность проекта, указал на то, что мордовский народный эпос не состоит из произведений одного сюжетного плана, что будет сказываться на разработке плана-проспекта издания. Однако его опасения были несколько развеяны участвовавшими в обсуждении Г. Я. Меркушкиным, А. Д. Шуляевым, М. В. Дорожкиным, Л. С. Кавтаськиным и Д. Т. Надькиным, которые предложили ряд подходов к решению проблемы. Г. Я. Меркушкин, будучи знакомым с основ-

ным кругом фольклорных и художественных произведений, несших в себе, по мнению некоторых ученых признаки эпики, в своем выступлении очертил понятия «эпические песни» и «эпос». Подчеркнув, что при составлении проспекта нужно придерживаться принципа историзма, он высказался за следующую структуру издания: «1) Мифология (откуда взялась земля, на чем покоится земля, откуда взялся мордовский народ); 2) выделение родоплеменных вождей (Тюштя, Сабан-богатырь, Миняша); 3) период формирования феодальных отношений; 4) период борьбы против монголо-татарского нашествия»[4].

Работа над созданием нового варианта эпоса под названием «Тюштянь мастор» продолжилась, к 1972 г. он был подготовлен и передан в институт уже тремя составителями — Г. Я. Меркушкиным, В. В. Горбуновым и А. Д. Шуляевым. Активное участие в работе над эпосом принимали и сотрудники сектора фольклора, которыми, согласно отчету был подготовлен «...сводный текст эпоса на мокшанском и эрзянском языках для массового читателя в объеме 20 авт. листов вместо 10 листов по плану»[5]. После исправления замечаний к рукописи, в мае 1973 г. был подготовлен окончательный вариант сводного текста мордовского народного эпоса под условным названием «Тюштянь мастор» объемом 30 авторских листов, написана вступительная статья в объеме около 2 авторских листов на мордовских (эрзянском и мокшанском) языках.

Понимая необходимость дальнейшего совершенствования начатого проекта, Г. Я. Меркушкин, вместе с другими составителями нового варианта эпоса писали: «Этот памятник не является подлинным документом истории, ибо он есть художественное отображение представлений о жизни и стремлениях коллектива за много веков. Но в нем найдут себе изумительный материал философы, исследующие психический склад народа, историки, разглядывающие бесписьменное прошлое, лингвисты, собирающие жемчужины языка, литераторы и фольклористы, выявляющие формы образного мышления, педагоги, ищущие оптимальные пути для воспитания нового человека»[6].

Нужно отметить, что составители варианта мордовского народного эпоса «Тюштянь мастор» Г. Я. Меркушкин и А. Д. Шуляев, а вместе с ними и В. В. Горбунов, принявший активное участие в переложении текстов прозаических произведений (сказок, легенд, преданий) в стихотворную форму положили начало большой дальнейшей работе не только ученым-фольклористам, но и представителям писательского корпуса Мордовии. В частности, согласно документам архива НИИГН, в 1974 г. весьма успешно проявил себя в новом качестве известный мордовский писатель П. И. Левчаев: «...Переводчик Левчаев Петр Иванович свои обязательства согласно договору от 23 февраля с/г. по построчно-смысловому переводу на русский язык сводного текста Мордовского народного эпоса — «Тюштянь мастор» выполнил полностью. Перевод оригинала мордовского эпоса сектором принят как удовлетворительный в количестве 19 254 стих. строк»[7].

Сам Г. Я. Меркушкин как ответственный участник создания сводного эпического тома и позднее принимал активное участие в работе института над этим проектом. Так, будучи приглашенным на заседание Ученого совета института в 1976 г., где обсуждались итоги работы коллектива за прошедший год, Г. Я. Меркушкин особо остановился на теме создания мордовского эпоса. В свойственной ему манере, акцентируя внимание на деталях работы, он обозначил перед участниками заседания как достигнутые в этом направлении успехи, так и недостатки, отметил, что над сводным вариантом эпоса нужно еще много работать, и предлагал оказывать конкретную помощь внештатным авторам: «...Давать им командировки для работы над темами в библиотеках и архивах страны»[8].

Высказывания Григория Яковлевича Меркушкина оказались пророческими. Проект по воссозданию народного эпоса потребовал еще многих уточнений и исправлений, консультаций с ведущими научными центрами страны и обсуждений предварительных результатов. Однако вся эта работа была проделана не зря, в результате появился национальный мордовский эпос под названием «Масторава». У истоков его создания стоял коллектив выдающихся ученых, в начальный состав которого входил творчески одаренный и напористый Г. Я. Меркушкин. Таким образом, благодаря многолетним усилиям и постоянным поискам вместе с единомышленниками Григорий Яковлевич внес значимый вклад в разработку концепции мордовского народного эпоса.

Поступила 01.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] Об этапах работы над созданием эпоса подробнее см.: **Юрчёнков В. А.** Мордовский национальный эпос и «Масторава»: история создания // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 4 (23). С. 130 — 136.

[2] Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Л-694. Л. 125 (далее — НА НИИГН).

[3] Цит. по: **Зубов И. В.** М. В. Дорожкин и мордовский народный эпос. Памяти ученого // Центр и периферия. 2016. № 3. С. 22 — 23.

[4] НА НИИГН. О-344. Л. 5.

[5] НА НИИГН. О-367а. Л. 2.

[6] НА НИИГН. Л-708. Л. 63.

[7] НА НИИГН. О-74. Л. 34.

[8] НА НИИГН. О-427. Л. 4.

Материалы, опубликованные в журнале «ЦЕНТР и ПЕРИФЕРИЯ» в 2017 г.

НАШЕ ПРОШЛОЕ

П. С. Кабытов, Е. И. Чепурнова Китайский чай в структуре самарской торговли 1
Н. П. Шамов Экспансия русской музыкальной культуры на территории Китая 1
В. П. Трут Казачество и Февраль
Позиции казачества в период Февральской революции 2
Г. А. Куршева Народный учитель: крестьянские корни 2
П. П. Щербинин Восприятие лидера: крестьяне о своих вожаках 3
В. П. Трут Октябрьская революция в казачьих областях страны
Отношение казачества к революции и внутриполитические процессы на территориях казачьих войск в конце октября — ноябре 1917 г. 3
Н. В. Липатова «Новый светит свет…»
Советская служба и коммуна как объект крестьянских практик встраивания в новую советскую революционную реальность 3
В. И. Лаптун «Так кто же такой Николай Красовский — палач, жертва или герой?» (часть 1) 4
Е. В. Сартикова Роль партийной организации Калмыкии в развитии народного образования (1920 — 1930) 4
К. Н. Максимов Репрессии народа дискреционной властью Советского государства: сквозь призму документов ЦК ВКП(б), СНК СССРБ и НКВД СССР 4

АРХИВ

С. Ю. Шокарев Убил ли Иван Грозный своего сына! 1
С. В. Видяйкин Присурский фронтир
Опыт построения пространственной модели Верхосурского стана Алатырского уезда в 1620-е гг. 1
Д. В. Фролов «Да платья мужскаго и женскаго теплаго и холоднаго…»
Костюм дворян мордовского края второй половины XVII в. 1
В. А. Юрчёнков Человек на войне:
Александр Яковлев — герой Вердена 1
П. С. Кабытов «…О Чапаеве дать представление более широким кругам»
Переписка Д. А. Фурманова с Самарским истпартом об издании сокращенного варианта романа «Чапаев» 2
А. А. Иванов «Приветствуем тебя, отца родного…»
Коллективные письма И. В. Сталину 1930 — 1950-х гг. как объект археографического исследования 2
В. Б. Махаев Город Псков в отечественных энциклопедиях 2
Д. В. Фролов «…Послать к тебе, господине, в Саранскъ…»
Документы XVII столетия по истории мордовского края из фондов МРОКМ им. И. Д. Воронина 3
А. К. Салмин Мордовская кичка начала XVIII в. 3
В. П. Тотфалушин Декабристы и Саратовский край 3
В. Д. Фролов Ветеран трех войн
Дмитрий Кузьмич Шеянов 4
В. Б. Махаев Главному управлению лагерей требуются архитекторы 4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Б. А. Борисов Проблемы формирования системы советской юстиции
в трудах канадского политолога и историка П. Соломона 4
А. М. Каторова Отображение национальной истории в мордовской литературе 4

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Д. В. Фролов «Наканунѣ Гражданской войны»
Газета «Русскія вѣдомости» периода Временного правительства 2
А. И. Лушин, Ю. В. Щербаков Система подготовки красноармейцев
и командных кадров РККА в 1920 — 1930-е гг. 2
Н. А. Крисанова Мордовское отделение Всесоюзного общества «Знание»
как национальный центр просветительской деятельности республики (1940 — 1990-е гг.) 2
В. А. Юрчёнков 1928 г.: дело о ценностях Саровского монастыря 3
А. Е. Мирошкина Из блокнота журналиста 3

ИЗМЕНЯЯ ИМПЕРСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

С. Н. Десяев Листая старые газеты 1
С. П. Артёмов, В. И. Родькин, В. Н. Градусова Национальное достояние 1
В. А. Юрчёнков 1914 год: мордовское село Вечканово 2
В. П. Тотфалушин Прерванная память 2
И. Г. Кильдюшкина «Примеряя платье» парламентской республики,
или Почему в Мордовии не закрепился институт президентства (часть I) 2
А. В. Булавин Структурные кризисы мировой системы сквозь призму
основных геополитических концепций 3
И. Г. Кильдюшкина «Примеряя платье» парламентской республики,
или Почему в Мордовии не закрепился институт президентства (часть II) 3
С. В. Белоусов «Большой кубанский погром» в Пензенском и Саранском уездах
Восстановление хронологии событий по документам
канцелярии саранского ландрата Льва Аристова 4
Л. М. Артамонова Участие крестьян Поволжья в сборе первых этнографических
и фольклорных материалов для Русского географического общества 4
О. И. Васильева, В. С. Воронцов «…Провинции нужен порядок и стройная
организация продовольствия»
Деятельность Глазовской городской думы в 1917 году 4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ МИР

Ю. В. Кузнецова Феномен креативности как личностная способность к творчеству 1
А. М. Каторова Женская лирика с необычным характером
О поэтическом творчестве Алины Подгорновой 1
И. И. Шеянова Не было бы сказки, не будь приукраски
Классификация и основные сюжеты мордовской народной волшебной сказки 2
Ю. Н. Смирнов «Взятие снежного городка» на Волге
Самарский вариант в истории зимней народной игры 2

В. Н. Варламенков, О. В. Яремчук, М. И. Мезенцева
Полтора века милосердия, гуманизма и любви к людям
Становление и развитие Самарской и Вятской (Кировской) фельдшерско-акушерских школ в середине XIX — начале XX в. 3
Л. В. Сульдина, Д. П. Сульдин Вехи биографии Н. И. Метальникова 3
В. П. Иванов Заметки об этнокультурной жизни современного мордовского населения Чувашии 3
С. В. Пивкина, Е. М. Пыреськина Типоформирующие факторы региональных средств массовой информации: аудитория, тема, целевое назначение
На примере радиопрограммы «Вайгель» («Голос») 4
Д. Ю. Топалова Издательская деятельность Калмыцкой эмиграции в 1920 — 1930-е гг. 4
Б. Х. Борлыкова Семантические признаки, определяющие «семейный статус» персонажей калмыцкой волшебной сказки 4

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

С. В. Видяйкин, Т. Ю. Задкова Профессор В. А. Юрчёнков и его средневековье
Штрихи к творческому портрету 1
Н. О. Шкердина Региональное образование через взаимодействие власти и общества
Творческий портрет Галины Александровны Куршевой 1
В. А. Ломшин, А. А. Тарасов Успешный советский менеджер
Евгений Андреевич Куликов 2
П. С. Учватов Иван Павлович Астайкин — государственный и общественно-политический деятель советской эпохи 3
В. Л. Житаев, А. А. Федотова Министр культуры Мордовской АССР
Павел Антонович Кокорев 3
Е. Н. Бикейкин Поколение созидателей
Григорий Яковлевич Меркушкин 4
И. В. Зубов От «Спасения жизни» — к «Мастораве»
К юбилею Г. Я. Меркушкина 4

ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

А. В. Рункова «Этот старый новый мир»
Метаморфозы художественного видения Михаила Салдаева и Светланы Борисовой 1
А. Ю. Ивлева, А. В. Пузаков Имя собственное как визуализация индивидуальной картины мира автора 3
А. Г. Бурнаев, Е. В. Левина Фантазия и реальность: смысловая характеристика хореографической постановки 3
С. Г. Батырева, К. П. Батырева Этническая идентичность творческой личности:
к постановке проблемы исследования (на материале калмыцкого искусства начала XXI в.) 4
Р. М. Ханинова Лирика Михаила Хонинова 1937 — 1938 гг. 4

POST SCRIPTUM:
рецензии, критика, хроника

В. В. Ставицкий, Е. Н. Кемаев Новые раскопки Ражкинского могильника 1
А. Ю. Кильдюшкина Историческая память поколений
Об эрзянских причитаниях в духовном наследии финно-угров 1
А. С. Пронин Раскопки Шалинского могильника в 2016 г. 2
В. Б. Махаев Псков военный, мирный, вечный 2
Н. Н. Зоркова «Где прошло детство, там и начинается Родина» 3

Индекс 31462
Цена свободная

Наш адрес:
430005 Республика Мордовия,
Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Наша электронная почта:
guniign@list.ru